ТВОРЕНІЯ

ТЕРТУЛЛІАНА,

ХРИСТІАНСКАГО ПИСАТЕЛЯ

ВЪ КОНЦѢ ВТОРАГО И ВЪ НАЧАЛѢ ТРЕТЬЯГО ВѢКА.

Переводъ Е. Карнеева.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1850.

Съ С. Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать позволяется. С. Петербургъ, Марта 29 дня 1849 года.

Цензоръ *Архимандритъ Авваку.мъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ МОРСКАГО КАДЕТСКАГО КОРПУСА.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

По изданіи мною въ 1847 году Твореній Тертулліана въ двухъ частяхъ, многіе изъ моихъ знакомыхъ обратились ко мнѣ съ просьбою, чтобы я занялся переводомъ на Русскій языкъ и остальныхъ его сочиненій. По этому я выбралъ изъ нихъ лучшія, то есть, изъятыя отъ дальныхъ заблужденій, и теперь представляю въ переводѣ еще двѣ части Твореній его, которыя въ связи съ предъидущими составятъ третью и четвертую ихъ части. Прочія его сочиненія, числомъ пять или шесть статей, или наполнены отступленіями отъ истины, или содержатъ повтореніе такихъ предметовъ, о которыхъ разсуждалъ онъ уже въ другихъ мѣстахъ, или же заключаютъ въ себѣ нескромныя выраженія противъ Римской Церкви, которая была тогда Православною; а потому статьи эти и оставлены мною безъ перевода. Между тѣмъ прошу благосклоннаго читателя не терять изъ виду, что Тертулліанъ писалъ прежде всѣхъ Вселенскихъ Соборовъ, когда Догматы вѣры не были еще утверждены, и ког-

да самые ревностные Христіане легко могли ошибаться въ своихъ мнѣніяхъ; слѣдовательно Тертулліанъ въ догматическомъ отношеніи заслуживаетъ всякое снисхожденіе. Вообще нельзя не отдать ему справедливости, что онъ былъ человѣкъ ученый и просвѣщенный, обладалъ обширными во всемъ познаніями, вникалъ глубоко въ смыслъ Священнаго Писанія, привязанъ былъ чистосердечно къ Христіанской Религіи, велъ себя по правиламъ ея неукоризненно, и даже, какъ извѣстно, строгость поступковъ своихъ простиралъ иногда до излишества.

Е. Карпеевъ.

21 ноября 1848 г.
С. Петербургъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

3-й части.

СТРАН.

Предувѣдомленіе.

Статья XVI. О Плоти Христовой. . . . 1.
— XVII. О воскресеніи плоти . . . 54.
— XVIII. Противъ Іудеевъ. . . . . 171.

4-й части.

— XIX. Противъ Маркіона. . . . . 1.
— XX. Противъ Валентиніанъ . . . 29.
— XXI. Противъ Гермогена, или противъ вѣчности Матеріи. . . . 67.
— XXII. Противъ Праксеаса, или о Святой Троицѣ. . . . . 127.
— XXIII. Скорпіакъ, или противоядіе отъ угрызенія Скорпіоновъ. . . 199.

ТВОРЕНІЯ

ТЕРТУЛЛІАНА.

СТАТЬЯ ШЕСТНАДЦАТАЯ.

О плоти Христовой (*).

1. Люди, старающіеся поколебать вѣру въ воскресеніе, въ которое всѣ вѣровали до появленія сихъ новыхъ Саддукеевъ, и мечтающіе, что эта надежда не относится къ плоти, считаютъ себя въ правѣ предлагать вопросъ на счетъ плоти Іисуса-Христа, и утверждать, что она или не существуетъ или совсѣмъ не то, что плоть человѣческая. Они боятся, что если однажды будетъ доказано подобіе плоти Его съ нашею: то противъ нихъ восторжествуетъ то мнѣніе, что плоть, воскресшая въ Іисусѣ-Христѣ, воскреснетъ неминуемо и въ людяхъ. По сему надлежитъ поддержать дѣйствительность плоти тѣми же доводами, какіе служатъ и къ опроверженію ея. Разсмотримъ,

(*) Писана въ 207 году по Р. Х.

какая есть тѣлесная сущность Господа. Что касается до духовной Его сущности: то на сей счетъ весь свѣтъ согласенъ. Дѣло идетъ только о плоти. Споръ происходитъ о ея дѣйствительности, о естествѣ ея, существованіи, основѣ, качествахъ. Дѣйствительность ея должна служить залогомъ нашего воскресенія.

Маркіонъ, желая отвергнуть плоть Христову, отвергъ и рожденіе Его, или желая отвергнуть Его рожденіе, отвергъ вмѣстѣ и плоть Его, опасаясь, вѣроятно, чтобы рожденіе и плоть не послужили взаимнымъ другъ другу свидѣтельствомъ, потому что ни рожденія безъ плоти, ни плоти безъ рожденія, быть не можетъ, какъ будто бы по власти, присвояемой себѣ ересію, не могъ онъ или отвергнуть рожденіе, принявши плоть, подобно какъ сдѣлалъ то *Апеллесъ*, ученикъ его, и потомъ его отступникъ, или же, исповѣдуя и плоть и рожденіе, дать имъ другое какое либо знаменованіе вмѣстѣ съ *Валентиномъ*, другимъ ученикомъ и отступникомъ *Маркіоновымъ*. Но кто первый могъ утверждать, что плоть Христова мечтательна, тотъ легко могъ предположить, что и рожденіе Его было не иное что, какъ призракъ, а зачатіе, беременность и роды Присно-Дѣвы, не иное что, какъ привидѣніе. Всѣ эти обстоятельства удобно могли обмануть тѣ взоры и чувства, которыя уже ослѣпила мечта плоти.

II. Между тѣмъ рожденіе торжественно было возвѣщено *Гавріиломъ*. Но что для *Маркіона* и Ангелъ Создателя и зачатіе въ утробѣ Дѣвы? Къ чему служитъ для него *Исаія*, пророкъ Создателя? Онъ ненавидитъ медленность, и внезапно низводитъ Христа съ небесъ. «Удалите отъ глазъ моихъ, говоритъ онъ, «это строгое повелѣніе Кесаря, эту жалкую гостин«ницу, эти замаранныя пелены, эти безпокойныя ле-

«ли. Это множество Ангеловъ да воздаетъ честь Го-«споду своему, и да не увлекается ночными призра-«ками. Оставьте пастуховъ лучше при ихъ стадахъ. «Пусть Маги не трудятся предпринимать столь даль-«цяго пути: богатство ихъ пусть останется при нихъ. «Да будетъ *Иродъ* человѣколюбивѣе, чтобъ *Іеремія* «не хвалился своимъ пророчествомъ. Не должно об-«рѣзывать младенца, чтобъ онъ не плакалъ. Не дол-«жно представлять его въ храмъ, чтобы издержками «на жертвоприношеніе не отяготить родителей. Не «передавайте его въ руки *Симеона,* чтобы дряхлый «старикъ не уронилъ его. Заставьте молчать эту пре-«старѣлую пророчицу, чтобъ она не заколдовала мла-«денца.» Вотъ какими, вѣроятно, умствованіями дер-знулъ ты, *Маркіонъ*, устранить достовѣрныя доказательства о человѣчествѣ Христовомъ, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожить и дѣйствительность плоти Его. Но по какому праву, спросилъ бы я тебя? Ты пророкъ: объяви намъ какое либо пророчество. Если ты Апостолъ, проповѣдуй явно. Если ты мужъ Апостольскій, разсуждай, какъ Апостолы. Если ты простый Христіанинъ, вѣруй тому, что дошло до насъ по преданію. Если же ты не имѣешь въ себѣ ничего подобнаго, то умри, могу я сказать тебѣ откровенно; ибо ты и безъ того уже умеръ, переставши быть Христіаниномъ, и не пріемля той вѣры, которая составляетъ Христіанина. Дѣйствительно ты умеръ, и умеръ тѣмъ паче, что, бывши Христіаниномъ, отрекся отъ вѣры, которую прежде исповѣдовалъ, какъ-то самъ ты сознался въ одномъ изъ своихъ писемъ; чего не отрицаютъ ни твои ученики ни другіе Христіане. Чрезъ то, что пересталъ ты вѣрить тому, чему вѣрилъ, ты хотѣлъ то, чему вѣрилъ, уничтожить; но дѣйствительно нисколько не уничтожилъ того, чему

вѣрилъ. Нѣтъ! Устраняя то, чему вѣрилъ, ты только доказалъ, что существовала другая вѣра, прежде нежели ты осмѣлился ее устранить. Эта другая вѣра происходила отъ преданія; а что происходитъ отъ преданія, то истинная есть вѣра, потому что произошла отъ тѣхъ, на кого возложенъ былъ долгъ возвѣщать преданія. Такимъ образомъ устраняя то, что дошло по преданію, ты устранилъ истину. Ты сдѣлалъ сіе, не имѣя на то ни какого права. Хотя мы уже пространно объяснили предметъ сей въ прещеніяхъ нашихъ противъ всѣхъ ересей, но не мѣшало повторить о томъ и здѣсь, какъ бы въ дополненіе, дабы спросить тебя, на чемъ именно основываешь ты мысль свою, что Іисусъ-Христосъ не родился.

III. Чтобы считать вѣру Христіанскую предоставленною мечтательному твоему произволу, ты долженъ былъ сказать самому себѣ: «Рожденіе не возможно или мало прилично Богу.» Но какъ для Бога ничего нѣтъ невозможнаго, кромѣ того, чего онъ не хочетъ: то разсмотримъ дѣло съ той только стороны, хотѣлъ ли Онъ родиться; ибо если хотѣлъ, то и могъ, а если могъ, то и родился. Я ограничусь однимъ простымъ разсужденіемъ. Если бы Богъ не хотѣлъ родиться, по какой бы то причинѣ ни было: то Онъ бы и не являлся въ видѣ человѣческомъ. Спрашиваю: кто, видя человѣка, сталъ бы отрицать, что онъ рожденъ? Слѣдовательно Богъ отказался бы и являться такимъ, какимъ не хотѣлъ бы быть. Когда вещь не нравится: то устраняется и мнѣніе о ней. Мы равнодушны къ тому, существуетъ ли вещь или нѣтъ, когда нѣтъ ее, а иные думаютъ, что есть; напротивъ того весьма не равнодушны къ тому, чтобы кто не помыслилъ ложно о насъ того, чего дѣйствительно нѣтъ.

«Но ты говоришь, что для Бога достаточно бы-«ло имѣть одно собственное сознаніе. Отъ людей за-«висѣло, видя Его человѣкомъ, вѣрить рожденію Его.» —Но сколь достопочтеннѣе, сколь приличнѣе достоинству Его было считаться настоящимъ человѣкомъ, если Онъ точно былъ рожденъ, нежели вопреки собственному сознанію пользоваться мнѣніемъ, что Онъ рожденъ, когда дѣйствительно не былъ рожденъ, хотя ты и полагаешь то достаточнымъ для Него, какъ будто бы, не имѣя дѣйствительнаго рожденія, хотѣлъ Онъ подтвердить его ложью! Да и какую особенную выгоду имѣлъ Христосъ казаться не тѣмъ, чѣмъ былъ, когда хорошо зналъ, чѣмъ Онъ былъ? Просвѣти меня на сей счетъ. Ты не можешь возразить, что если бы Онъ истинно родился и облекся въ человѣчество; то пересталъ бы быть Богомъ, потому что потерялъ бы то, чѣмъ былъ, сдѣлавшись тѣмъ, чѣмъ не былъ. Для Бога нѣтъ опасности снизойти съ Своего величія.

«Но, отвѣчаешь ты, я отрицаю, чтобы Богъ пре-«вратился въ человѣка и воспріялъ тѣло наше, пото-«му что безконечное существо пребываетъ всегда не-«измѣннымъ; а обратиться въ новое существо, зна-«читъ, уничтожить существо первое. Стало быть су-«щество, не имѣющее конца, не могло и измѣниться.»

Конечно, естество существъ, подверженныхъ измѣненію, должно покоряться сему закону. Въ нихъ не остается ничего того, что измѣняется, и какъ не остается того, то они и погибаютъ, теряя чрезъ сіе измѣненіе то, чѣмъ прежде были. Но ничто на Бога не походитъ: естество Его различествуетъ съ состояніемъ всѣхъ человѣческихъ вещей. И такъ если вещи, которыя различествуютъ съ Богомъ и съ которыми Богъ различествуетъ, подвергшись измѣненію

теряютъ то, чѣмъ прежде были: то какое различіе быть можетъ между Божествомъ и тварями, развѣ только предположивъ противное тому, то есть, что Богъ можетъ измѣняться во всѣ виды, и оставаться тѣмъ, что есть? Въ противномъ случаѣ Богъ уподобится тварямъ, теряющимъ чрезъ измѣненіе то, чѣмъ онѣ прежде были: Богъ не превосходствовалъ бы надъ ними во всемъ, если бы не превосходствовалъ и въ образѣ измѣненія всякаго рода.

Ты прежде читалъ, ты даже вѣрилъ, что Ангелы Божіи облекались въ видъ человѣческій и имѣли дѣйствительное тѣло, такъ что *Авраамъ* омылъ ихъ ноги, что они руками своими вовлекли *Лота* въ храмину отъ Содомлянъ, что Ангелъ боролся съ человѣкомъ, и не одолѣвъ его, просилъ пустить себя. Что же? Если по соизволенію Божіему Ангелы, естествомъ своимъ низшіе противъ Бога, могли пребывать Ангелами подъ оболочкою тѣла человѣческаго: то неужели откажешь ты въ сей способности Богу, несравненно превосходящему Ангеловъ въ могуществѣ, какъ будто бы Христосъ не могъ остаться Богомъ, облекшись дѣйствительно въ человѣчество? Но не были ли тѣла Ангеловъ призраками? Ты не можешь утверждать сего; ибо, если судя по твоей системѣ, Ангелы Божіи сходствуютъ со Христомъ, то Христосъ будетъ посломъ или вождемъ того же Бога, которому принадлежатъ и Ангелы, сходствующіе со Христомъ.

Если ты съ намѣреніемъ не испортилъ и не исказилъ св. Писанія, опорочивающаго твое мнѣніе: то Евангеліе отъ *Іоанна* должно привести тебя въ крайнее замѣшательство, возвѣщая, что Іоаннъ (креститель) *видѣлъ Духа, сходяща яко голубя съ небесе, и пребысть на немъ* (Іисусѣ-Христѣ). Духъ подъ симъ

видомъ былъ вмѣстѣ и голубь и Духъ: онъ не лишился собственной сущности, пріявши сущность чужую. — «Но ты спрашиваешь меня: что сдѣлалось «съ тѣломъ голубя послѣ того, какъ Духъ вознесся на небо.» Я могъ бы сдѣлать тебѣ такой же вопросъ касательно Ангеловъ. То же могущество, которое произвело тѣла сіи, могло повелѣть имъ и исчезнуть. Если бы ты присутствовалъ при извлеченіи ихъ изъ ничтожества: то позналъ бы, какъ они и въ ничтожество обратились. Если начало ихъ невидимо было: то и конецъ ихъ долженъ быть невидимъ. Тѣмъ не менѣе тѣла ихъ были плотны и тверды, доколѣ видимы были. Что написано, то не могло не быть.

IV. Будучи не въ состояніи отвергнуть плотскаго рожденія Бога, сколько по невозможности столько и изъ боязни, чтобъ естества Его не подвергнуть опасности, ты рѣшаешься очернить и опорочить рожденіе сіе, какъ бы недостойное величія Божія. Начавъ съ поношенія вообще рожденія человѣка, ты можешь сколько угодно витійствовать противъ низости элементовъ, служащихъ къ дѣторожденію въ утробѣ матерней, вопіять противъ отвратительнаго смѣшенія тутъ крови и влаги, возставать противъ плоти, долженствующей питаться сею самою смѣсью въ теченіи девяти мѣсяцевъ; можешь безчестить беременность, увеличивающуюся со дня на день, отягощаемую, обезпокоиваемую и возмущаемую во время самаго сна, тревожимую неизвѣстностію отъ разныхъ желаній и прихотей; можешь не пощадить даже стыдливости женщины, готовящейся быть матерью, заслуживающей почтеніе потому уже, что подвергается опасностямъ, женщины святой и религіозной въ отношеніи къ исполняемымъ ею обязанностямъ приро-

ды. Ты чувствуешь омерзѣніе къ младенцу, павшему на землю съ воплемъ, и замаранному нечистотой. Пелены, его охраняющія, омытіе членовъ его, ласки, ему оказываемыя, возбуждаютъ въ тебѣ негодованіе. Ты, *Маркіонъ*, презираешь должное почтеніе къ дѣлу природы, которое однакожъ заслуживаетъ всякое съ нашей стороны уваженіе. Но скажи: какимъ образомъ самъ ты родился? Ты ненавидишь всякаго человѣка, являющагося въ міръ: какъ же можешь ты любить кого либо изъ людей? Видно не взлюбилъ ты и самаго себя, когда вздумалъ отдѣлиться отъ Церкви и отъ вѣры во Христа. Но твое дѣло знать, нравишься ли ты себѣ, или не рожденъ ли ты иначе.

Тѣмъ не менѣе вѣрно и неоспоримо, что того самаго человѣка, который зачатъ въ утробѣ жены, который сложился въ презрѣніи, рожденъ въ поношеніи, воспитанъ среди мнимо смѣшныхъ ласокъ, того самаго человѣка возлюбилъ Іисусъ-Христосъ. Для него Онъ сошелъ на землю, для него проповѣдывалъ, для него уничижилъ себя до смерти и смерти крестной. Надобно правду сказать, что Онъ нѣжно возлюбилъ его, потому что искупилъ столь дорогою цѣною. Если Христосъ есть Мессія Создателя: то Онъ имѣлъ полное право возлюбить человѣка, какъ Свое твореніе. Если Онъ пришелъ во имя другаго Бога: то долженъ былъ возлюбить его еще болѣе, потому что искупилъ чужаго.

Возлюбивъ человѣка, Онъ возлюбилъ также и рожденіе его и плоть его; ибо нельзя любить вещи, не любя того, что служитъ къ бытію ея. Отыми рожденіе: гдѣ будетъ человѣкъ? Истреби плоть: гдѣ будетъ тварь, искупленная Богомъ, и составляющая человѣка Богомъ искупленнаго? Какъ! ты хочешь, чтобы Христосъ постыдился того, кого искупилъ.

Ты хочешь, чтобы тотъ, кого бы Онъ не искупилъ, если бы не любилъ, былъ Его недостоинъ. Небеснымъ возрожденіемъ Онъ преобразуетъ наше рожденіе, исхитя его отъ смерти; исцѣляетъ плоть отъ всѣхъ ея немощей; очищаетъ проказу; возвращаетъ зрѣніе слѣпцу; даетъ крѣпость разслабленному; изгоняетъ зловреднаго духа; воскрешаетъ мертвыхъ. Постыдится ли Онъ родиться въ сей самой плоти?

Если бы Онъ благоволилъ родиться отъ какого либо животнаго, и воспріявъ тѣло его, сталъ бы проповѣдывать царствіе Божіе: то ты, вѣроятно, остановилъ бы дѣло обычною оговоркою своею: «это стыдно для Бога, это недостойно Сына Божія, это безразсудно;» и дѣйствительно безразсудно, потому что ты себѣ такъ воображаешь. Я согласенъ, что это безразсудно, если мы станемъ судить о Богѣ по нашему только смыслу. Но прочитай, *Маркіонъ,* текстъ у Апостола, если ты его не вымаралъ: *буяя міра избра Богъ, да премудрыя посрамитъ* (1. къ Кор. 1. 27). Что разумѣетъ Апостолъ подъ словомъ *буяя*, то есть, подъ словомъ безуміе? Не обращеніе ли человѣка къ поклоненію истинному Богу? Не отреченіе ли отъ заблужденія? Не правила ли, не уроки ли правосудія, цѣломудрія, терпѣнія, милосердія, святости? Во всемъ семъ безъ сомнѣнія нѣтъ ничего безразсуднаго. Поищи самъ, въ чемъ состоитъ это безуміе; и когда увѣришься, что обрѣлъ его, то дѣйствительно узнаешь, что въ очахъ міра нѣтъ ничего безразсуднѣе, какъ вѣровать въ Бога вочеловѣчившагося, рожденнаго отъ Дѣвы, пріявшаго плотское тѣло, и такъ сказать слѣпо ввергшагося во всѣ низости нашего естества. Иной скажетъ мнѣ: «я не вижу тутъ безумія; надобно искать иныхъ вещей, избранныхъ ревнивымъ Богомъ, «чтобы посрамить премудрость вѣка сего.» Пусть и

такъ. Но впередъ говорю, что съ сею мнимою премудростію легче пріемлется Юпитеръ, превращенный въ быка или лебедя, нежели, по мнѣнію *Маркіона*, Христосъ вочеловѣчившійся.

V. Есть дѣйствительно другія вещи, кажущіяся людямъ не менѣе безразсудными, а именно: унижения и страданія. Ученіе распятаго Бога мы точно именуемъ премудростію. Освободи насъ, *Маркіонъ*, и отъ сего поношенія, или лучше сказать, начни съ него свои доводы. Да и подлинно, что можетъ недостойнѣе быть Бога, что постыднѣе для Него, какъ родиться или умереть, какъ имѣть плотское тѣло или носить крестъ, какъ претерпѣть обрѣзаніе или быть распятымъ, какъ быть вознесеннымъ на крестѣ, или подвергнуться погребенію, какъ быть положеннымъ въ ясляхъ или быть заключеннымъ во гробѣ? Ты докажешь мудрость свою, когда ничему подобному вѣрить не станешь. Ты однакожъ не можешь быть истинно мудрымъ, если не покажешься безумнымъ въ глазахъ міра, вѣря тому, что міръ именуетъ безуміемъ въ Богѣ. Скажи: не для того ли ты отвергъ страсти Христовы, что такъ какъ Христосъ обращенъ тобою въ призракъ, то тѣло Его не могло подвергнуться страданію? Мы выше уже сказали, что Его рожденіе и дѣтство не могло освободить Его отъ безчестія. Отвѣтствуй же, убійца истины! не былъ ли Богъ дѣйствительно распятъ? Не воскресъ ли Онъ еще дѣйствительнѣе, нежели умеръ? Въ такомъ случаѣ *Павелъ* проповѣдывалъ бы намъ чистое заблужденіе, ограничивая все ученіе только тѣмъ, чтобы знать единственно Іисуса распятаго. Стало быть онъ обманывалъ насъ, возвѣщая, что Іисусъ умеръ; обманывалъ, выдавая Его за воскресшаго. Стало быть и вѣра наша ложная, и все, чего надѣемся мы отъ

Іисуса-Христа, есть мечта. О нечестивѣйшій изъ людей, подающій богоубійцамъ поводъ къ оправданію себя! Если Іисусъ-Христосъ не умеръ отъ ихъ свирѣпства, то слѣдовательно Онъ и совсѣмъ не страдалъ. Сдѣлай милость, пощади единственную надежду всего міра. За чѣмъ хочешь ты разрушить позорное, но спасительное знаменіе креста? Что кажется недостойнымъ Бога, то именно для меня и полезно. Я спасенъ, когда не стыжусь Господа моего. *Иже аще*, говоритъ Онъ, *постыдится Мене, и Сынъ человѣческій постыдится его* (Ев. отъ Марка VIII. 38). Я не нахожу лучшаго предлога къ посрамленію себя, какъ, презирая стыдъ, быть свято безстыднымъ и счастливо безумнымъ. Сынъ Божій былъ распятъ: я того не стыжусь, потому что будто бы надобно стыдиться. Сынъ Божій умеръ: надлежитъ тому вѣрить, потому именно, что разумъ мой возмущается противъ того. Онъ возсталъ изъ гроба, въ которомъ былъ положенъ: дѣло вѣрное, потому что кажется невозможнымъ.

Но какимъ образомъ можетъ все это быть дѣйствительнымъ, когда Онъ самъ не дѣйствителенъ, когда въ Немъ нѣтъ дѣйствительно ничего такого, что можно бы было пригвоздить ко кресту, что могло бы умереть, быть погребеннымъ, воскреснуть, то есть, что имѣло бы плоть, оживленную кровію, состоящую изъ костей, переплетенную нервами, изборожденную жилами, плоть, долженствующую родиться и умереть? Плоть эта безъ сомнѣнія человѣческая, потому что рождена отъ человѣка, и слѣдовательно она смертна; ибо Христосъ былъ человѣкъ и сынъ человѣческій. Но былъ ли бы Христосъ человѣкомъ и сыномъ человѣческимъ, если бы въ Немъ не было ничего человѣческаго и отъ человѣка происхо-

дящаго? Развѣ не вспомнилъ ли бы кто, что человѣкъ есть нѣчто другое, нежели плоть, или что плоть явилась въ Немъ отынуда, а не отъ человѣка, или что дѣва *Марія* была что либо иное, — не человѣческой природы, или же что *Маркіоновъ* Богъ не что иное, какъ человѣкъ? Въ противномъ случаѣ нѣтъ причины, чтобы Христосъ именовался человѣкомъ, не имѣя плоти, ни сыномъ человѣческимъ, не происходя отъ человѣка, ни Богомъ безъ Духа Божія, ни сыномъ Божіимъ, не имѣя Бога отцемъ. Такимъ образомъ коренное основаніе сихъ двухъ сущностей Духа и плоти свидѣтельствуетъ о Богѣ и о человѣкѣ, объ одномъ пріявшемъ рожденіе, а о другомъ нерожденномъ, объ одномъ тѣлесномъ, а о другомъ духовномъ, объ одномъ немощномъ, а о другомъ всемогущемъ, объ одномъ подверженномъ смерти, а о другомъ безсмертномъ: это сущности, являющія два естества, Божественное и человѣческое, въ которыхъ одна и таже вѣра признаетъ и дѣйствительность Духа и дѣйствительность плоти. Чудеса сознаменовали Духа Божія, а страданія заявили плоть человѣческую. Чудеса не происходили безъ Духа, равно какъ и страданія не случались безъ плоти. Если страданія и плоть были мечтательны: то и Духъ былъ призракъ, такъ какъ и чудеса. За чѣмъ же посредствомъ лжи лишать насъ половины Христа? Онъ весь былъ истина. Повѣрь мнѣ, что Онъ восхотѣлъ лучше родиться, нежели что либо солгать, а особливо противъ самаго Себя, притворяясь носить плоть, крѣпкую безъ костей, твердую безъ мускуловъ, красивѣвшую безъ крови, облеченную безъ кожи, алкавшую, не чувствуя голода, ядущую безъ зубовъ, говорящую безъ языка, такъ что слова ея для слуха были какъ бы призракомъ голоса. Стало быть Онъ былъ не что иное, какъ

призракъ даже и по воскресеніи, когда показалъ Своимъ ученикамъ руки и ноги Свои, говоря: *видите руцѣ мои и нозѣ мои, яко самъ Азъ есмь; осяжите мя и видите, яко Духъ плоти и кости не имать, якоже Мене видите имуща* (Ев. отъ Луки, XXIV. 39). Дѣйствительно не Духъ, а плоть, имѣетъ и руки и ноги и кости. Скажи, *Маркіонъ*, какой смыслъ дашь ты сему изреченію, ты, проповѣдующій Іисуса, посланнаго отъ всеблагаго Бога, который есть Богъ мира и Богъ только благости? Онъ, какъ видно, обманываетъ, проводитъ, обольщаетъ глаза, играетъ чувствами, дозволяетъ Себя видѣть, осязать, приближаться къ Себѣ. Стало быть Христа твоего надлежало бы не съ неба свести, но выбрать изъ какого либо скопища судовщиковъ. Ты долженъ бы былъ представить его намъ, не какъ Бого-человѣка, но какъ волхва, не какъ Первосвященника спасенія, но какъ учредителя суетныхъ зрѣлищъ, не какъ воскресителя мертвыхъ, но какъ губителя живыхъ. Но если Онъ и волхвъ былъ: то все же долженствовалъ дѣйствительно родиться.

VI. Нѣкоторые послѣдователи Понтійскаго обитателя, желая сдѣлаться искуснѣе своего учителя, предоставляютъ Іисусу-Христу дѣйствительную плоть, но отказываютъ ему въ дѣйствительномъ рожденіи. «Пускай, говорятъ они, будетъ Онъ имѣть плоть, «лишь бы только не былъ рожденъ.» Вотъ что называется изъ огня да въ пламя, по пословицѣ. Такимъ образомъ отъ *Маркіона* должны мы перейти къ Маркіонову бѣглецу *Апеллесу*, который сперва впавши въ плотскій развратъ съ одной женщиной, допустилъ потомъ другой женщинѣ, мнимой дѣвѣ *Филуменѣ*, возмутить духъ свой, и заставить себя провозгласить, что тѣло Христово было дѣйствительное тѣло,

но не имѣло рожденія. Этому ангелу женскаго рода, *Филумень*, Апостолъ конечно отвѣчалъ бы тѣми же словами, какія произнесъ онъ пророчески: *аще Ангелъ съ небесе благовѣститъ вамъ паче, еже благовѣстихомъ вамъ, анаѳема да будетъ* (къ Гал. 1. 8).

Но намъ предлежитъ теперь борьба съ доводами, выше сего упомянутыми. Еретики сознаются, что Христосъ имѣлъ дѣйствительное тѣло. Но откуда взялось вещество его, какъ не отъ качества, въ немъ видимаго? Откуда тѣло, если оно не изъ плоти? Откуда плоть, если она не рождена, потому что эта плоть осуществляется и видима бываетъ не иначе, какъ чрезъ рожденіе?

«Христосъ, говорятъ они, заимствовалъ плоть свою «отъ звѣздъ и отъ сущностей міра вышняго. Посему «не должно удивляться, что тѣло бываетъ не рож«дено; ибо по нашему мнѣнію и Ангелы могли яв«ляться съ плотію, въ утробѣ жены не образованною.»

Знаемъ, что о сихъ Ангелахъ говорится и въ св. Писаніи. Но по какому превратному смѣшенію понятій, различествующая съ нами вѣра можетъ, для поддержанія своего, заимствоваться атворитетомъ той вѣры, съ которою борется? Что общаго съ *Моисеемъ* имѣетъ тотъ, кто отвергаетъ *Моисеева* Бога? Если Богъ *Моисеевъ* различенъ: то оставьте его при своихъ правахъ и доказательствахъ. Впрочемъ пусть еретики, сколько ихъ ни есть, прибѣгаютъ къ помощи писаній Бога, сотворившаго тотъ міръ, которымъ они наслаждаются. Похищая оттуда примѣры для подкрѣпленія своихъ богохульствъ, они составляютъ противъ самихъ себя свидѣтельство, ищѣющее ихъ осудить; но истина легко можетъ превозмочь ихъ, не употребляя даже сего оружія. Тѣхъ, которые утверждаютъ, что дѣйствительная плоть Христова подобна

Ангельской не рожденной, я прошу только сравнить между собою причины, для которыхъ Христосъ и Ангелы являлись во плоти. Никогда никакой Ангелъ не сниходилъ на землю, чтобы быть здѣсь распятымъ, умереть и по смерти воскреснуть. Если Ангелы не имѣли никогда подобныхъ побужденій облекаться въ тѣла: то ты самъ поймешь, за чѣмъ они не облекались въ плоть путемъ человѣческаго рожденія. Являясь не для того, чтобъ умереть, они не имѣли надобности и родиться. Но Христосъ, будучи посланъ для того, чтобъ умереть, необходимо долженъ былъ родиться, чтобъ умереть. Что раждается, то подвержено смерти. Рожденіе и смерть связаны нѣкотораго рода взаимными узами. Условіе смерти есть причина рожденія.

Если Христосъ умеръ за тѣхъ, которые умираютъ, а тѣ, которые родятся, суть тѣ-же, что и умираютъ: то изъ сего слѣдуетъ, или лучше сказать, это уже есть первое основное правило, что Онъ долженъ былъ родиться по причинѣ тѣхъ, которые раждаются, потому что долженствовалъ умереть по причинѣ тѣхъ, которые умираютъ въ слѣдствіе закона рожденія. Не свойственно было бы, чтобъ Онъ не родился въ той плоти, для которой было бы свойственно, чтобъ Онъ умеръ.

Скажу еще болѣе. Самъ Господь нашъ явился *Аврааму* среди Ангеловъ во плоти, не имѣвшей рожденія, по поводу того же различія побудительныхъ причинъ. Но вы не пріемлете сего свидѣтельства, потому что Іисуса-Христа, который уже и тогда поучалъ, избавлялъ и судилъ родъ человѣческій, не признаете во плоти, въ то время еще не родившейся; ибо она не должна была умереть прежде, нежели возвѣщено было о ея рожденіи и смерти. Пусть же еретики докажутъ намъ, что эти Ангелы заимствовали

плоть свою отъ звѣздъ. А если нѣтъ возможности доказать это; потому что о томъ нигдѣ не написано: то и плоть Христова, которую хотятъ они подвести подъ примѣръ Ангеловъ, равнымъ образомъ отъ звѣздъ не происходитъ. Извѣстно, что Ангелы облекались въ плоть, имъ несвойственную, потому что они суть духовныя сущности, которыя, если и имѣютъ тѣло, то тѣло особеннаго рода. Между тѣмъ они могутъ, преобразившись въ человѣческую плоть, дѣйствительно являться на время людямъ и бесѣдовать съ ними. Какъ Писаніе умалчиваетъ, откуда брали они плоть сію: то мы должны твердо быть увѣрены, что отличительное свойство Ангеловъ есть облекаться въ тѣло безъ помощи всякаго вещества.

«Напротивъ того, говоришь ты: именно съ помощію какого либо вещества.» — Можетъ быть и такъ. Но о семъ ничего опредѣлительно сказать нельзя; потому что св. Писаніе того не объясняетъ. Впрочемъ почему тѣ, которые сами собою дѣлаются тѣмъ, чѣмъ по естеству не суть, не могли бы дѣлаться таковыми и безъ помощи всякаго вещества? Если они дѣлаются тѣмъ, чѣмъ не суть: то почему не могли бы они таковыми дѣлаться и изъ того, что не существуетъ? Когда существо, не имѣвшее бытія, начинаетъ имѣть бытіе: то оно исходитъ изъ ничтожества. Вотъ почему не должно ни спрашивать ни толковать о томъ, куда дѣвается тѣло Ангеловъ послѣ явленія. Изшедши изъ ничтожества, оно и входитъ въ ничтожество.

Но если бы надлежало предположить, что Ангелы заимствуютъ плоть свою отъ какого либо вещества: то гораздо благоразумнѣе будетъ убѣдиться, что заимствованіе сіе производится скорѣе отъ земнаго вещества, нежели отъ всякой небесной сущности, потому что плоть ихъ была до того земная, что и пи-

талась нашими земными яствами. Но положимъ наконецъ, что плоть эта взята отъ звѣздъ, что она питалась нашими земными яствами, не будучи сама земною, подобно почти тому, какъ земная сущность питалась нѣкогда небесными яствами, не будучи сама небесною (говорится о манѣ, спадавшей съ неба для народа: *и ядоша хлѣбъ Ангельскій*, сказано въ Псал. LXXVII. 25); за всѣмъ тѣмъ однакожъ сіе предположеніе не уничтожило бы и въ такомъ случаѣ различія плоти Господа нашего, по той причинѣ, что она имѣла другое предназначеніе. Какъ Онъ долженствовалъ быть истиннымъ человѣкомъ до самой смерти: то необходимость требовала, чтобъ Онъ облекся въ ту плоть, которой участь есть умереть; а рожденіе всегда предшествуетъ той плоти, которой участь есть смерть.

VII. «Всякой разъ, когда происходитъ споръ о «рожденіи, кто отвергаетъ его, какъ доказательство «дѣйствительности плоти Христовой, тотъ отрицаетъ, «чтобы самъ Богъ когда либо воспріялъ рожденіе, потому что сказано въ Евангеліи: *кто есть мати моя и кто суть братія моя* (Ев. отъ Матѳ. XII. 48)?» Да выслушаетъ *Апеллесъ* тотъ отвѣтъ, который мы сдѣлали уже на сей счетъ *Маркіону* въ статьѣ касавшейся собственно до его Евангелія, то есть, что смыслъ сего изреченія подлежитъ изслѣдованію. Во первыхъ никто предварительно не увѣдомилъ Христа, что у дверей стоятъ мать Его и братья Его. Кто возвѣстилъ о ихъ прибытіи, тотъ можетъ быть не зналъ навѣрно, имѣетъ ли Онъ мать и братьевъ. Можетъ быть иные узнали о нихъ при настоящемъ только обстоятельствѣ; но многіе конечно знали ихъ и прежде. Вотъ почему ересь вымарала изъ Евангелія нѣкоторыя слова сего текста, и именно потому, что всѣ, удивлявшіеся уче-

нію Христову, явно говорили, что имъ хорошо извѣстны и плотникъ *Іосифъ*, считавшійся Его отцемъ, и *Марія* мать Его и Его братья и сестры двоюродные по Матери.

«Но, возражаютъ еретики, Ему возвѣстили о мате-
«ри и о братьяхъ, которыхъ Онъ не имѣлъ, собствен-
«но для того, чтобы Его искусить.»

Св. Писаніе о томъ не говоритъ, хотя никогда не упускаетъ предувѣдомлять насъ всякой разъ, какъ скоро кто хотѣлъ искушать Его. *И се законникъ нѣкій воста, искушая Его* (Лук. X. 25). Также и въ другомъ мѣстѣ: *и приступиша къ Нему фарісее, искушающе Его* (Матѳ. XIX. 3). Кто бы воспрепятствовалъ Писанію возвѣстить и здѣсь, что хотятъ искусить Его. — Я не принимаю того, что ты отъ себя прибавляешь или убавляешь въ Писаніи. — Притомъ же надобно, чтобы была и причина для искушенія. За чѣмъ хотѣть искушать Его? Не для того ли, чтобъ узнать, рожденъ ли Онъ или нѣтъ? Слова искушающаго Его, могли бы дать Ему поводъ сдѣлать отрицательный отвѣтъ. Но никогда искушеніе, имѣющее цѣлію узнать какую либо неизвѣстную вещь, не дѣлается такъ поспѣшно, чтобы не предшествовалъ ему вопросъ, изъявляющій сомнѣніе и требующій объясненія. Стало быть если до тѣхъ поръ нигдѣ еще не было дѣлано вопроса на счетъ рожденія Христа: то какая причина была заключать, что они хотѣли искусить Его въ томъ, о чемъ не было вопроса?

Мы прибавимъ къ сему еще и то, что еслибъ они имѣли намѣреніе искусить Его на счетъ его рожденія: то не стали бы искушать Его такимъ образомъ, возвѣщая Ему о такихъ родныхъ, которыхъ Онъ могъ не имѣть, предполагая даже, что Христосъ родился. Мы всѣ раждаемся; но не всѣ имѣемъ брать-

евъ и мать. Христосъ могъ имѣть отца, а не мать, дядей, а не братьевъ. Невѣроятно, чтобъ они хотѣли искушать Его на счетъ такого рожденія, которое могло существовать и безъ наименованія матери и братьевъ. Вѣроятнѣе же могло быть, что будучи увѣрены въ бытіи Его матери и братьевъ, они хотѣли искусить Его на счетъ Его Божества, а не рожденія, дабы узнать, знаетъ ли Онъ то, что происходило внѣ дома, въ которомъ Онъ находился, стараясь уловить Его ложью объявлявшихъ Ему о прибытіи родныхъ Его. Симъ-то самымъ и уничтожается всякое вѣроятіе объ искушеніи. Развѣ не могло случиться, что тѣ, о которыхъ сказано Ему, что стоятъ внѣ, были задержаны, какъ Ему можетъ быть извѣстно было, или болѣзнію или какими особыми дѣлами или отбытіемъ куда либо? Никто не искушаетъ съ тѣмъ, чтобы стыдъ неудачи палъ на него.

Такъ какъ тутъ нѣтъ причины для искушенія: то извѣщеніе о прибытіи настоящей Его матери и братьевъ, получаетъ всю свою естественную простоту.

«Но зачѣмъ же Онъ по видимому отрекся на сей «разъ отъ матери и братьевъ?» Надобно вразумить *Апеллеса* также и на этотъ счетъ. *И братія Его не вѣроваша Ему*, засвидѣтельствовано въ Евангеліи, обнародованномъ прежде *Маркіона*. Не сказано тамъ даже, чтобы и мать Его находилась при немъ тогда, какъ *Марѳа* и другія *Маріи* обыкновенно сопровождали Его. Тутъ явно открывается невѣріе родныхъ Его. Въ то время, какъ онъ училъ о пути жизни, проповѣдывалъ царствіе Божіе, исцѣлялъ немощи тѣла и души, чужіе люди не отходили отъ Него, а свои были въ отсутствіи. Наконецъ они приходятъ, но

стоятъ внѣ, не входя, и не спрашивая, что происходитъ внутри. Они даже не хотятъ подождать, какъ будто бы принесли Ему что либо важнѣе того, чѣмъ Онъ тогда главнѣйше занимался. Они рѣшаются прервать Его занятіе, и отклонить Его отъ столь спасительнаго дѣла. Скажи мнѣ, *Ангелесъ*, или ты, *Маркіонъ*, если бы въ то время, какъ ты забавляешься, какъ восхищаешься какимъ нибудь фигляромъ или ѣздокомъ на колесницѣ, кто либо отвлекъ тебя отъ сего занятія подобнымъ извѣщеніемъ, не вскричалъ ли бы ты: да какая у меня мать, какіе у меня братья! Неужели же Христосъ, проповѣдывавшій и доказывавшій бытіе Божіе, приводившій въ исполненіе законъ и пророковъ, прогонявшій тьму столькихъ вѣковъ, не имѣлъ бы права отвѣчать такимъ же образомъ, для того ли, чтобы поразить невѣріе стоявшихъ внѣ, или чтобъ избавиться отъ докуки мѣшавшихъ Его дѣлу?

Впрочемъ если бы Онъ хотѣлъ отречься отъ Своего рожденія; то избралъ бы къ тому другое мѣсто, другое время, другія слова, а не такія, которыя могъ произнесть и тотъ, кто дѣйствительно имѣлъ мать и братьевъ. Наконецъ отрекаться отъ родныхъ въ минуту негодованія, значитъ не столько отъ нихъ отрекаться, сколько дѣлать имъ выговоръ. Онъ предпочелъ имъ другихъ (такъ сказать родныхъ). Объявя, почему Онъ ихъ предпочитаетъ, то есть, потому что они слушаютъ слово Его, Онъ тѣмъ доказываетъ, въ какомъ смыслѣ отрекся отъ матери и братьевъ. По тому же побужденію, по которому принималъ Онъ приближающихся къ Нему, Онъ устранялъ отъ Себя удаляющихся отъ Него.

Господь нашъ обыкновенно чему учитъ, то и творитъ. Что подумалъ бы ты, когда бы Онъ, поучая, что надлежитъ менѣе любить мать и братьевъ, неже-

ли слово Божіе, оставилъ Самъ слово Божіе, какъ скоро извѣстили Его, что пришли Его мать и братья? Стало быть Онъ отрекся отъ родныхъ Своихъ въ томъ смыслѣ, какъ училъ другихъ отъ нихъ отрекаться для дѣла Божія. Сверхъ того здѣсь есть еще прообразованіе: отсутствующая мать означаетъ синагогу (*), а невѣрующіе братья Іудеевъ; Израиль остается внѣ. Напротивъ того новые ученики, слушавшіе внутри дома, вѣровавшіе во Христа и привязанные къ Нему, означали церковь, мать предпочтенную, братьевъ достойнѣйшихъ, какъ и дѣйствительно Онъ ихъ именовалъ, устраняя родство. Напослѣдокъ въ томъ же самомъ смыслѣ отвѣчалъ Онъ и на восклицаніе жены: *блажено чрево, носившее тя, и сосцы яже еси ссалъ!* Христосъ не отрекся ни отъ чрева ни отъ сосцевъ материхъ; но сказалъ: *тѣмже убо блажени слышащіи слово Божіе и хранящіи е* (Ев. отъ Луки XI. 27 и 28).

VIII. Эти тексты, которые *Маркіонъ* и *Апеллесъ* противоставятъ намъ, какъ сильный авторитетъ, будучи истолкованы нами по сущей истинѣ Евангелія, но Евангелія полнаго и неиспорченнаго, сами по себѣ въ состояніи доказать, что плоть во Христѣ была подобна нашей, потому что рожденіе Его не подлежитъ спору. Но какъ ученики *Апеллесовы* нападаютъ болѣе всего на низость и подлость плоти, которая, по системѣ ихъ, имѣя началомъ своимъ Ангела злаго бога, состоящаго единственно изъ огня, получаетъ отъ него души, склонныя къ возмущенію, и которая потому недостойна Христа, и Онъ долженъ былъ заимствовать плоть Свою отъ звѣздъ: то я въ обязанности нахожусь отразить ихъ собственными ихъ доводами.

(*) Довольно смѣлое и неумѣстное сужденіе о Богоматери. *Перев.*

Они превозносятъ какого-то знаменитаго Ангела, который будто бы сотворилъ міръ, и по сотвореніи ввелъ въ него *раскаяніе*. Мы разсуждали о семъ мѣстѣ. Мы написали противъ сихъ еретиковъ особую статью, въ которой разсмотрѣли, могъ ли тотъ, кому приписываютъ они духъ, волю и силу Христа къ исполненію сихъ дѣлъ, произвесть что либо достойное *раскаянія*, хотя они и воображаютъ себѣ, что заблудшая овца, возвращенная въ стадо, есть образъ Ангела. Такимъ образомъ міръ былъ бы произведеніемъ грѣха, засвидѣтельствовавшаго раскаяніемъ своего Создателя, потому что всякое раскаяніе есть признаніе грѣха, и оно совмѣстно единственно съ грѣхомъ. Если міръ есть такъ сказать грѣхъ: то тѣмъ паче тѣло и члены его суть грѣхи, слѣдовательно грѣхи суть и небеса и небесныя силы и все, что ими зачато и произведено; *ибо злое древо плоды злы творитъ* (Ев. отъ Мат. VII. 17). Что же изъ сего слѣдуетъ? То, что плоть Христова, заимствованная по ихъ мнѣнію отъ небесныхъ сущностей, составлена изъ элементовъ грѣха, и есть плоть грѣховная, извлеченная изъ источника грѣха. Стало быть она составляетъ часть той самой сущности, которою не хотятъ они облечь Іисуса-Христа, потому что она грѣховная, то есть, наша плоть. Слѣдовательно съ обѣихъ сторонъ одинакое приводится униженіе, какъ со стороны тѣхъ, которые гнушаясь приписать Христу наше тѣло, выдумываютъ для Него какую-то чистѣйшую сущность, такъ и со стороны тѣхъ, которые признаютъ въ Немъ самомъ вещество сіе, потому что вещество, заимствованное отъ неба, не могло быть лучшимъ.

Мы правда читаемъ, что *первый человѣкъ, отъ земли перстенъ: вторый человѣкъ* (небесный), *Господь съ небесе* (1. къ Кор. XV. 47); но св. Писаніе вмѣсто то-

го, чтобъ обозначить различіе сущности, противоставитъ только небесную и чисто духовную сущность новаго человѣка Іисуса-Христа, земной сущности перваго человѣка *Адама*. Справедливость того, что оно относитъ небеснаго человѣка къ духу, а не къ плоти, доказывается тѣмъ, что люди, которыхъ оно потомъ съ Нимъ сравниваетъ, сами становятся небесными въ сей земной плоти, но небесными по духу. Если бы Христосъ былъ небеснымъ и по плоти: то Писаніе конечно не сравнило бы съ Нимъ тѣхъ, которые хоть и небесны, но не со стороны плоти. И такъ если тѣ, которые становятся небесными подобно Іисусу-Христу, не престаютъ носить сущность плоти: то изъ сего очевидно явствуетъ, что и Самъ Христосъ былъ небеснымъ человѣкомъ именно въ земной плоти, такъ какъ и тѣ, съ которыми былъ Онъ сравненъ.

IX. Пойдемъ далѣе. Ничто, заимствующее существо свое отъ другой вещи, хотя съ нею и различествуетъ, никогда не отличается отъ нея до такой степени, чтобы нельзя было узнать, откуда оно происходитъ. Нѣтъ вещества, которое бы не сохраняло свидѣтельства своего происхожденія, не смотря на свои измѣненія. Самое тѣло наше, сотворенное изъ персти (истина, изъ которой народы извлекали басни свои), свидѣтельствуетъ о двухъ элементахъ, изъ которыхъ оно составлено, *по плоти изъ земли, а по крови изъ воды*. Роды эти могутъ имѣть какія угодно различныя качества: причина сему та, что все, сотворенное изъ какой либо вещи, есть не то, что его источникъ. А впрочемъ что такое кровь, какъ не красная жидкость? что такое плоть, какъ не земля, пріявшая новый видъ? Разсмотри каждый родъ особо: мускулы подобны небольшимъ возвышеніямъ земли, кости камнямъ, железы сосцевъ мѣлкимъ кремешкамъ. Взгляни: въ связи нервъ не ви-

дишь ли ты распространенія корней: въ жилахъ, повсемѣстно разстилающихся, извилистыхъ источниковъ; въ пушкѣ, насъ покрывающемъ, нѣкотораго рода мха; въ волосахъ густой муравы, и въ сокровищѣ мозга, заключающагося внутри костей нашихъ, какъ бы нѣкотораго металла плоти? Всѣ эти признаки земнаго естества существовали и въ Іисусѣ-Христѣ. Это-то самое и скрыло отъ глазъ еретиковъ Сына Божія, котораго приняли они за обыкновеннаго человѣка, видя Его живущимъ человѣческою сущностію. Да покажутъ они намъ въ Немъ что либо небесное, заимствованное Имъ отъ сѣверной звѣзды, отъ плеядъ или отъ другихъ созвѣздій. Все, что мы предъ симъ исчислили, свидѣтельствуетъ только о земной плоти, обозначая также и нашу плоть, и тутъ не нахожу я ничего новаго, ничего посторонняго.

Наконецъ если бы кто сталъ удивляться, что Христосъ есть человѣкъ: то конечно удивлялся бы Ему единственно со стороны Его словъ, дѣйствій, ученія и могущества. Что же касается до плоти, въ которой Онъ являлся: то если бы она была нѣчто новое и чудесное, каждый бы могъ легко то замѣтить. Напротивъ того Онъ имѣлъ всѣ качества земной плоти, которыя хотя сами по себѣ были и обыкновенны, но полный Его составъ дѣлали столь поразительнымъ, что многіе спрашивали: *что есть сіе, и что ученіе новое сіе* (Ев. отъ Марка 1. 27)? Такъ говорили о Немъ даже и люди, питавшіе къ Нему презрѣніе. Тѣмъ не менѣе, сколько извѣстно, лице Его не озарялось ни какимъ небеснымъ блескомъ, и Онъ не имѣлъ ни одной черты человѣческой красы. Хотя бы даже пророки ничего не сообщили намъ о Его безславной внѣшности; но страданія и уничиженіе Его громко о томъ говорятъ. Его страданія повѣствуютъ о человѣчествѣ Его,

а уничиженіе о внѣшней Его низости. Кто бы столь дерзокъ былъ, чтобы пальцемъ дотронулся до лица знатнаго человѣка, а тѣмъ паче оплевалъ бы фигуру его, развѣ бы показался онъ въ низкомъ и презрѣнномъ видѣ? Что ты говоришь намъ о небесной плоти, когда ничего не имѣешь въ подтвержденіе того, что она небесна? За чѣмъ отвергаешь ты, что она составлена изъ персти, когда имѣешь чѣмъ доказать, что она земная? Она терпѣла голодъ во время искушенія діавола, томилась жаждою въ присутствіи Самаритянки, проливала слезы, смотря на *Лазаря*, трепетала при приближеніи смерти (*плоть немощна*, сказано); наконецъ она должна была пролить всю кровь свою. Неужели это признаки небеснаго естества?

Но какимъ образомъ, какъ я уже сказалъ, могла бы эта плоть подвергнуться поруганію и страданіямъ, если бы сіяли въ ней какіе либо лучи небеснаго происхожденія? Симъ-то самымъ и доказываемъ мы, что она не имѣла въ себѣ ничего небеснаго, и потому могла подвергнуться поруганію и страданіямъ.

X. Я обращаюсь теперь къ другимъ людямъ, считающимъ себя также въ очахъ своихъ мудрыми, и утверждающимъ, что плоть Христова имѣла естество души. «Душа содѣлалась плотію, говорятъ они; стало быть душа есть плоть.» Я и тутъ требую изложенія на сей счетъ причинъ. Если Христосъ пріялъ душу для того, чтобы совершить спасеніе души въ самомъ Себѣ, потому что она могла спасена быть только Имъ: то такъ какъ она находилась въ Немъ, я не вижу, зачѣмъ, воплотившись, восхотѣлъ бы Онъ, чтобы плоть Его имѣла естество души, какъ будто бы Онъ не могъ иначе спасти душу сію, какъ содѣлавъ ее плотію. Если Онъ спасаетъ наши души, которыя не только не плоть, но и отличны отъ плоти: то кольми паче могъ Онъ спа-

сти ту душу, которую Самъ пріялъ, не имѣя надобности, чтобъ она была плотію. Равнымъ образомъ если Христосъ, по ихъ мнѣнію, пришелъ не для избавленія тѣла, но единственно души: то какая несообразность полагать, что пришедши избавить одну только душу, Онъ даровалъ ей естество тѣла, котораго не долженъ былъ избавлять? Далѣе если имѣлъ Онъ намѣреніе избавить наши души посредствомъ той души, которую пріялъ: то Онъ долженъ былъ пріять нашу душу, то есть, дать пріемлемой Имъ душѣ форму нашей, какую бы форму ни имѣла душа наша въ невидимомъ своемъ естествѣ, исключая однакожъ формы плоти. Впрочемъ Онъ не избавилъ нашей души, когда имѣлъ плотяную душу, потому что у насъ душа не плотяна. Если же Онъ не избавилъ души нашей по той причинѣ, что избавилъ только душу плотяную: то что общаго можемъ мы съ Нимъ имѣть тогда, какъ Онъ избавилъ не нашу душу? Но мало того. Душа, которая была не наша, будучи плотяною, не имѣла даже надобности въ избавленіи; ибо если она была не наша, я хочу сказать, если она была не безплотна: то какой опасности могла она подвергаться на счетъ своего спасенія? Но она дѣйствительно была избавлена: дѣло достовѣрное. Слѣдовательно она была не плотяная. Слѣдовательно душа, которая была избавлена, была наша душа, если Онъ избавилъ душу, находившуюся въ опасности. Изъ сего заключаю я, что какъ во Христѣ душа была не плотяная: то она не имѣла и естества плоти.

XI. Разсматривая съ другой стороны доводы еретиковъ, мы спросимъ ихъ, зачѣмъ Христосъ, пріявъ плоть, имѣющую естество души, восхотѣлъ казаться имѣющимъ душу съ естествомъ плоти? — «Богъ, говорятъ они, притворно сдѣлалъ душу въ глазахъ людей видимою изъ невидимой, какъ она до того бы-

«ла, сотворивши ее тѣломъ. По естеству своему она «ничего не видѣла, не видѣла и самой себя отъ по-«мѣхи плоти, такъ что возбужденъ былъ вопросъ, «рождена ли она или нѣтъ, и умерла ли или не умер-«ла. Вотъ почему, прибавляютъ они, душа содѣлалась «тѣломъ во Христѣ. Вотъ почему дозволено намъ бы-«ло видѣть ее рожденною, умершею и воскресшею.»

Но какъ согласиться, чтобы душа являлась сама себѣ или намъ посредствомъ плоти, когда плоть, не имѣя возможности имѣть понятіе о душѣ, есть напротивъ того произведеніе такой вещи, которой душа была неизвѣстна, то есть, произведеніе плоти, открывшейся симъ только способомъ? Это значитъ войти во тьму, чтобы сіять и блистать. Разсмотримъ также, должна ли была душа открыться симъ способомъ. Подлинно ли полагаютъ ее наши противники совсѣмъ прежде невидимою? Въ такомъ случаѣ была ли она невидима по своей тѣлесности, или потому, что имѣла особое свойственное ей тѣло? Между тѣмъ, объявляя ее невидимою, они утверждаютъ, что она тѣлесна, имѣя внутри себя то, что невидимо. Почему же можно назвать ее невидимою, когда нѣтъ въ ней (по внѣшности) ничего невидимаго? Впрочемъ она не можетъ даже существовать, если не имѣетъ въ себѣ того, что дѣлаетъ ее существующею. Если она существуетъ: то непремѣнно должна имѣть ту вещь, посредствомъ которой существуетъ. Если она имѣетъ ту вещь, посредствомъ которой существуетъ: то эта вещь не иное что есть, какъ тѣло ея. Все существующее есть тѣло свойственнаго себѣ рода. Нѣтъ ничего безтѣлеснаго, развѣ что не существуетъ. А какъ равномѣрно и душа имѣетъ невидимое тѣло: (*) то

(*) Это мнѣніе, что душа имѣетъ тѣло, есть одно изъ заблужденій *Тертулліана*. Онъ написалъ на сей счетъ особую обширную статью, которая оставлена мною безъ перевода. *Перев.*

тотъ, кто предположилъ себѣ сдѣлать ее видимою, гораздо бы лучше поступилъ, когда бы назвалъ видимымъ то, что почитается невидимымъ. Тогда не было бы тутъ ни лжи ни слабости; а иначе Богъ прибѣгнулъ бы ко лжи, если бы заставилъ душу казаться чѣмъ инымъ, нежели что она есть, или же обличилъ бы себя въ слабости, если бы не могъ заставить ее казаться такою, какова она есть. Никто, намѣреваясь показать человѣка, не станетъ на него надѣвать ни маски ни каски. Это однакожъ случилось бы съ душею, если бы то правда была, что она, облекшись въ плоть, приняла постороннюю фигуру. Но если кто считаетъ душу безтѣлесною, такъ что она по нѣкоей таинственной силѣ разума существуетъ, не смотря на то, что все имѣющее душу есть тѣло: въ такомъ случаѣ Богу не невозможно и даже намѣреніямъ Его не неприлично было, явить душу преимущественнѣе въ тѣлѣ новаго рода, нежели въ общей для всѣхъ сущности, о которой мы имѣемъ различное понятіе; и это для того, дабы кто не обвинилъ Его въ томъ, что Онъ сотворилъ безъ причины душу видимою изъ невидимой, какъ она прежде была, и тѣмъ самымъ не былъ бы поданъ поводъ къ спорамъ людямъ, утверждающимъ, что душа участвуетъ въ естествѣ плоти. Христосъ конечно не могъ между людьми считаться инымъ чѣмъ, какъ человѣкомъ. Какъ Онъ хотѣлъ казаться человѣкомъ: то пріялъ и душу человѣческаго естества, облекшись въ плотское тѣло, вмѣсто того, чтобы дать душѣ естество плоти.

XII. Я согласенъ, что душа сдѣлалась въ насъ чувствительною посредствомъ плоти, если вѣрно то, что надлежало явить ее тѣмъ или другимъ способомъ, то есть, если она была неизвѣстна и самой себѣ и намъ. Однакожъ различіе здѣсь мечтательное, какъ

будто бы живемъ мы отдѣльно отъ души тогда, какъ душа составляетъ все то, что мы есть. Безъ души нашей мы ничто: намъ не остается и имени людей, а только труповъ. Стало быть если мы не знаемъ нашей души: то и душа самой себя не знаетъ. Нужно особенно разсмотрѣть, оставалась ли душа здѣсь на землѣ неизвѣстною самой себѣ, и была ли посему потребность являть ее всевозможными средствами.

Естество души, если не ошибаюсь, состоитъ въ томъ, чтобы чувствовать. Если правду сказать, то нѣтъ животнаго безъ чувства, и нѣтъ чувства безъ души. А чтобы еще точнѣе изъясниться, то я скажу, что нѣтъ души безъ души. Слѣдовательно такъ какъ душа доставляетъ чувства всѣмъ существамъ, и вѣдаетъ не только качества ихъ, но и всѣ ихъ ощущенія: то вѣроятно ли, чтобъ она съ самаго начала не получила чувства о томъ, что она есть? Отъ чего по потребностямъ своего естества знаетъ она то, что необходимо для нее знать, если она не знаетъ естественнаго своего состоянія, для котораго означенныя потребности нужны? Легко видѣть, что всякая душа имѣетъ о самой себѣ познаніе, безъ котораго не могла бы и управлять собою. Тѣмъ же болѣе увѣренъ я въ томъ, что человѣкъ, какъ одинъ изъ всѣхъ живущихъ существъ одаренный разумомъ, получилъ душу разумную, дѣлающую его существомъ умнымъ, тѣмъ, говорю, болѣе увѣренъ я, что она преимущественно способна имѣть разумъ. Какимъ же образомъ эта душа, дѣлающая человѣка разумнымъ существомъ, быть можетъ разумна, если не вѣдаетъ собственнаго разума, не зная себя самой? Странно бы было, чтобъ она не вѣдала себя, когда знаетъ Создателя своего, Судію своего, положеніе свое. Прежде нежели получитъ она какое либо понятіе о Богѣ, она именуетъ

уже Бога; прежде нежели узнаетъ что либо о судахъ Его, вручаетъ себя Богу. Чаще всего слышитъ она эти слова: *по смерти нѣтъ надежды*; а между тѣмъ произноситъ или обѣты или проклятія на счетъ несуществующихъ людей. Я пространнѣе обсудилъ предметъ этотъ въ статьѣ: *о свидѣтельствѣ души.*

Впрочемъ если бы душа не знала себя съ самаго своего происхожденія: то все то, чему бы она научилась отъ Христа, состояло бы только въ познаніи того, что такое она есть. Между тѣмъ то, чему она отъ Христа научилась, не къ тому клонилось, чтобъ она знала свой видъ или форму, но свое спасеніе. Сынъ Божій снизшелъ и пріялъ душу не для того, чтобы душа познала себя во Іисусѣ-Христѣ, но чтобы познала Іисуса-Христа въ самой себѣ; ибо для нее нѣтъ опасности не знать себя, но величайшая для спасенія ея опасность не знать Слова Божія. Сказано: *и животъ явися* (I. Іоан. 1. 2), а не душа; и въ другомъ мѣстѣ: *Азъ пріидохъ спасти души* (Ев. отъ Луки IX. 56): Онъ не сказалъ: я пришелъ, чтобъ вы познали душу. Можетъ быть мы бы и не вѣдали, что душа, хотя по естеству своему и не видимая, можетъ родиться и умереть (выйти изъ тѣла), если бы не явилась она намъ подъ тѣлеснымъ облаченіемъ. Но чего мы конечно не вѣдали, это то, что она должна воскреснуть вмѣстѣ съ тѣломъ. Вотъ истина, которую Христосъ пришелъ явить въ самомъ Себѣ. Но Онъ явилъ ее въ самомъ Себѣ не иначе, какъ въ лицѣ *Лазаря*, котораго плоть не имѣла качествъ души; слѣдственно и душа не имѣла качествъ плоти. Что же мы узнали о естествѣ души, чего прежде не вѣдали? Какая невидимая часть ея имѣла надобность сдѣлаться видимою посредствомъ явленія плоти?

XIII. «Душа сдѣлалась плотію для того, чтобы быть

«видимою, говорятъ еретики.» — Но не сдѣлается ли также и плоть душею, чтобы быть видимою? Если плоть есть душа: то ставши душею, она уже не плоть. Если душа есть плоть: то ставши плотію, она уже не душа. Такимъ образомъ гдѣ плоть, тамъ и душа: каждая изъ нихъ сама по себѣ. Если же обѣ онѣ уничтожаются отъ того, что смѣшиваются одна съ другою: то не безразсудно ли будетъ принимать душу подъ именемъ плоти и плоть подъ именемъ души? Всякая вещь легко можетъ понята быть иначе, нежели какъ она есть, и будучи иначе понята, много потеряетъ изъ того, что она есть, если дано будетъ сій имя, отличное отъ ея естества. Собственность именъ есть, такъ сказать, спасеніе сущностей. Если качество ихъ измѣняется: то онѣ получаютъ другія имена, ихъ знаменующія. Напримѣръ обожженная въ огнѣ глина получаетъ имя сосуда: она не сохраняетъ имени, свидѣтельствовавшаго первое ея естество, потому что не сохранила перваго своего состоянія. Такимъ же образомъ, когда бы душа Христова пріяла качества плоти: то не было бы уже возможности, чтобъ она не была тѣмъ, чѣмъ содѣлалась, не переставая быть тѣмъ, чѣмъ была прежде, нежели содѣлалась другою вещію. Но какъ мы уже привели по сему случаю въ примѣръ глину: то воспользуемся симъ примѣромъ вполнѣ. Сдѣланный изъ глины сосудъ конечно составляетъ одно тѣло подъ однимъ именемъ, потому что онъ имѣетъ имя одного тѣла. Это однакожъ тѣло не можетъ уже называться глиною, потому что оно уже не то, что было: а то, что не существуетъ, не можетъ имѣть и качество тѣла. Слѣдовательно если душа сдѣлалась плотію: то она должна имѣть одинъ видъ, одну форму плотную, одну сущность цѣльную, нераздѣльную. Напротивъ того въ Іисусѣ-Христѣ находимъ мы душу и плоть, обозначен-

ныя словами простыми, не прообразовательными, то есть, душа есть душа и плоть есть плоть; но нигдѣ не сказано, чтобы душа была плотію, а плоть душею, хотя бы онѣ и должны были быть такъ именуемы, если бы между собою смѣшивались. Но мало того. Самъ Господь нашъ говорилъ различно о двухъ сихъ сущностяхъ, знаменуя такимъ образомъ разность сихъ двухъ естествъ, и отличая душу отъ плоти: *прискорбна есть*, сказалъ Онъ, *душа моя даже до смерти* (Ев. отъ Мат. XXVI. 38). Если бы душа была плоть: то въ Іисусѣ-Христѣ была бы одна сущность *душа-плоть* или *плоть-душа*. Но отдѣляя сущности, то есть, душу и плоть, Онъ показываетъ, что это двѣ различныя вещи. Если это двѣ вещи, то стало быть не одна; если не одна, то стало быть душа не плоть и плоть не душа. Душа-плоть или плоть-душа составляютъ одну вещь, развѣ можетъ быть нѣтъ ли другой души, кромѣ той, которая есть плоть, или другой плоти, кромѣ той, которая есть душа. Если же Онъ имѣлъ только одну душу и одну плоть, душу, *иже прискорбна бѣ даже до смерти*, и плоть, *юже онъ даде за животъ міра* (Ев. отъ Іоан. VI. 51): то число сихъ двухъ сущностей, въ естествѣ своемъ различныхъ, получаетъ всю свою достовѣрность, и исключаетъ единство плотской души, или плоти-души.

XIV. «Но Христосъ, возражаютъ еретики, облекся «въ Ангельское естество.» — По какому побужденію? — «По тому самому, по какому сдѣлался Онъ и чело-«вѣкомъ.» — Стало быть Христу надлежало имѣть одно и тоже побужденіе: сдѣлаться Ангеломъ и сдѣлаться человѣкомъ. Это побужденіе состояло въ томъ, чтобы спасти человѣка. Онъ снисходилъ для того, чтобъ избавить погибшее. Погибъ человѣкъ: человѣка надобно было и возстановить. Но ни какое подобное

побужденіе не обязывало Христа облечься въ Ангельское естество. Правда что Ангелы также пали, и что для сатаны и ангеловъ его уготована огненная пещь; но имъ не было обѣщано никакого возстановленія. Іисусъ-Христосъ не получилъ отъ Отца Своего никакого повелѣнія касательно спасенія Ангеловъ. Чего же Отецъ не повелѣлъ и не обѣщалъ, того Христосъ не могъ и исполнить. Но для чего бы воспріялъ Онъ Ангельское естество? Не для того ли, чтобъ имѣть сильнаго союзника для вспомоществованія Ему ко спасенію рода человѣческаго? Видно Сынъ Божій одинъ недостаточенъ былъ къ тому, чтобъ избавить человѣка, который низвергнутъ однимъ зміемъ. Изъ сего слѣдуетъ, что у насъ уже не одинъ Богъ, не одинъ Спаситель, когда спасеніе наше есть дѣло двухъ союзниковъ, изъ которыхъ одинъ имѣлъ нужду въ другомъ. — Не для того ли также, чтобъ избавить человѣка посредствомъ посланничества Ангела? Тогда за чѣмъ было снисходить самому Ему по такому дѣлу, которое долженъ Онъ былъ исполнить чрезъ Ангела? Если Онъ долженъ былъ совершить его при посредничествѣ Ангела: то какая Ему нужда была снисходить лично? Если же долженъ Онъ былъ исполнить его самъ по себѣ; то къ чему тутъ Ангелъ?

Конечно Онъ названъ *Ангеломъ великаго Совѣта*, то есть, посланникомъ Божіимъ; но это такое званіе, которое означаетъ Его должность, а не естество. Онъ обязанъ былъ возвѣстить міру непостижимое намѣреніе Бога Отца возстановить человѣка. Слѣдовательно не должно видѣть въ Немъ Ангела, подобнаго *Гавріилу* или *Михаилу*. Господь посылаетъ къ людямъ, воздѣлывающимъ виноградъ Его, не только служителей для сбора плодовъ, но и Сына Своего. Однакожъ Сынъ потому, что исполнилъ служительскую должность,

не можетъ и не долженъ считаться простымъ служителемъ. Почему я и скажу, что лучше назвать Сына Ангеломъ, то есть, посланникомъ Отца, нежели видѣть Ангела въ лицѣ Сына. Но какъ о самомъ Сынѣ сказано: *умалилъ еси Его малымъ чимъ отъ Ангелъ* (Псал. VIII. 6): то какимъ образомъ могъ бы Онъ облечься въ Ангельское естество, будучи униженъ противъ Ангела? Это однакожъ униженіе не можетъ иначе постигнуто быть, какъ поколику Онъ былъ человѣкъ по Своей плоти, по душѣ Своей и по Своему качеству Сына человѣческаго. Но, поколику Духъ Божій и сила Вышняго, Онъ никогда не могъ и не можетъ почитаться ниже Ангеловъ, потому что Онъ есть Богъ и Сынъ Божій. Не скажетъ ли кто, что чѣмъ болѣе Онъ въ Своемъ человѣческомъ видѣ умаленъ отъ Ангела, тѣмъ менѣе униженъ Онъ противъ него подъ сею мнимою Ангельскою оболочкою? Это мнѣніе можетъ приличествовать *Эвіону*, который изъ Іисуса-Христа дѣлаетъ обыкновеннаго человѣка, рожденнаго отъ крови *Давидовой*, то есть, человѣка не Сына Божія, а только превосходящаго Пророковъ въ нѣкоторомъ отношеніи, такъ что Ангелъ пребывалъ въ Немъ почти такъ же, какъ въ *Захаріи*. Есть однакожъ тутъ разница. Никогда Христосъ не произносилъ сихъ словъ: *и рече ко мнѣ Ангелъ, Ангелъ глаголаше ко мнѣ*. Никогда также не употребилъ Онъ весьма обыкновеннаго у всѣхъ Пророковъ изреченія: *тако глаголетъ Господь*. Это отъ того, что Онъ самъ былъ Господь, находившійся между людьми, и говорившій собственною властію: *Азъ же глаголю вамъ*. Чего ты еще хочешь? Послушай *Исаію*, вопіющаго: *не ходатай, ниже Ангелъ, но самъ Господь спасе ихъ* (Исаія LXIII. 9).

XV. *Валентинъ*, пользуясь преимуществами ереси, имѣлъ право предположить во Христѣ духовную плоть.

Кто отрекается вѣрить, что плоть эта не подобна плоти человѣческой, тотъ можетъ представлять ее себѣ, какъ угодно. Но если плоть Христова не человѣческая, если не происходитъ отъ человѣка (это разсужденіе относится ко всѣмъ сектаторамъ): то я не вижу, о какой сущности Своей говорилъ Христосъ, когда именовалъ Себя человѣкомъ и Сыномъ человѣческимъ. *Нынѣ*, сказалъ Онъ, *ищете мене убити, человѣка, иже истину вамъ глаголахъ* (Ев. отъ Іоан. VIII. 40). *Господь есть и субботы Сынъ человѣческій* (Мат. XII. 8). О Немъ *Исаія* сказалъ: *человѣкъ въ язвѣ сый, и вѣдый терпѣти болѣзнь* (LIII. 3). А также *Іеремія: человѣкъ есть, и кто познаетъ Его?* (XVII. 9). Равномѣрно и *Даніилъ: и се на облацѣхъ небесныхъ, яко сынъ человѣчь идый бяше* (VII. 13). Тоже самое подтверждаетъ *Павелъ* Апостолъ: *единъ ходатай Бога и человѣковъ человѣкъ Христосъ Іисусъ* (1. къ Тим. II. 5). Наконецъ *Петръ* въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ сказалъ: *Іисуса Назорея, мужа отъ Бога извѣствованна въ васъ*, и стало быть человѣка, *убисте* (II. 22).

Эти свидѣтельства могли бы быть достаточны къ убѣжденію въ томъ, что плоть Іисуса-Христа есть человѣческая и заимствована отъ человѣка, и что она не духовная, не подобна душѣ, не небесная, не мечтательная, если бы только ересь отстала отъ споровъ и отъ ухищреній своихъ. «Недавно въ одномъ «писателѣ изъ секты *Валентиновой* я прочиталъ, что «еретики никакъ не хотятъ, чтобы Христосъ воспріялъ первоначально человѣческую и земную плоть, «подъ тѣмъ предлогомъ, дабы Господь не былъ сочтенъ ниже Ангеловъ, не имѣвшихъ плоти. Потомъ «надлежало бы по ихъ мнѣнію сей плоти, сходной «съ нашею, родиться подобно нашей плоти не отъ «Духа Божія и не отъ Бога, но отъ воли человѣка.

«Почему родиться ей паче отъ нетлѣнія, нежели отъ «тлѣнія? Почему тогда, какъ плоть Христова воскре-«саетъ и возносится на небо, наша плоть, подобная «ей, тотчасъ не возвращается на небо такъ же, какъ «и она? Или почему эта плоть, будучи подобна на-«шей, не разрушается, какъ наша, и не обращается «въ землю?» — Все это чисто языческія рѣчи, скажемъ мы имъ въ отвѣтъ. Неужели Сынъ Божій уничтожилъ себя? Если Онъ воскресъ, чтобы быть залогомъ надежды нашей: то почему и намъ равномѣрно не воскреснуть? Не удивительно слышать такія рѣчи какъ со стороны язычниковъ, такъ и со стороны еретиковъ. Дѣйствительно какое различіе между ими, кромѣ развѣ того, что язычники вѣрятъ, не вѣруя, а еретики не вѣрятъ, вѣруя?

Они читаютъ: *умалилъ еси его малымъ чимъ отъ Ангелъ;* а между тѣмъ отрицаютъ низшую его сущность даже и тогда, какъ Онъ объявляетъ Себя не человѣкомъ, а *червемъ земнымъ* (Псал. XXI. 7), *иже не имяше вида ни доброты, но видъ его безчестенъ, умаленъ паче всѣхъ сыновъ человѣческихъ, человѣкъ въ язвѣ сый, и вѣдый терпѣти болѣзнь* (Ис. LIII. 3). Они признаютъ человѣка, смѣшаннаго съ Богомъ, и отрицаютъ человѣка безъ примѣси. Они вѣрятъ, что Онъ умеръ, и то, что умерло, полагаютъ происшедшимъ отъ нетлѣнія, какъ будто бы тлѣнное не то, что смерть. — «Но плоть наша должна бы была воскреснуть не-«медленно.»—Подождите. Христосъ еще не побѣдилъ всѣхъ враговъ Своихъ, чтобы торжествовать надъ врагами съ друзьями Своими.

XVI. Но вотъ *Александръ*, увлеченный страстію своею къ спору, является въ качествѣ еретика, полагая, будто бы мы утверждаемъ, что Христосъ облекся въ земную плоть для того, дабы уничтожить въ Себѣ

плоть грѣховную. Хотя бы мы это и утверждали: то имѣемъ чѣмъ защитить свое мнѣніе, не впадая въ безразсудство еретика, заставляющаго насъ говорить, что плоть Христова уничтожена въ лицѣ Его въ качествѣ грѣховной плоти. Онъ напоминаетъ намъ, что она обитаетъ на небесахъ одесную Отца; а мы учимъ, что она нѣкогда оттуда снизойдетъ во всемъ блескѣ Отчаго величія. Такимъ образомъ какъ не можемъ мы сказать, что плоть Христова уничтожена, такъ не можемъ сказать, чтобъ она была и грѣховная, потому что никогда не грѣшила. Но вотъ что мы утверждаемъ: во Христѣ уничтожена не грѣховная плоть, но уничтоженъ въ Немъ плотскій грѣхъ, не вещество, а естество, не сущность, но недостатокъ, какъ свидѣтельствуетъ Апостолъ: *и о грѣсѣ осуди грѣхъ во плоти*; также: *Христосъ посланъ въ подобіи плоти грѣха* (къ Римл. VIII. 3): не то, чтобъ Онъ пріялъ подобіе плоти, то есть, образъ плоти вмѣсто дѣйствительности, но что пріялъ подобіе плоти согрѣшившей, потому что плоть Христова не грѣшившая была подобна плоти грѣшившей, подобна по естеству, а не по испорченности *Адамовой*. Изъ сего выводимъ мы, что плоть во Іисусѣ-Христѣ была таже самая, какая грѣшитъ въ человѣкѣ, и что грѣхъ въ ней былъ умерщвленъ въ томъ смыслѣ, что она была безгрѣшна во Христѣ, между тѣмъ какъ въ человѣкѣ не безгрѣшна. Дѣйствительно Христосъ ничего бы не сдѣлалъ для исполненія принятаго имъ намѣренія уничтожить грѣхъ во плоти, если бы не уничтожилъ его въ той плоти, въ которой находится естество грѣха. Онъ не сотворилъ бы также ничего и ко славѣ Своей. Что дивнаго учинилъ бы Онъ, искупивши скверну грѣха въ лучшей плоти особаго качества, то есть, въ плоти не грѣшащей?

«Стало быть, говоришь ты, если Христосъ облекся «въ нашу плоть: то плоть Христова была плоть грѣ-«ховная.»

Не затемняй смысла, который самъ по себѣ ясенъ. Облекшись въ нашу плоть, Онъ себѣ ее усвоилъ; усвоивши себѣ, Онъ не сдѣлалъ ее грѣховною. Впрочемъ (это касается также до всѣхъ тѣхъ, которые не могутъ вѣрить, что плоть наша была въ Іисусѣ-Христѣ, потому что рождена безъ содѣйствія мужа) впрочемъ, говорю, пусть каждый вспомнитъ, что плоть *Адамова* рождена также безъ содѣйствія человѣка. Подобно какъ земля (персть) обращена была въ плоть безъ содѣйствія человѣка, такъ и Сынъ Божій могъ проникнуть въ сущность той же плоти, не имѣя надобности, чтобы человѣкъ доставилъ къ тому элементы.

XVII. Но оставя *Александра* въ сторонѣ съ приводимыми имъ силлогизмами и со псалмами *Валентиновыми*, на которыхъ онъ дерзкимъ образомъ иногда опирается, какъ будто бы составляли они уважительный авторитетъ, заключимъ споръ въ одномъ слѣдующемъ вопросѣ: пріялъ ли Іисусъ-Христосъ плоть Свою въ утробѣ Дѣвы? Чрезъ сіе доказано будетъ, что плоть Его дѣйствительно человѣческая, если составлена изъ человѣческой сущности, хотя впрочемъ доводъ сей достаточно уже объясненъ въ другомъ мѣстѣ, и подтверждается именемъ, плотію сею носимымъ, естествомъ качествъ ея, чувствованіемъ ея страданій и претерпѣніемъ страстей. Такимъ образомъ надлежитъ прежде всего оправдать причину, почему нужно было Сыну Божію родиться отъ Дѣвы. Тотъ, кто намѣревался ввести новый порядокъ рожденія, долженъ былъ и Самъ родиться совершенно новымъ образомъ. *Исаія* пророкъ, что Господь дастъ о семъ чудѣ знаменіе.

Какое это знаменіе? *Се дѣва во чревѣ зачнетъ, и родитъ сына* (Ис. VII. 14). И такъ Дѣва зачала и родила *Еммануила* или *съ нами Богъ*. Вотъ то совершенно новое рожденіе, въ которомъ раждается человѣкъ въ Богѣ или Богъ въ человѣкѣ, пріявъ плоть отъ древняго сѣмени, но безъ древняго сѣмени, дабы возродить ее новымъ сѣменемъ, то есть, возродить духовнымъ образомъ, омывши прежнія ея скверны. Но эта небывалая новость, такъ какъ и другія происшествія, прообразованы уже были древнимъ закономъ: вѣчная премудрость заблаговременно пріуготовила насъ къ таинству Бога, имѣющаго родиться отъ Дѣвы. Земля была еще дѣвственная; рука человѣческая еще не трогала ее; никакое сѣмя не было на ней еще возросшимъ. Изъ сей-то земли создалъ Богъ человѣка, какъ-то мы читаемъ, даровавъ ему *душу живую*. Если первый *Адамъ* созданъ былъ изъ земли: то слѣдуетъ, чтобы и вторый или новый *Адамъ*, какъ говоритъ Апостолъ, произшелъ или родился отъ Бога изъ земли же, то есть, изъ плоти, чистота которой ничѣмъ бы не была запятнана, и чтобы получилъ отъ него *Духа животворящаго*. Но чтобы это имя *Адамъ* не было для меня безполезно: то я спрошу, за чѣмъ Апостолъ назвалъ Христа симъ именемъ, если Онъ не былъ человѣкъ и не имѣлъ земной сущности? Премудрость и тутъ являетъ мнѣ Бога, дѣйствующаго противнымъ образомъ, воспріемлющаго образъ и подобіе Свое, которыми овладѣлъ было діаволъ. *Ева* была дѣвою, когда открыла душу свою къ услышанію слова, сооружившаго зданіе смерти. Надлежало также въ Дѣву снизойти и Слову Божію, имѣвшему воздвигнуть зданіе жизни, дабы тотъ же полъ, который былъ орудіемъ нашей смерти, содѣлался орудіемъ и спасенія нашего. *Ева* повѣрила змію. *Марія* повѣрила *Гавріилу*. Грѣхъ,

содѣянный первою отъ вѣры, изглаженъ второю отъ вѣры же. Но *Ева* не зачала въ чревѣ своемъ отъ слова діавола. Нѣтъ! я обманываюсь. Она зачала; ибо слово діавола было для нея пагубнымъ сѣменемъ, доведшимъ ее до того, что она должна была сдѣлаться рабою и раждать дѣтей въ болѣзняхъ. Наконецъ она произвела на свѣтъ діавола братоубійцу (*Каина*). *Марія* напротивъ того родила Сына, долженствовавшаго спасти Израиля, брата по крови и убійцы своего. Богъ стало быть низвелъ въ утробу жены Слово свое, милосердаго брата, предопредѣленнаго къ тому, чтобъ изгладить память братоубійцы. Надлежало Христу изыти для спасенія человѣка изъ плоти, въ которую облекся человѣкъ осужденный.

XVIII. Теперь можно съ большею простотою отвѣчать на то мнѣніе: «яко бы не приличествовало Сыну Божію родиться отъ человѣческаго сѣмени, дабы «Онъ, не будучи совершенно сыномъ человѣческимъ, «былъ Сынъ Божій; яко бы впрочемъ въ Немъ ничего не было превосходнѣе *Соломона*, лучше *Іоны*, и «яко бы должно вѣрить тому, что говоритъ о Немъ «*Эвіонъ.*» — Чтобы тотъ, кто былъ Сынъ Божій отъ сѣмени Отца, то есть отъ Духа Его, равномѣрно былъ и Сыномъ человѣческимъ отъ плоти человѣка: для сего Онъ долженъ былъ воспріять плоть безъ содѣйствія человѣка. Подобно какъ, будучи не рожденъ Дѣвою, Онъ могъ имѣть Отцемъ Бога, не имѣя матери изъ человѣческаго рода, такъ точно, родясь отъ Дѣвы, могъ Онъ имѣть мать изъ рода человѣческаго, не имѣя Отцемъ человѣка. Однимъ словомъ, человѣкъ такъ сказать соединяется съ Богомъ чрезъ смѣшеніе плоти человѣческой съ Духомъ Божіимъ. Плотію безъ сѣмени Онъ обязанъ человѣку: Духъ съ сѣменемъ происходитъ отъ Бога. Если же по устроенію Премудро-

сти Сынъ Божій родился отъ Дѣвы: то почему не могъ Онъ получить отъ Дѣвы и плоти, которая зачата въ Дѣвѣ? — «Потому, отвѣчаютъ еретики, что другая вещь есть та плоть, которую Дѣва пріяла отъ «Бога. Не сказано ли: *слово плоть бысть*? » — Изреченіе сіе объясняетъ только то, что̀ именно сдѣлалось плотію; но не значитъ того, чтобы сдѣлавшееся плотію было что либо другое, нежели какъ Слово. Но познать, сдѣлалось ли Слово плотію отъ плоти или отъ божественнаго сѣмени, этому должно научить насъ св. Писаніе. А какъ Писаніе говоритъ намъ только о томъ, что̀ именно сдѣлано, не объясняя, изъ какого основнаго начала произведено: то тѣмъ оно довольно ясно намъ обозначаетъ, что это сдѣлано не само отъ себя, но отъ кого либо другаго. Если же это сдѣлано не отъ себя, а отъ другаго: то разсмотри самъ, изъ какого лучше начала приличествовало родиться Слову, какъ, не изъ плоти, въ которую Онъ облекся. Я не хочу инаго тому доказательства, какъ чистое и ясное изреченіе Господа нашего: *Рожденное отъ плоти, плоть есть*, потому именно, что оно отъ плоти рождено. — Скажешь ли ты, что Онъ тутъ говорилъ только о человѣкѣ, а не о Себѣ? Отъ тебя зависитъ отвергнуть совсѣмъ человѣчество Христово; тогда утверждай, что эти слова къ Нему не относятся. Онъ присовокупляетъ: *рожденное отъ духа, духъ есть* (Ев. отъ Іоан. III. 6), потому что Богъ есть Духъ, а Онъ рожденъ отъ Бога. Слова эти конечно уже относятся къ Нему, тѣмъ болѣе что они относятся и къ тѣмъ, которые вѣруютъ въ Него. Если же относятся къ Нему сіи слова; то почему не относятся предыдущія? Ты не можешь ихъ раздѣлить, и приписать одни Христу (человѣку), а другія прочимъ людямъ; ибо ты не отрицаешь во Христѣ двойственной сущности духа и плоти.

Впрочемъ если Онъ имѣлъ плоть и духъ, какъ-то Самъ исповѣдалъ въ Себѣ качество двухъ содержащихся въ Немъ сущностей: то можно утвердительно сказать, что тутъ хотѣлъ Онъ говорить о духѣ Своемъ, а тамъ не хотѣлъ говорить о Своей плоти. Такимъ образомъ, какъ Онъ происходитъ отъ Духа Божія, а Духъ есть Богъ: то Онъ Богъ, рожденный отъ Бога, и человѣкъ, рожденный отъ плоти плотію человѣческою.

XIX. «Что же значатъ слова: *иже не отъ крове, «ни отъ похоти плотскія, ни отъ похоти мужескія, «но отъ Бога родишася* (Ев. отъ Іоан. 1. 13).» — Я воспользуюсь симъ текстомъ тогда, какъ постыжу людей, извращающихъ его. Они мечтаютъ, что написано такъ: «Онъ *не родился* ни отъ крови, ни отъ по«хоти плотской, ни отъ похоти мужеской, но отъ Бо«га,» какъ будто бы Евангеліе обозначило тутъ тѣхъ, о которыхъ предъ тѣмъ сказано, что *вѣроваша во имя Его*, дабы симъ оборотомъ рѣчи заявить бытіе таинственнаго чадства или сѣмени, которое творитъ избранныхъ и духовныхъ мужей. Но какъ можно принять этотъ смыслъ, когда всѣ, вѣрующіе во имя Господне, раждаются согласно съ закономъ природы отъ крови и отъ похоти плотской и мужеской, начиная съ *Валентина*? Такимъ образомъ, если въ текстѣ помѣщено единственное число, какъ относящееся къ Господу (*родися отъ Бога*): то ничего справедливѣе быть не могло, потому что Онъ есть Слово Божіе, и со Словомъ Духъ Божій, и съ Духомъ сила Божія, и наконецъ все то, отъ чего Христосъ есть Богъ. Но Слово (Божіе), разсматриваемое особо во плоти Его, не имѣетъ въ себѣ ничего ни отъ крови, ни отъ похоти плотскія, ни отъ похоти мужескія: Слово родилось отъ Бога и отъ воли Его. Рѣшительное исключеніе наше-

го рожденія падаетъ на плоть, а отнюдь не на Слово, потому что такъ, а не иначе, должна была родиться плоть, но не Слово.

Но почему сектаторъ, отвергши рожденіе Христово отъ похоти плоти, не отвергъ вмѣстѣ и того, чтобъ Онъ былъ рожденъ отъ сущности плоти? Отвергая, чтобъ Онъ родился отъ крови, сектаторъ не исключилъ сущности плоти, а исключилъ только источникъ сѣмени, который, какъ извѣстно, есть жаръ крови, служащій посредствомъ нѣкотораго рода кипѣнія къ превращенію крови въ женщинѣ. Подобно сему телячій сычугъ, опущенный въ молоко, сгущаетъ его сущность. Такимъ образомъ мы можемъ легко понять, что рожденіе Господа нашего не происходило отъ содѣйствія человѣка, которое и означаетъ похоть мужескую и похоть плоти; но это нисколько не исключало содѣйствія Матери. Для чего бы съ такимъ настояніемъ повторять, что Христосъ рожденіемъ Своимъ не обязанъ ни крови, ни похоти плоти, ни похоти мужеской, если не для того, что во Іисусѣ-Христѣ находилась такая плоть, которую каждый легко могъ счесть рожденною обыкновеннымъ путемъ? Отвергая рожденіе ея отъ содѣйствія человѣка, сектаторъ не отвергъ, чтобъ она не родилась отъ плоти: но что я говорю? онъ утверждаетъ, что она отъ плоти рождена, потому что сего не отвергъ, подобно, какъ отвергъ содѣйствіе человѣка. Скажи. Если Духъ Божій снизшелъ въ утробу жены на тотъ конецъ, что она не должна участвовать въ Его плоти: то для чего вошелъ Онъ въ утробу жены? Духовная плоть могла бы произведена быть внѣ матерней утробы гораздо легче, нежели какъ плоть выходитъ изъ утробы, въ которой была заключена. Стало быть безъ причины вошелъ Онъ въ сію утробу, когда ничего отъ нея не заим-

ствовалъ? Но Онъ снизшелъ въ нее не безъ причины; слѣдовательно заимствовалъ отъ нея что нибудь. Дѣйствительно, если бы Онъ отъ нея не заимствовалъ ничего: то снисходилъ бы въ нее безъ причины, а особливо когда бы долженъ былъ облечься въ такую плоть, которая бы не имѣла ничего общаго съ матерней утробою, то есть, въ плоть духовную.

XX. Но какъ великъ въ васъ духъ ябеды, что вы, вымаравъ въ текстѣ одну букву, вставляете вмѣсто ея другую, какой, нѣтъ въ св. Писаніи! Вы говорите: Іисусъ-Христосъ родился *чрезъ* Дѣву, а не *отъ* Дѣвы, родился *въ* чревѣ, а не *изъ* чрева ея, потому что Ангелъ сказалъ *Іосифу*, во снѣ: *рождшееся въ ней, отъ Духа есть свята* (Ев. отъ Мат. I. 20), вмѣсто того чтобы сказать: *рождшееся отъ нея*. Знайте же, что хотя бы Духъ Святый сказалъ, *рождшееся отъ нея:* то слова эти значили бы тоже, что *рождшееся въ ней;* ибо зародившееся въ ней дѣйствительно въ ней находилось. Стало быть *въ ней* и *отъ нея* есть одно и тоже, потому что бывшее въ ней было отъ нея. Къ щастію *Матѳей*, проходя генеалогію Господню отъ *Авраама* до *Маріи*, говоритъ тоже, что и мы. *Іаковъ*, сказалъ онъ, *роди Іосифа, мужа Маріина, изъ нея же родися Іисусъ, глаголемый Христосъ*. Но вотъ *Павелъ* налагаетъ молчаніе на уста всѣхъ грамматиковъ: *посла Богъ*, говоритъ онъ, *Сына своего, раждаемаго отъ жены* (Къ Гал. IV. 4). Сказалъ ли онъ: чрезъ жену или въ женѣ? Доказательство, что истинное тѣло Іисуса Христа извлечено изъ сущности Дѣвы.

Намъ служатъ въ подкрѣпленіе еще Псалмы, но не псалмы *Валентина*, отступника, еретика и платоника, а псалмы святаго Пророка *Давида*, котораго авторитетъ не оспоримъ. Самъ Христосъ устами его воспѣвалъ Себя. *Давидъ* Его живописуетъ сими словами: *ты*

еси исторгій мя изъ чрева. Первое свидѣтельство. *Упованіе мое отъ сосца матере моея: къ Тебѣ привержень есмь отъ ложесны.* Второе свидѣтельство. *Отъ чрева матере моея Богъ мой еси ты* (Псал. XXI. 10. и 11). Третіе свидѣтельство.

Обратимся къ самому смыслу сего текста. Что исторгается, какъ не то, что привязано? Что привязано, то тѣсно соединено съ другою вещію, отъ которой отдѣляется исторженіемъ. Если Христосъ не былъ привязанъ къ чреву Матери Своей: то какъ оттуда исторгнутъ? Если привязанъ былъ тотъ, кто исторгнутъ: то какъ могъ онъ иначе быть привязанъ, какъ посредствомъ пуповины, сохранявшей ему жизнь, доколѣ былъ онъ привязанъ къ чреву Матери, основному своему началу? — Если даже постороннее вещество прилѣпится къ другому веществу: то они такъ тѣсно и неразрушимо совокупляются, что не могутъ одно отъ другаго быть отторгнуты иначе, какъ отторгнувъ часть того тѣла, отъ котораго вещество отдѣляется, служа такимъ образомъ свидѣтельствомъ единства, разрушеннаго между двумя тѣлами, вмѣстѣ совокупившимися.

Сверхъ того какіе это сосцы, о которыхъ Онъ говоритъ? Безъ сомнѣнія тѣ, изъ которыхъ ссалъ Онъ молоко. Пусть повивальныя бабки, медики и физики скажутъ намъ, могутъ ли сосцы давать молоко, когда женщина не зачала или не родила? Вены, удержавъ тогда теченіе нижней крови, обращаютъ ее посредствомъ счастливой переработки въ сладкое вещество материяго молока. Отъ того во время кормленія младенца пресѣкается и изліяніе женскихъ кровей. Если Слово воплотилось само собою безъ соучастія материяго чрева, безъ содѣйствія, безъ всякаго на него со стороны чрева вліянія: то какъ произвело Сло-

во въ сосцахъ источникъ молока, котораго бы Оно не произвело, когда бы не имѣло къ тому средствъ? Оно точно не могло бы обратить кровь въ молоко, не употребя причинъ самой крови, то есть, отдѣленія собственной своей плоти. Что же тутъ теперь новаго, что Іисусъ-Христосъ родился отъ Дѣвы? Дѣло явное. Новость состоитъ только въ томъ, что Онъ родился отъ Дѣвы по причинамъ, нами уже объясненнымъ. Надлежало возрожденію нашему быть дѣвственнымъ, то есть, духовно омытымъ отъ скверпъ чрезъ Іисуса Христа, который Самъ былъ дѣвственникъ по плоти, потому что рожденъ отъ Дѣвы.

XXI. Если бы кто сталъ утверждать, что для новости сего рожденія свойственнѣе бы было, чтобы Слово Божіе не было облечено плотію изъ плоти Дѣвы, такъ какъ Оно не рождено и отъ сѣмени мужа: тогда могъ бы состояться вопросъ, почему вся новость рожденія сего не ограничилась только тѣмъ, что плоть произошла отъ плоти безъ содѣйствія мужа? Но я пойду далѣе. Сказано: *се дѣва во чревѣ зачнетъ* (Ис. VII. 14). Что она зачнетъ? Слово Божіе, а не сѣмя человѣка, зачнетъ для того, чтобы родить, какъ сказано: *и родитъ Сына*. Слѣдовательно какъ дѣйствіе ея состояло въ томъ, чтобы зачать; то рожденное ею принадлежало ей, хотя то, что она зачала, и не ей принадлежало. Напротивъ того если Слово воплотилось отъ себя: то Оно зачало и родило себя само собою. Тогда пророчество не имѣетъ смысла. Дѣйствительно Дѣва не зачала и не родила, если по зачатіи Слова, рожденное ею не было собственною ея плотію. Какъ же? Не ужели это предсказаніе Пророка окажется ложнымъ? Не ужели Ангелъ обманулъ насъ, возвѣстивши Дѣвѣ, что Она зачнетъ и родитъ? Не ужели все Св. Писаніе вводило насъ нарочно въ за-

блужденіе, именуя ее вездѣ Матерію Христовою? Да и какъ иначе могла бы она быть Матерью Его, если бы Онъ не находился во чревѣ ея? «Еретики хотятъ, «чтобъ Онъ отъ ея чрева, въ которомъ былъ заклю-«ченъ, не заимствовалъ ничего такого, что усвоивало бы ей званіе матери.» Но имя это не можетъ быть принадлежностію посторонней плоти. Существуетъ одна только плоть, дщерь утробы матерней, говорящая: это утроба моей Матери. Она не дщерь матерней утробы, если обязана рожденіемъ одной только себѣ. Тогда да умолкнетъ *Елисавета*, носящая во чревѣ своемъ младенца Пророка, который во чревѣ еще узнаетъ Господа своего, *Елисавета*, исполненная Духа Святаго. Какія причины побудили ее сказать: *откуду мнѣ сіе, да пріиде мати Господа моего ко мнѣ* (Ев. отъ Луки I. 43)? Если *Марія* носила во чревѣ своемъ какого либо гостя, а не Сына: то за чѣмъ *Елисавета* объявила ей: *благословенъ плодъ чрева твоего?* Но какой это плодъ чрева, который будто бы не возросъ въ чревѣ, который не получилъ корня въ чревѣ, который не принадлежитъ особѣ, обладающей чревомъ? Какой это плодъ? Самъ Іисусъ – Христосъ. Онъ есть *цвѣтъ, иже изыдетъ отъ корене Іессеова* (Ис. XI. 1): *корень Іессеовъ* есть кровь *Давидова*, отрасль корене есть *Марія*, происшедшая отъ *Давида*, цвѣтъ корене есть Сынъ *Маріи*, глаголемый Христосъ. Если же Онъ цвѣтъ: то не Онъ ли и плодъ, потому что цвѣтъ составляетъ плодъ ствола? Плодъ созрѣваетъ отъ цвѣта: изъ него исходитъ Онъ, чтобы постепенно дойти до плода. Чтоже? Ересь похищаетъ у плода цвѣтъ Его, у цвѣта стволъ Его, у ствола корень Его, дабы корень посредствомъ ствола не востребовалъ того, что родится на стволѣ, я хочу сказать, цвѣта и плода. Чтобъ установить наслѣдіе какого ли-

бо поколѣнія, мы съ степени на степень восходимъ до главы поколѣнія. Потому-то мы и знаемъ, что плоть Іисуса-Христа происходитъ не только отъ *Маріи*, но чрезъ *Марію* отъ *Давида* и чрезъ *Давида* отъ *Іессея*. Потому-то Богъ и клянется Ему, что *дастъ Ему престолъ Давида отца Его* (Лук. I. 32), то есть, какъ потомку *Давидову* по плоти. Если же Онъ происходитъ отъ крови *Давидовой*, то кольми паче отъ крови *Маріи*, чрезъ которую пріялъ кровь *Давидову*.

XXII. Уничтожьте свидѣтельство демоновъ, велегласно объявлявшихъ Іисуса сыномъ *Давидовымъ:* по крайней мѣрѣ не можетъ уничтожено быть свидѣтельство о томъ Апостоловъ, если свидѣтельство демоновъ не заслуживаетъ уваженія. Во главѣ ихъ *Матѳей*, вѣрнѣйшій проповѣдникъ Евангелія, потому что былъ вездѣ сопутникъ Господу, желая единственно дать намъ знать о происхожденіи Іисуса-Христа, начинаетъ свое благовѣстіе сими словами: *книга родства Іисуса-Христа, сына Давидова, сына Авраамля.* Когда таковы суть священные источники, отъ которыхъ Апостолъ постепенно возводитъ сіе наслѣдіе до рожденія Христова: то что такое есть плоть Его, какъ не плоть *Авраама* и *Давида*, перешедшая чрезъ разные роды къ дѣвѣ *Маріи*, а чрезъ дѣву *Марію* ко Христу? Да и самое Евангеліе не говоритъ ли, что Христосъ родился отъ Дѣвы?

Обратимся къ *Павлу*, ученику, наставнику и свидѣтелю того же Евангелія, который въ качествѣ Апостола Христова подтверждаетъ, что *Іисусъ-Христосъ бяше отъ сѣмене Давидова по плоти* (къ Рим. I. 3), по плоти слѣдовательно Христовой. Стало быть плоть Христова происходитъ отъ рода *Давидова*; но Христосъ происходитъ отъ рода *Давидова* не иначе, какъ по *Маріи*. Стало быть Онъ отъ рода *Давидова* потому,

что происходитъ отъ плоти *Маріиной*. Какъ бы ты ни коверкалъ это слово, одно изъ двухъ: или то, что отъ рода *Давидова*, есть и отъ плоти *Маріиной*, или то, что отъ плоти *Маріиной*, есть и отъ рода *Давидова*. Апостолъ разрѣшаетъ окончательно споръ сей объявленіемъ, что Христосъ происходитъ отъ рода *Авраамова;* а если отъ рода *Авраамова*, то кольми паче отъ рода *Давидова*, какъ ближайшаго предка. Приводя обѣтъ Божій, что въ сѣмени Авраамовомъ благословятся всѣ народы: *и благословятся о сѣмени твоемъ вси языцы земніи*, Апостолъ присовокупляетъ: *не глаголетъ же* (Писаніе) *и сѣменемъ, яко о многихъ, но яко о единомъ, и сѣмени твоему, иже есть Христосъ* (Гал. III. 16). Читая сіи свидѣтельства и вѣря имъ, какое должны мы приписать качество плоти Христовой? Безъ сомнѣнія то же, какое приписываемъ плоти *Авраамовой*, потому что Христосъ происходитъ отъ рода *Авраамова*, то же, какое приписываемъ плоти *Іессеовой*, потому что Христосъ есть цвѣтъ ствола *Іессеова*, то же, какое приписываемъ плоти *Давидовой*, потому что Христосъ есть плодъ крови *Давидовой*, то же, какое приписываемъ плоти *Маріиной*, потому что Христосъ произошелъ отъ крови *Маріиной*: еще ли не довольно? качество плоти Христовой то же, какое приписываемъ мы плоти *Адамовой*, потому что Христосъ есть вторый *Адамъ*. Слѣдствіемъ всего сего да будетъ, чтобъ или было признано, что всѣ означенныя лица имѣютъ плоть духовную, дабы и Іисусу-Христу можно было приписать плоть того же естества, или изъявлено бы было согласіе, что плоть Іисуса-Христа не была духовнаго естества, потому что не произошла отъ такого ствола, въ которомъ бы была плоть духовная.

XXIII. Такимъ образомъ исполняется предъ очами

нашими пророчество, изреченное старцемъ *Симеономъ* о рождшемся Господѣ: *се лежитъ сей на паденіе и на востаніе многимъ во Израили и въ знаменіе прекаемо* (Лук. II. 34). Знаменіе это о рожденіи Христовомъ возвѣщено было *Исаіею* пророкомъ: *Господь Самъ дастъ вамъ знаменіе: се Дѣва зачнетъ и родитъ Сына* (Ис. VII. 14). Какое же это прекаемое знаменіе? Зачатіе и роды дѣвы *Маріи*.—«Но она и родила и не «родила, она дѣва и не дѣва, восклицаютъ ученики « Академіи.» — Намъ свойственнѣе бы было говорить такъ, если бы нужда предстояла изъясниться съ такимъ легкомысліемъ. Дѣйствительно, она родила, потому что Сынъ ея родился изъ ея плоти; и она не родила, потому что Сынъ ея не рожденъ отъ содѣйствія человѣка (мужа). Она Дѣва въ отношеніи къ человѣку, и не Дѣва въ отношеніи къ тому, что родила. Нельзя однакожъ согласно съ противниками нашими сказать: она родила и не родила, она Дѣва и не Дѣва, потому якобы что она не мать плода своей утробы. У насъ нѣтъ двусмыслія, нѣтъ ничего, извращающаго смыслъ. Свѣтъ для насъ свѣтъ, тьма для насъ тьма: *ей, ей, ни, ни; лишше же сею, отъ непріязни есть* (Мат. V. 37). *Марія* мать, потому что родила. Она зачала, бывши дѣвою, но сдѣлалась женою по рожденіи, и плодъ ея отверзъ утробу ея по закону дѣторожденія, такъ что не смотря на то, могло ли тутъ быть участіе мужа или же рожденіе совершилось безъ участія его, утроба ея дѣйствительно разверзлась. Наконецъ это та самая утроба, по причинѣ которой сказано и о всѣхъ прочихъ: *всякъ первенецъ перворожденный, разверзаяй всякая ложесна, Мнѣ есть: освяти Ми его* (Исх. XIII. 2). Кто истинно святъ, какъ не Сынъ Божій? О комъ собственно можно сказать, что разверзъ ложесна, какъ не

о томъ, кто дѣйствительно разверзъ ихъ, когда они были заключены? — «Впрочемъ и супружество разверзаетъ также зачавшую утробу. Стало быть утроба «*Маріи* могла удобно разверзтись. Посему можно бы «скорѣе отказать, нежели согласиться дать званіе Дѣвы той, которая сдѣлалась матерью прежде, нежели была женою.» — Къ чему останавливаться мнѣ на семъ предметѣ? Апостолъ, сказавши, что Сынъ Божій родился отъ жены, а не отъ Дѣвы, тѣмъ самымъ заявилъ, что утроба ея была разверзта, какъ у другихъ женщинъ, становящихся матерями. — Берегитесь еретики, чтобы Духъ Святый по предвѣдѣнію Своему не возсталъ теперь же и противъ будущихъ споровъ вашихъ на счетъ родовъ *Маріи*. Онъ никогда не говорилъ ничего сомнительнаго и вопреки обычной Своей простотѣ; да и *Исаія* утверждаетъ, что *Дѣва зачнетъ и родитъ*.

XXIV. Слова *Исаія*, клеймящія еретиковъ, и особливо слѣдующія: *горе полагающимъ горькое сладкое и сладкое горькое, полагающимъ тьму свѣтъ и свѣтъ тьму* (Ис. V. 20), относятся къ *людямъ, не дающимъ словамъ симъ истиннаго и* естественнаго значенія, такъ чтобы душа была не иное что, какъ душа, извѣстная подъ симъ именемъ, плоть не иное что, какъ плоть, нами видимая, и Богъ не иной какой, какъ Тотъ, о которомъ было возвѣщено.

Господь, обративъ во первыхъ взоры на *Маркіона*, изрекъ: *Нѣсть Бога инаго, развѣ Мене*. Произнесши въ другомъ мѣстѣ: *нѣсть Богъ прежде Мене*, Онъ привелъ въ ничтожество недовѣдомыя порожденія Эоновъ, выдуманныя Валентіанами. Сими словами: *иже не отъ крове, ни отъ похоти плотскія, ни отъ похоти мужескія, но отъ Бога родишася* (Іоан. I. 13). Онъ впередъ уже отвѣтствовалъ *Эвіону*. Наконецъ слѣдующее изреченіе: *аще Ангелъ съ небесе благовѣ-*

тить вамъ паче, еже благовѣстихомъ вамъ, анаѳема да будетъ (Гал. I. 8), прямо падаетъ на обаянія *Филумены*, дѣвы *Апеллесовой*.

Не должно сомнѣваться въ томъ, что кто отрицаетъ Христа, пришедшаго въ такой же плоти, какъ наша, тотъ есть врагъ Христовъ. Кто же объявляетъ, что эта плоть есть настоящая плоть въ полномъ значеніи сего слова, тотъ уничтожаетъ всѣ споры, на сей счетъ возникающіе. Также кто утверждаетъ, что Христосъ есть одинъ, тотъ испровергаетъ всѣ доводы тѣхъ людей, которые дѣлаютъ Его множественнымъ, и хотятъ, чтобъ иной былъ Христосъ, и иной Іисусъ; иной тотъ, кто *мимохождаше посредѣ множества*, и иной тотъ, кто былъ задержанъ; иной тотъ, кто преобразился на горѣ предъ тремя свидѣтелями среди свѣтлаго облака, и иной тотъ, кто прочимъ людямъ казался безъ славы, *вѣдый болѣзнь*; иной тотъ, кто былъ великодушенъ, и иной тотъ кто трепеталъ; наконецъ иной тотъ, кто преданъ былъ смерти, и иной тотъ, кто воскресъ: пропешествіе, отъ котораго сами еретики ожидаютъ своего воскресенія, но только въ иной плоти. Къ счастію тотъ же самый Христосъ, который страдалъ, долженъ и снизойти съ небесъ: тотъ же Христосъ, который воскресъ, долженъ и явиться всѣмъ. Пригвоздившіе Его ко кресту узрятъ и узнаютъ Его, узрятъ въ той же плоти, которую столь жестоко истерзали, и безъ которой не могъ бы Онъ ни быть Христомъ ни быть узнаннымъ; узрятъ и посрамятся мечтатели, утверждающіе, что плоть сія покоится на небесахъ, лишенная всякаго чувства и представляющая какъ бы нѣкотораго рода чехолъ, въ которомъ уже нѣтъ Христа, или что она вмѣстѣ и плоть и душа или же только одна душа безъ плоти.

XXV. Достаточно разсуждали мы о настоящемъ предметѣ. Мы кажется ясно доказали, что во Христѣ плоть рождена отъ Дѣвы, и что она подобна нашей плоти. Сего было бы и довольно безъ скопища различныхъ мнѣній, которыя надлежитъ опровергнуть въ самыхъ ихъ доводахъ и въ текстахъ св. Писанія, во зло ими употребляемыхъ. И такъ въ статьѣ сей заявили мы противъ всѣхъ еретиковъ, какъ бы предварительно, что такое была плоть Христова, откуда она взята и чѣмъ не была она. Теперь надобно въ особой статьѣ оградить отъ всѣхъ нападковъ воскресеніе плоти, какъ неизбѣжное послѣдствіе настоящаго разсужденія, оградить истину, основу которой я утвердилъ, выставя на видъ то, что именно воскресло въ Іисусѣ-Христѣ.

СТАТЬЯ СЕМНАДЦАТАЯ.

О воскресеніи плоти (*).

I. Надежда Христіанъ есть воскресеніе мертвыхъ. Оно дѣлаетъ насъ вѣрующими: истина сама заставляетъ насъ вѣрить ему. Но въ то время, какъ Богъ открываетъ намъ истину, народная толпа посмѣвается надъ нами, воображая себѣ, что смерти ничто не переживаетъ. Между тѣмъ таже толпа воздаетъ мертвымъ погребальныя почести съ величайшимъ усердіемъ, согласуясь съ склонностями усопшихъ и выбирая приличныя времени года яства, въ томъ убѣжденіи, что тѣ, у которыхъ она отъемлетъ всякое чувство, имѣютъ еще надобность въ пищѣ. Скорѣе намъ можно бы посмѣяться надъ сею сволочью, пожигающею съ такимъ безчеловѣчіемъ мертвыхъ, которыхъ потомъ пресыщаетъ она яствами, почитая или безчестя ихъ симъ пламенемъ. О нѣжность, поругаемая жестокостію! Какъ назвать эти мяса, возлагаемыя на прахъ: жертвоприношеніемъ ли или кощунствомъ?

Но не одна народная толпа мыслитъ такъ: мудрецы того же мнѣнія. По смерти нѣтъ ничего, говоритъ *Эпикурова* школа. *Сенека* также повторяетъ, что все оканчивается со смертію, даже и самая смерть. Спасибо еще, что философія *Пиѳагора* и *Эмпедокля* не ме-

(*) Писана въ 207 году по Р. Х.

нѣе того уважительна. Въ противоположность всѣмъ имъ *Платоновы* ученики проповѣдуютъ безсмертіе души. Они утверждаютъ, что душа немедленно входитъ въ тѣла, но не въ прежнія и часто не въ человѣческія, а на примѣръ *Пиѳагоръ* превращается въ *Эвфорба*, *Платонъ* же въ павлина. Не смотря однакожъ на сіе, они провозглашаютъ, что душа точно возвращается на землю для жительства опять во плоти, предпочитая лучше полагать извѣстныя условія безсмертія, нежели совершенно отрицать его; и такимъ образомъ стучатъ въ двери истины, но не проникаютъ въ нее. Стало быть вѣкъ сей не невѣдаетъ о воскресеніи мертвыхъ, но только его обезображиваетъ.

II. Была ли и у истиннаго Бога какая либо секта, которая находилась въ близкомъ сосѣдствѣ скорѣе съ Эпикурейцами, нежели съ пророками, о томъ узнаемъ мы вскорѣ изъ отвѣта, даннаго Христомъ Саддукеямъ. — Іисусу-Христу предоставлено было подъять завѣсу, прекратить неизвѣстность, пополнить несовершенныя свѣдѣнія, привести въ дѣйствительность прообразованія, и наконецъ доказать воскресеніе мертвыхъ не только чрезъ Себя, но и на самомъ Себѣ.

Вооружимся нынѣ противъ новыхъ Саддукеевъ, раздѣляющихъ ученіе Саддукеевъ древнихъ. Они признаютъ только полу-воскресеніе, воскресеніе души, будучи впрочемъ исполнены презрѣнія къ плоти и къ самому Создателю плоти. Одни только тѣ еретики, которые изобрѣли другое божество, въ состояніи отрицать воскресеніе у тѣлесной сущности. Будучи принуждены измѣнить естество Христово, дабы Онъ не былъ сочтенъ Создателемъ плоти, они начали съ того, что стали обманываться на счетъ собственной плоти Его, одни съ *Маркіономъ* и *Базилидомъ* мечтая, что она не настоящая, другіе согласно съ ересью *Апелле-*

са и *Валентина* утверждая, что она имѣетъ особливыя свойства. Изъ того слѣдуетъ, что они исключаютъ изъ спасенія такую сущность, въ участіи которой отказываютъ Христу, зная, что если плоть воскресла во Христѣ, то въ пользу плоти откроется явное свидѣтельство общаго воскресенія ея. Вотъ почему написали мы предъидущую статью *о плоти Христовой*, гдѣ доказываемъ вопреки мечтаній о призракѣ, что она есть настоящая, а вопреки предположенія отличительныхъ свойствъ, что она подобна нашей плоти; изъ чего явствуетъ, что Іисусъ-Христосъ есть человѣкъ и сынъ человѣческій. Въ самомъ дѣлѣ доказать, что Онъ имѣлъ дѣйствительную плоть и дѣйствительное тѣло, значитъ вывести заключеніе, не смотря на всѣ умствованія еретиковъ, что нѣтъ инаго Бога, кромѣ Бога Создателя; ибо мы свидѣтельствуемъ, что Христосъ, въ которомъ и чрезъ котораго познается Богъ, именно таковъ, какимъ Создатель обѣщалъ явить Его намъ. Какъ скоро еретики убѣдятся, что Богъ есть Создатель плоти, а Христосъ Искупитель ея: то вмѣстѣ съ тѣмъ удостовѣрятся и въ воскресеніи плоти: соображеніе ума того требуетъ. Такъ, а не иначе, всегда почти надобно поступать съ еретиками. Слѣдуя порядку вещей, надлежитъ начинать съ самаго важнаго обстоятельства, дабы вполнѣ согласиться на счетъ основнаго начала спорнаго предмета. Но еретики, чувствуя свою слабость, никогда не слѣдуютъ сей системѣ. Зная, что покушенія ихъ ко введенію инаго божества суетны предъ лицемъ Бога и Творца вселенной, котораго мы естественно познаемъ посредствомъ свидѣтельства Его дѣяній, который безсомнительно обладаетъ первенствомъ своихъ таинствъ, и который открывается чрезъ пророчества, они начинаютъ съ вопроса о воскресеніи подъ предлогомъ буд-

то бы разрѣшенія нужнѣйшаго затрудненія, то есть, подъ предлогомъ изслѣдованія прежде всего, въ чемъ состоитъ спасеніе человѣка. Имъ хорошо извѣстно, что гораздо труднѣе повѣрить воскресенію тѣла, нежели единству божества. Такимъ образомъ, извративши порядокъ спора, и спутавши его еще болѣе презрѣніемъ своимъ къ плоти, они мало по малу вводятъ неприметно свое особое божество, колебля и разрушая нашу надежду. Дѣйствительно какъ скоро человѣкъ отстаетъ или удаляется отъ упованія на Создателя своего: то легко преклоняется или лучше сказать стремится къ виновнику иной обаятельной надежды. Разностію обѣтовъ водворяется и разность божествъ. Многіе вѣрующіе были уловлены въ сѣти, допуская обольстить себя по предмету воскресенія плоти, прежде нежели могли побѣдить врага единства Божія.

Въ отношеніи къ еретикамъ, мы уже опредѣлили, какимъ оружіемъ должно ихъ поборать. Мы даже и сражались уже съ нѣкоторыми изъ нихъ, какъ то: касательно единства Бога и Христа Его съ *Маркіономъ*, и касательно плоти Господней къ четырьмя другими еретиками. Тамъ положили мы предварительно прочное основаніе по предмету настоящаго разсужденія, такъ что теперь остается только разсмотрѣть споръ о воскресеніи плоти, какъ такое ученіе, которое для людей сомнительно, но для Бога достовѣрно. Многіе дѣйствительно находятся на сей счетъ въ невѣдѣніи: одни имѣютъ вѣру мало просвѣщенную и колеблющуяся, а большая часть ищутъ и желаютъ, чтобы кто ихъ поучилъ, руководилъ и поддержалъ. Посему мы потщимся утвердить ихъ наиболѣе въ понятіи о единствѣ Бога, какъ въ такой истинѣ, которая ослабляется или укрѣпляется по мѣрѣ того, какъ отмещется или пріемлется воскресеніе плоти. Я полагаю,

что не нужно здѣсь разсуждать о спасеніи души. Еретики не отвергаютъ того совершенно, какой бы образъ мыслей на сей счетъ они ни имѣли. Какая нужда, что какой-то *Луканъ* (*), не щадя и сей самой сущности, допускаетъ вмѣстѣ съ *Аристотелемъ* разрушеніе ея, и на мѣсто ея созидаетъ нѣчто неизвѣстное, какъ будто бы должна воскреснуть третья сущность, которая не будетъ ни плотію, ни душею, ни стало быть и человѣкомъ, а развѣ какимъ нибудь медвѣдемъ изъ Луканіи (**)? Мы пространно разсуждали обо всѣхъ качествахъ души въ особой статьѣ, гдѣ утвердивъ безсмертіе ея, мы признали, что одна плоть подвергается разрушенію, да и то для того, чтобы быть неминуемо возстановленною. Мы даже въ твореніи семъ собрали всѣ вопросы, которыхъ въ другихъ мѣстахъ касались только слегка, чтобы не прерывать разбора предметовъ; ибо часто бываетъ кстати или слегка коснуться вещей или отложить ихъ до времени, дабы нѣкоторыя изъ нихъ пополнить въ принадлежащемъ собственно имъ разсужденіи, а другія не пропустить безъ выполненія данныхъ по предмету ихъ обѣщаній.

III. Нѣтъ сомнѣнія, что можно и посредствомъ естественныхъ познаній проникнуть въ вещи Божіи, но только для того, чтобы свидѣтельствовать объ истинѣ, а не для того, чтобы поддерживать ими обманъ и ложь. Надлежитъ соображаться съ божественными намѣреніями, а не противорѣчить имъ. Природа сама просвѣщаетъ насъ касательно извѣстныхъ догматовъ, какъ то: безсмертія души, принятаго большею частію людей и существованія Бога, всѣми почти признавае-

(*) Также ученикъ *Маркіоновъ* родомъ изъ Луканіи.
(**) Луканія славилась множествомъ медвѣдей.

маго. Я готовъ съ *Платономъ* сказать: *всякая разумная душа безсмертна,* потомъ обращусь къ совѣсти народа, клящущагося богомъ боговъ. Призову на помощь другія естественныя познанія, свидѣтельствующія о томъ, что Богъ есть судія, какъ на примѣръ говорятъ: «Богъ видитъ, предаю себя Богу.» Но когда мнѣ говорятъ: «что умерло, то уже умерло; живи, «пока живешь; всему конецъ со смертію, конецъ и «самой смерти:» тогда вспоминаю я, что сердце человѣческое, хотя и твореніе Божіе, не иное что есть, какъ прахъ, и что мудрость міра сего объявлена безуміемъ. Если еретикъ прибѣгнетъ къ безпорядкамъ черни или къ выдумкамъ міра: то я скажу ему въ отвѣтъ: перестань еретикъ быть сообщникомъ язычника. Но хотя бы всѣ вы собрались во едино, вы, творящіе Бога по своему произволу; однакожъ какъ скоро творите сіе во имя Христа, считая себя покуда въ глазахъ своихъ Христіанами: то у васъ ничего еще нѣтъ общаго съ язычникомъ. Возвратите же язычнику его мнѣнія, потому что онъ не образованъ по вашимъ мнѣніямъ. За чѣмъ вамъ позволять слѣпому руководить себя, когда имѣете глаза? За чѣмъ вамъ облекаться въ наготу, когда вы облечены во Іисуса-Христа? Пусть язычникъ научится лучше отъ васъ исповѣдывать воскресеніе плоти, нежели вы отъ него отвергать его; ибо если бы даже Христіане вздумали и отвергнуть его, то они имѣютъ достаточныя для того познанія, не прибѣгая къ невѣжеству народной толпы. Только-то справедливо, что нельзя быть Христіаниномъ, отрицая истину, исповѣдуемую Христіанами, а особливо отрицая ее такими доводами, которыми пользуется тотъ, кто не Христіанинъ. Впрочемъ отыми у еретиковъ умствованія, которыя имъ общи съ язычниками, дабы они подкрѣпляли свои

предложенія однимъ св. Писаніемъ: тогда они никакъ не будутъ въ состояніи противостоять истинѣ. Главное качество естественнаго здраваго смысла состоитъ въ простотѣ, общеніи мнѣній, сообразіи понятій, и смыслъ сей тѣмъ бываетъ правильнѣе, когда предлагаетъ истины нагія, очевидныя и всему свѣту извѣстныя. Напротивъ того божественный разумъ проникаетъ внутрь вещей, не останавливаясь на поверхности; иногда даже противорѣчитъ внѣшности.

IV. Отсюда происходитъ, что еретики всегда начинаютъ съ чего либо подобнаго; потомъ опираются на томъ, въ чемъ эта общность мнѣній наиболѣе имъ благопріятствуетъ, зная весьма хорошо, что умы легко тѣмъ уловляются. Послушайте, какъ они, еретики или язычники, кстати и не кстати прежде всего вопіютъ противъ плоти, противъ происхожденія ея ,противъ вещества, изъ котораго она составлена, противъ случаевъ и всѣхъ немощей, которымъ она подвержена. «По происхожденію, говорятъ они, она нечиста «отъ ила земли; потомъ становится еще болѣе нечи«стою отъ тины сѣмени; далѣе бываетъ слаба, немощ«на, съ недостатками; подвержена бѣдамъ, страждетъ, «надоѣдаетъ. Послѣ такого уничиженія, она обращает«ся въ землю, первый ея элементъ, дабы пріять имя «трупа; но и это имя трупа не долго остается при ней: «она дѣлается чѣмъ-то такимъ, что ни на какомъ язы«кѣ не имѣетъ имени. Есть ли у тебя умъ стараться «насъ увѣрить что эта плоть, устраненная отъ твоего «взора, отъ твоего осязанія и вышедшая даже можетъ «быть изъ твоей памяти, снова когда либо сдѣлается «изъ согнившей невредимою, изъ незамѣтной плотною, «изъ пустой полною, изъ ничтожества чѣмъ нибудь, и «что притомъ должна она выйти цѣлою изъ пламени, «изъ водъ, изъ живота хищныхъ звѣрей, изъ внутрен-

«ности птицъ, изъ рыбъ, изъ челюстей самаго време-«ни? Можно ли полагать, чтобъ эта исчезнувшая плоть «возвратилась въ одинаковомъ видѣ въ хромыхъ, въ ко-«сыхъ, въ слѣпыхъ, въ прокаженныхъ и въ разслаб-«ленныхъ, и не противно ли ей будетъ войти опять «въ первое свое состояніе? Не для того ли явятся лю-«ди сіи цѣлыми и неповрежденными, чтобы быть въ «непрестанномъ страхѣ подвергнуться тѣмъ же немо-«щамъ? Что произойдетъ съ послѣдствіями плоти? Бу-«детъ ли она терпѣть всѣ настоящія нужды? Потре-«бны ли сіи будутъ особенно пища и питіе? Будетъ ли «легкое наше питаться воздухомъ? Будетъ ли внутрен-«ность наша всегда имѣть жаръ? Станемъ ли мы по «прежнему краснѣть отъ чего либо въ насъ срамнаго? «Восприметъ ли каждый изъ членовъ нашихъ свои за-«нятія? Будемъ ли мы имѣть снова язвы, раны, го-«рячку, водяную болѣзнь, и въ заключеніе получимъ «ли новую смерть! — Подлинно чудесное поощреніе «воспріять плоть, съ тѣмъ чтобы во вторый разъ по-«желать ее лишиться!»

Изъ благопристойности мы нѣсколько смягчили рѣзкость ругательствъ. Впрочемъ и язычники и еретики не щадятъ безстыдныхъ выраженій въ своихъ рѣчахъ.

V. Какъ умы мало-просвѣщенные руководствуются общими о вещахъ понятіями, какъ души простыя и сомнительныя ими возмущаются, и какъ презрѣніе къ плоти ставится первымъ противъ насъ стѣнобитнымъ орудіемъ: то долгъ нашъ есть вступиться за плоть и защитить ее. Отвратимъ порицаніе хвалою. Еретики заставляютъ насъ противъ воли нашей обратиться къ словопрѣнію и къ философіи. Хотя бы это слабое и бренное тѣло, которое не стыдятся они называть злымъ, было или твореніе Ангеловъ, какъ утверждаютъ *Менандръ* и *Маркъ*, или произведеніе какой

либо огненной сущности, почитающейся, по ученію *Апеллесову*, также ангельскою: то и въ такомъ случаѣ для достоинства плоти достаточно бы было имѣть происхожденіе отъ втораго божества; ибо послѣ Бога Ангелы конечно заступаютъ первое мѣсто. Но какого бы верховнаго Бога кто изъ еретиковъ ни признавалъ, я по справедливости приписываю достоинство плоти тому Богу, который восхотѣлъ произвесть ее, и который даже узнавъ, что она внѣ Его производится, вѣрно бы тому помѣшалъ, если бы не хотѣлъ того. Такимъ образомъ по собственному ихъ мнѣнію плоть есть твореніе Божіе. Всякое твореніе принадлежитъ тому, кто позволилъ ему существовать.

Къ счастію нашему большая часть ученыхъ школъ, и между ними самыя основательныя, предоставляютъ Богу нашему всецѣлое сотвореніе человѣка. Каково Его могущество, ты самъ это знаешь, вѣруя въ единство Его. Начни же любить плоть, когда она имѣетъ творцемъ своимъ столь превосходнаго художника.

«Но міръ, говоришь ты, также твореніе Божіе; *об-*«*разъ же міра сего преходитъ* (1. къ Кор. VII. 31), «какъ увѣряетъ самъ Апостолъ. Хотя онъ и Божіе тво-«реніе; но его происхожденіе не можетъ служить пре-«дубѣжденіемъ въ пользу возстановленія его. Если же «вселенная по разрушеніи своемъ не можетъ ожить: «то почему часть вселенной ожить должна?»

Ты былъ бы правъ, если бы между частію и цѣлымъ существовало равенство. Но мы утверждаемъ, что тутъ есть великая разность. Во первыхъ такъ какъ *вся быша словомъ Божіимъ и безъ Него ничто же бысть еже бысть* (Іоан. I. 3): то и плоть въ образѣ своемъ долженствовала быть произведена Словомъ же Божіимъ, дабы все совершалось чрезъ Слово. *Сотворимъ человѣка*, сказалъ Богъ, прежде нежели со-

творилъ его. Онъ созидаетъ его такъ сказать собственными руками по причинѣ его преимущества, дабы онъ не былъ сравненъ съ вселенною. *И созда Богъ*, сказано, *человѣка*. Чудесное различіе, имѣвшее причину свою въ естествѣ вещей! Сотворенныя вещи были ниже того, для кого сотворены: онѣ сотворены для человѣка, которому вскорѣ потомъ и подчинены. Стало быть справедливо всѣ вообще существа, въ качествѣ рабовъ, произведены по одному повелѣнію, по одному мановенію могущества. Напротивъ того человѣкъ, въ качествѣ господина, созданъ самимъ Богомъ, дабы могъ быть господиномъ, будучи созданъ Господомъ. Припомни однакожъ, что плоть, собственно такъ именуемая, есть то самое, что называется человѣкомъ. *И созда Богъ человѣка, персть землѣ отъ земли.* Онъ былъ уже человѣкъ, хотя составлялъ еще и персть (*). *И вдуну въ лице его дыханіе жизни, и бысть человѣкъ*, то есть, персть, *въ душу живу. И насади Господь Богъ рай въ Едемѣ, и введе тамо человѣка, его же созда* (Быт. II: 7 и 8). Такъ-то человѣкъ, бывши сперва перстію, учинился полнымъ человѣкомъ уже въ послѣдствіи.

«Къ чему эти истины?» Къ тому, дабы ты вѣдалъ, что всѣ блага, предопредѣленныя и обѣщанныя Богомъ человѣку, принадлежатъ не только душѣ, но и плоти, если не по общности происхожденія, то по преимуществу имени.

VI. Продолжаю идти къ цѣли своей, будучи однакожъ не въ состояніи придать плоти то, что даровалъ ей Сотворившій ее, облекши славою, когда персть,

(*) По ученію св. Отцевъ не персть и не тѣло, а человѣкъ созданъ по образу и по подобію Божію, и этотъ образъ заключается собственно въ душѣ. *Перев.*

это ничтожество, побывала въ рукахъ Божіихъ, въ какихъ бы то ни было. Безъ сомнѣнія она была бы и тогда счастлива, когда бы Богъ только прикоснулся къ ней. Что же? развѣ Богъ не могъ сотворить человѣка однимъ прикосновеніемъ безъ всего прочаго? Такъ-то справедливо, что готовилось какое либо великое чудо, когда Онъ рѣшился Самъ работать надъ симъ веществомъ съ такимъ стараніемъ. Дѣйствительно сколько разъ плоть эта чувствовала прикосновеніе рукъ Божіихъ, сколько разъ была она ими осязаема, мѣшана, переработываема, во столько разъ она возрастала въ чести и въ славѣ. Вообрази себѣ, что весь Богъ занимается симъ твореніемъ. Руки свои, умъ, дѣйствіе, премудрость, провидѣніе, и особливо любовь: все существо Свое Онъ тутъ употребляетъ. Для чего же Онъ это дѣлаетъ? Для того, что сквозь эту грубую персть провидитъ Христа Своего, который нѣкогда сдѣлается человѣкомъ, подобнымъ сей персти, сдѣлается вочеловѣчившимся Словомъ. Отецъ начинаетъ съ того, что обращается къ Сыну Своему съ сими словами: *Сотворимъ человѣка по образу нашему и по подобію. И сотвори, Богъ человѣка,* то есть, сотворилъ то, что создалъ; *по образу Божію,* то есть, по образу Іисуса-Христа, *сотвори его. Богъ бѣ слово. Иже во образѣ Божіи,* то есть во образѣ отца своего, *сый, не восхищеніемъ непщева равенъ быти Богу* (Филип. II. 6). Слѣдовательно персть, въ которую съ того времени облекся образъ Іисуса-Христа въ предбудущей Его жизни, была не только твореніе Божіе, но и залогъ Божій. За чѣмъ же для поруганія плоти выставлять намъ землю за какой либо грубый и презрительный элементъ, тогда какъ въ случаѣ если бы другое вещество способно было къ сотворенію человѣка, то не слѣдовало бы никогда терять изъ виду

достоинства художника, который, избравъ это вещество, счелъ бы его достойнымъ того, или сдѣлалъ бы его таковымъ, дотронувшись только до него? Всѣ дивятся искусству рукъ *Фидіаса*, сдѣлавшаго Олимпійскаго Юпитера изъ слоновой кости. Это не Богъ, составленный изъ какого либо простаго бездушнаго вещества; это величайшее божество міра. Люди однакожъ забываютъ вещество, чтобы смотрѣть только на знаменитаго *Фидіаса*. Не ужели же бы Богъ, истинный Богъ, не могъ очистить отъ всѣхъ скверпъ или исцѣлить отъ всѣхъ немощей всякое вещество, какъ бы оно презрительно ни было? Не скажетъ ли кто, что человѣкъ могъ сотворить Бога съ большимъ совершенствомъ, нежели Богъ могъ создать человѣка?

Если тебя эта персть соблазняетъ: то образъ ея измѣненъ. Я держу въ рукахъ плоть, а не землю. Хотя же персти и сказано: *земля еси и въ землю пойдеши*; но изреченіе сіе только приводитъ на память происхожденіе ея, а не уничтожаетъ сущности. Ей предоставлено быть чѣмъ-то благороднѣе, нежели самое ея происхожденіе, и возрастать въ достоинствѣ чрезъ свое преобразованіе. Такъ на примѣръ золото изъемлется изъ земли, потому что происходитъ отъ земли. Но оно земля до тѣхъ только поръ, пока не будетъ изъ земли изъято; какъ же скоро сдѣлается золотомъ, то блеститъ и сіяетъ, не смотря на мракъ своего происхожденія. Такимъ же образомъ и Богъ золото плоти нашей могъ избавить отъ всѣхъ нечистотъ персти, облагородивъ ея источникъ.

VII. Но плоть можетъ быть покажется имѣющею менѣе цѣны отъ того, что руки Божіи не прикасались къ ней, подобно какъ древле къ персти. Когда Богъ смѣсилъ персть, дабы она потомъ сдѣлалась плотію: то Онъ творилъ это именно для плоти. Желалъ бы

я, чтобы ты зналъ, когда и какъ процвѣла плоть, составляясь изъ персти. Не надобно полагать съ нѣкоторыми людьми, яко бы оболочка кожапая, въ которую *Адамъ* и *Ева* одѣлись по изгнаніи изъ Рая, означаетъ измѣненіе персти въ плоть. *Адамъ*, и прежде уже, во плоти подруги своей призналъ распространеніе собственной сущности. О томъ свидѣтельствуютъ сіи слова: *се нынѣ кость отъ костей моихъ и плоть отъ плоти моея*; свидѣтельствуетъ также и ребро, взятое отъ *Адама* для созданія жены, и пополненное плотію, вмѣсто того, что оно долженствовало бы замѣнено быть перстію, если бы *Адамъ* перстію еще оставался. Стало быть персть была уже истреблена и какъ бы поглощена плотію. Когда же это случилось? Тогда, какъ *человѣкъ бысть въ душу живу* отъ дыханія Божія, то есть, отъ нѣкоего какъ бы теплотвора, который способенъ былъ персть претворить въ другое качество: она могла сдѣлаться и сосудомъ, такъ какъ плотію. Такъ горшечникъ, умѣряя искусно жаръ огня, обращаетъ глину въ твердѣйшее вещество, доводитъ ее до лучшаго вида противъ прежняго, и она подъ новою формою получаетъ и другой родъ и другое имя. Хотя и написано: *еда речетъ брѣніе скудельнику* (Ис. XLV. 9), то есть, еда речетъ человѣкъ Богу, а также хотя и Апостолъ говоритъ намъ *о скудельныхъ сосудѣхъ* (2. Кор. IV. 7); но эта глина есть человѣкъ, потому что была прежде перстію, а этотъ сосудъ есть плоть, потому что происходитъ отъ персти же, претворенной дыханіемъ Божіимъ, и облеченной въ кожапую оболочку, то есть, въ плоть. Для убѣжденія въ томъ сними эту кожу, и ты обнажишь плоть. Такимъ образомъ кожа сія, нынѣ, по снятіи ея, кровавое мясо, была первоначально внѣшнимъ одѣяніемъ. Посему-то Апостолъ, именуя обрѣзаніе корыстію пло-

ти, тѣмъ самымъ доказываетъ, что эта оболочка не иное что есть, какъ кожа.

Если же это такъ: то персть славна тѣмъ, что руки Божіи къ ней прикасались, а плоть еще славнѣе отъ дыханія Божія, посредствомъ котораго она устранила грубые элементы персти и воспріяла достоинство души. Ты не искуснѣе Бога. Если ты въ чугунъ, въ мѣдь, въ желѣзо, ни даже въ серебро, не вставляешь драгоцѣнныхъ камней Скиѳіи и Индіи и блестящихъ жемчужинъ Чермнаго моря, если напротивъ того украшаешь ихъ чистѣйшимъ золотомъ самой отличной работы, если для лучшихъ винъ и благоуханій готовишь сосуды, качеству ихъ соотвѣтствующіе, если хорошіе мечи одѣваешь въ превосходныя ножны: то можешь ли ты себѣ представить, чтобы Богъ вложилъ въ какой либо презрительный сосудъ тѣнь души Своей, дыханіе Своего Духа, дѣятельный образъ Слова Своего, и чтобы осудилъ ихъ на изгнаніе въ поносное мѣсто?

Но помѣстилъ ли Онъ душу въ нашу плоть или пріобщилъ къ ней, какъ бы смѣшавши съ нею? Союзъ такъ тѣсенъ, что можно усомниться, плоть ли носитъ душу, или душа плоть, плоть ли вселяется въ душу, или душа въ плоть. Но благоразумнѣе полагать, что душа вселяется въ плоть, потому что она имѣетъ верховную власть, и находится ближе къ Богу. Сверхъ того плоть, служа жилищемъ душѣ, сближающейся съ Богомъ, и допуская ее исполнять власть свою, еще болѣе чрезъ то возвышаетъ свое достоинство. Не посредствомъ ли плоти душа наслаждается благами природы, богатствомъ міра и прелестію стихій? Почему же и не такъ? Черезъ плоть она снабжена чувствами: зрѣніемъ, слухомъ, обоняніемъ, осязаніемъ и вкусомъ. Черезъ плоть вооружена она божественною силою,

имѣющею способность производить все словомъ, и даже нѣмыми устами тѣлодвиженія и взгляда. Даръ слова есть одинъ изъ органовъ плоти. Плоть есть проводникъ искусствъ. Плоть поддерживаетъ науки и геніевъ. Плоть руководствуетъ дѣяніями, промышленностію, должностями. Вся жизнь души такъ сопряжена съ жизнію плоти, что не жить значитъ для души не иное что, какъ разлучиться съ плотію. Потому-то и свойственно плоти умереть, такъ какъ свойственно и жить. И такъ если все покорено душѣ чрезъ содѣйствіе плоти, то и плоти все покорено: орудію надлежитъ участвовать и въ пользованіи. Плоть чрезъ содѣйствіе, оказываемое душѣ, становится ея подругою, сонаслѣдницею; и если сонаслѣдницею временныхъ благъ, то почему и не сонаслѣдницею благъ вѣчныхъ?

VIII. Вотъ что хотѣлъ я сказать для возстановленія плоти, разсматривая ее въ общемъ видѣ человѣческаго естества. Теперь обозримъ ее со стороны даровъ, собственно ей принадлежащихъ, и сколько преимуществъ предъ Богомъ имя Христіанина доставляетъ сей немощной и презрѣнной сущности. Для плоти довольно было бы уже и того, что душа не можетъ иначе спастись, какъ вѣруя въ Бога, доколѣ пребываетъ во плоти: доказательство, что плоть служитъ основаніемъ спасенія. Когда душа пріемлется въ служеніе Богу, плоть доставляетъ ей эту честь. Плоть омывается водами крещенія, дабы душа очистилась. Плоть помазывается, дабы душа освятилась. Плоть осѣняется крестнымъ знаменіемъ, дабы душа воспріяла силы. Плоть удостоивается возложенія рукъ, дабы Духъ просвѣтилъ душу. Плоть питается тѣломъ и плотію Христовою, дабы душа насытилась сущностію своего Бога. Стало быть душа и плоть не могутъ

разлучены быть и при наградѣ, участвуя въ трудахъ совокупно. Благопріятныя Богу жертвы, я хочу сказать, трудовыя занятія души, посты, воздержаніе, трезвость, умерщвленіе чувствъ: все это производитъ плоть съ своимъ ущербомъ. Дѣвство, вдовство, супружество, свято лишающее себя правъ своихъ, единобрачіе, суть какъ бы всесожженія, возносимыя плотію отъ собственныхъ благъ въ честь Божію. Отвѣчай мнѣ! Что ты думаешь о плоти, когда она, влекомая всенародно и преданная общей ненависти, сражается за вѣру: когда въ глубинѣ темницы мучима бываетъ жестокимъ лишеніемъ свѣта, удаленіемъ отъ общества людей, всякаго рода нечистотою, заразою, отвратительною пищею, не имѣя свободы спать, связанная узами, язвимая тростниковою подстилкою; когда, вышедши на свѣтъ, подвергается терзаніямъ всякихъ мучительскихъ орудій; когда напослѣдокъ кончается отъ казней, стараясь смертію за Христа воздать Ему то, что отъ Него пріяла, часто будучи распята на такомъ же крестѣ, какъ и Онъ, если не придумано еще большихъ жестокостей? О счастливая плоть! о плоть, препрославленная тѣмъ, что можетъ удовлетворить Іисуса Христа Господа нашего достойною платою за великій подвигъ Его ради насъ, и пребывающая иногда тѣмъ въ тягчайшихъ узахъ, чѣмъ большею пользуется свободою!

IX. Повторимъ кратко предъидущее. Эта плоть, которую Богъ создалъ по образу Своему, которую оживотворилъ дыханіемъ жизни по подобію Своего существа, которую поселилъ во вселенной, чтобъ она имѣла въ ней жилище, наслаждалась и обладала всѣми тварями; эта плоть, которую облекъ Онъ въ свои таинства и удостоилъ заповѣдей Своихъ, которой Онъ любитъ чистоту, одобряетъ терпѣніе, вознаграждаетъ

страданіе: не уже ли эта самая плоть не воскреснетъ, принадлежа толикократно Богу? Нѣтъ, нѣтъ! Да не будетъ! Прочь отъ насъ мысль, будто Богъ предаетъ совершенному разрушенію твореніе рукъ Своихъ, предметъ Своего попеченія, оболочку дыханія Своего, царицу творенія Своего, наслѣдницу Своихъ щедротъ, жрицу религіи Своей, воина Своей вѣры, сестру Христову. Мы вѣдаемъ, что Богъ благъ. Мы знаемъ отъ Христа Его, что Онъ единъ всеблагій Богъ. Такъ какъ Онъ повелѣваетъ намъ любить ближняго послѣ Него: то вѣрно и Самъ исполнитъ то, что заповѣдалъ. Онъ возлюбитъ плоть, которая есть ближняя Ему по многимъ отношеніямъ. Плоть немощна; но развѣ не *въ немощи сила совершается* (2. Кор. XII. 9)? Она больна; но *не требуютъ здравіи врача, а болящіи* (Мат. IX. 12). Она безчестна; но *ихъ же мнимъ безчестнѣйшихъ быти, симъ честь множайшую прилагаемъ* (1. Кор. XII. 23). Она погибшая; но *пріиде Сынъ человѣчь взыскати и спасти погибшаго* (Лук. XIX. 10). Она грѣшна; но *не хощу смерти грѣшника, глаголетъ Адонаи Господь, но еже обратитися ему и живу быти* (Iезек. XVIII. 32). Она осуждена; но *рече Господь: Азъ убію, и жити сотворю* (Второз. XXXII. 39). Какъ можешь ты укорять плоть въ такихъ вещахъ, которыя ожидаютъ Бога, надѣются на Бога, уважаются Богомъ, вспомоществуемы бываютъ Богомъ? Смѣю сказать, что если бы столь многія бѣдствія не облегали плоти: то благость, благодать, милосердіе, всемогущія щедроты Божіи, оставались бы безполезными.

X. У тебя въ рукахъ св. Писаніе, возражающееся часто противъ плоти. Выбери изъ него и тѣ мѣста, гдѣ она прославляется. Ты читаешь то, что ее унижаетъ: открой глаза и на то, что возвышаетъ ее. *Вся-*

ка плоть сѣно: такъ говоритъ *Исаія*; но онъ же предъ тѣмъ сказалъ: *и узритъ всяка плоть спасеніе Божіе* (Ис. XL. 5. и 6). Въ книгѣ Бытія (VI, 3.) написано: *не имать Духъ мой пребывати въ человѣцѣхъ сихъ во вѣкъ; зане суть плоть.* Но пророкъ *Іоиль* (II. 28.) съ своей стороны возвѣщаетъ: *и будетъ по сихъ, и излію отъ Духа Моего на всяку плоть.* Не должно также и у Апостола обращать вниманіе на одни укоры, дѣлаемые имъ плоти. Хотя онъ по видимому ничего хорошаго не находитъ въ плоти, хотя утверждаетъ, что *плоть похотствуетъ на духа, и явлена суть дѣла плотская* (Гал. VI. 17, и 19); но эти слова и другія подобныя относятся къ обезчещенію не сущности ея, но ея дѣяній. Въ другомъ мѣстѣ докажемъ мы, что плоти нельзя иначе укорять, какъ укоряя вмѣстѣ съ тѣмъ и душу, участвующую въ дѣйствіяхъ плоти. На сей разъ удовольствуемся привести, что тотъ же Апостолъ *Павелъ* говоритъ намъ, что онъ носитъ на тѣлѣ своемъ язвы Христовы, запрещаетъ намъ осквернять тѣло наше, *яко храмъ Божій есть*, увѣряетъ насъ, что наши тѣла суть *удове Христовы*, повелѣваетъ намъ *прославлять Бога въ тѣлесѣхъ нашихъ.* Слѣдовательно если бы даже недостатки плоти и мѣшали ей воскреснуть: то почему преимущества ея не могутъ дать ей на то права? Богу гораздо свойственнѣе спасать то, что на время осуждено, нежели предавать гибели то, что иногда было одобряемо.

XI. Я довольно кажется написалъ въ пользу плоти противъ враговъ ея, которые впрочемъ найлучшіе ея друзья; ибо никто не живетъ такъ по законамъ плоти, какъ люди, отвергающіе воскресеніе плоти. Отрицая, чтобы казни ее ожидали, они пренебрегаютъ и всякимъ благочиніемъ.

Если достоинство плоти служитъ достаточнымъ ру-

чательствомъ того, что она имѣетъ права на полученіе спасенія: то не прилично ли бы было разсмотрѣть въ отношеніи къ могуществу, силѣ и волѣ Божіей, такъ ли Богъ великъ, что въ состояніи возсоздать и привести въ первый видъ ковчегъ плоти, не смотря на то, самъ ли собою онъ разрушился или пожранъ и исчезъ отъ какого либо случая? Не преподалъ ли Богъ въ области природы явныхъ свидѣтельствъ о таковомъ принадлежащемъ Ему правѣ, такъ чтобы не оставалось возможности не признать по нимъ Бога, въ которого люди не вѣруютъ иначе, какъ когда увѣрены въ Его всемогуществѣ? Подобныя свидѣтельства конечно находятся и у тѣхъ философовъ, которые утверждаютъ, что міръ не имѣетъ начала и Создателя. Но для насъ лучше всего, что большая часть еретиковъ, соглашаясь на то, что міръ имѣлъ начало и Создателя, приписываютъ сотвореніе міра нашему Богу. И такъ считай за вѣрное, что Богъ создалъ вселенную изъ ничего, и ты, имѣя твердую увѣренность, что Богъ довольно для сего силенъ, получишь точное познаніе о Богѣ. Нѣкоторые умы, будучи не въ силахъ достигнуть до сей степени вѣры, и основываясь на ученіи философовъ, убѣждены въ томъ; что Богъ сотворилъ всѣ существа съ помощію первоначальной матеріи. Но хотя бы это мнѣніе и было признано истиннымъ; однакожъ какъ скоро Богъ съ сею матеріею сотворилъ такія сущности и образы, которые совершенно отличны отъ означенной первоначальной матеріи: то я за всѣмъ тѣмъ могу утвердительно сказать, что Богъ произвелъ всѣ вещи изъ ничего, если произвелъ ихъ изъ существъ, прежде не существовавшихъ. Но какая нужда, произведена ли тварь изъ ничего или изъ чего либо, лишь бы только несуществовавшее существовало, потому что не суще-

ствовать значитъ быть ничѣмъ, а существовать значитъ быть чѣмъ нибудь? Мало того. Хотя бы тутъ и было различіе; но ничтожество или первоначальная матерія, для меня все равно. Дѣйствительно если создалъ Богъ всѣ вещи изъ ничего: то Онъ можетъ извлечь плоть и изъ ничтожества, въ какое бы она ни была приведена; если же сотворилъ ихъ изъ другой матеріи; то Онъ также силенъ возвратить плоть изъ всякой пропасти, какая бы она ни была. Кто сдѣлалъ вещь, тотъ можетъ ее и передѣлать. Болѣе могущества въ произведеніи, нежели въ исправленіи, въ дарованіи существа, нежели въ возвращеніи его. Повѣрь же, что возстановленіе плоти легче, нежели сотвореніе ея.

XII. Обрати взоры на образы божественнаго могущества въ мірѣ. День умираетъ, и уступая мѣсто ночи, погребается во тьмѣ. Краса вселенной скрывается подъ похоронными завѣсами. Все дѣлается безцвѣтнымъ, безмолвнымъ, смутнымъ, вездѣ работы прекращаются. Природа облекается въ трауръ и оплакиваетъ потерю свѣта. Но вдругъ свѣтъ вновь для вселенной оживаетъ со всѣмъ своимъ великолѣпіемъ, въ сопровожденіи брачнаго веселія солнца, которое всегда одинаково, всегда полно, которое закалаетъ смерть свою, то есть, ночь, раздираетъ свои покровы, то есть, тьму, и переживаетъ само себя, пока опять не наступитъ ночь съ плачевнымъ своимъ облаченіемъ. Тогда начинаютъ блестѣть лучи звѣздъ, потухающіе при утреннемъ сумракѣ. Планеты, днемъ на время изгнанныя, торжественно возвращаются. Луна возобновляетъ кругъ свой, ослабѣвшій отъ ежемѣсячнаго обращенія. Зима, лѣто, весна и осень преемственно послѣдуютъ другъ за другомъ со своими обычными вліяніями и произведеніями. На землѣ тѣ же законы, какъ и на небесахъ. Деревья воспріемлютъ

красу свою, которой были лишены. Цвѣты появляются съ своимъ разнообразіемъ красокъ. Поля одѣваются снова зеленью своею. Сѣмена, истлѣвшія въ нѣдрахъ земли, возникаютъ, и возникаютъ не иначе, какъ истлѣвши. Какая дивная премудрость! Она лишаетъ насъ благъ нашихъ, чтобы намъ ихъ сугубо возвратить; отъемлетъ ихъ, чтобы опять ими одарить; истребляетъ, чтобы сохранить; портитъ, чтобъ обновить; поглощаетъ, чтобъ умножить стократно. Дѣйствительно, когда она намъ возвращаетъ ихъ, по истребленіи, щедрою рукою въ большемъ обиліи: то можно по справедливости сказать, что со стороны ея истребленіе есть пріобрѣтеніе, ограбленіе есть лихва, потеря есть корысть. Однимъ словомъ всякая тварь переходитъ отъ смерти къ жизни. Все, что предъ твоими глазами было, существуетъ. Все, что потерялъ ты, возвращается съ избыткомъ. Все, изчезнувши приходитъ въ прежнее состояніе; все, переставши существовать воспріемлетъ бытіе; все оканчивается съ тѣмъ, чтобы возникнуть.—Ничто не погибаетъ, какъ только для того, чтобы быть сбереженнымъ. Что же означаетъ это безпрерывное круговращеніе природы? Это есть свидѣтельство воскресенія мертвыхъ. Богъ начертилъ его прежде въ своихъ дѣяніяхъ, нежели въ св. Писаніи; возвѣстилъ прежде могуществомъ Своимъ, нежели преподалъ словесно. Онъ открылъ предъ тобою книгу природы, дабы привести тебя къ пророчеству, дабы ученикъ природы могъ удобнѣе пророчеству повѣрить, дабы, убѣдясь глазами, немедленно принялъ онъ то, что услышитъ ушами, и дабы не сомнѣвался, что Богъ долженъ воскресить мертвыхъ, видя, какъ Богъ возстановляетъ всѣ существа. Слѣдовательно если всѣ существа воскресаютъ ради человѣка: то воскресаютъ они и ради плоти.

Какъ же можно вообразить себѣ, чтобы плоть совершенно погибла, ради которой и въ которой ничто не пропадаетъ.

XIII. Если возобновленіе вселенной не въ точности изображаетъ воскресеніе, если твореніе ничего подобнаго не доказываетъ, потому что каждое изъ произведеній его скорѣе оканчивается, нежели умираетъ, скорѣе обращается въ свой видъ, нежели воспріемлетъ жизнь: то вотъ совершенное и неоспоримое свидѣтельство нашей надежды. Дѣло идетъ о существѣ одушевленномъ, одаренномъ жизнію и смертію: я хочу говорить объ особой восточной птицѣ, которая знаменита, потому что нѣтъ ей подобной, которая составляетъ феноменъ въ мірѣ, потому что служитъ сама себѣ потомствомъ, которая, приготовляя охотно свои похороны, возобновляется въ смерти своей, дѣлаясь сама себѣ и наслѣдницей и преемницей при обращеніи въ новаго *феникса*, которая пребываетъ всегда, хотя и перестаетъ жить, остается подобною себѣ, хотя и не та уже птица. Какого хотѣть намъ по сему предмету лучшаго и яснѣйшаго свидѣтельства? Или какой другой смыслъ можетъ имѣть слѣдующее поученіе, самимъ Богомъ изреченное: *обновится, яко же фениксъ*? Что это значитъ? То, что фениксъ воскресаетъ изъ мертвыхъ, и востаетъ отъ гроба, дабы ты вѣровалъ, что сущность тѣла можетъ воззвана быть и изъ самаго пламени. Господь объявилъ намъ: *многихъ птицъ лучше есте вы*. Если мы не лучше феникса: то выгода наша не велика.

XIV. Не уже ли человѣкъ навсегда умретъ, когда Аравійская птица увѣрена въ томъ, что воскреснетъ? Какъ Богъ напечатлѣлъ черты могущества Своего въ притчахъ и въ пророчествахъ Своихъ: то, слѣдуя порядку принятой нами методы, обратимся къ собствен-

нымъ Его приговорамъ и судамъ. Начиная съ достоинства плоти, мы изслѣдовали, свойственно ли ей по истребленіи своемъ вновь обрѣсти спасеніе; потомъ входили въ разсмотрѣніе вопроса, способно ли могущество Божіе сообщать спасеніе твари, уже истребленной. Теперь, если оба эти обстоятельства доказаны: то я попрошу тебя вникнуть вмѣстѣ со мною: существуетъ ли какая либо основательная причина, требующая воскресенія плоти, какъ такой вещи, которая необходима и во всѣхъ отношеніяхъ сообразна съ разумомъ. Можно возразить мнѣ, что сколь бы плоть ни была удобна быть возстановленною, и сколь бы Божество ни было для того могущественно; но прежде всего надлежитъ дѣйствительно имѣть причину къ такому возстановленію. Познай же, какая тому *причина*, ты, поучающійся въ школѣ Бога столько же благаго какъ и правосуднаго: всеблагаго по Своему естеству, и правосуднаго по естеству нашему. Въ самомъ дѣлѣ если бы человѣкъ не согрѣшилъ: то онъ бы отъ Бога не видалъ ничего инаго, кромѣ безконечной Его благости, судя по естеству Его; теперь же испытываетъ онъ Его правосудіе въ слѣдствіе необходимости причины. Но верховная благость Божія проявляется и въ самомъ Его правосудіи. Когда Богъ оказываетъ правосудіе Свое для награды добра и наказанія зла: то суды Его всегда обращаются въ пользу добра, наказываетъ ли Онъ или награждаетъ. Составляетъ ли милосердіе одинъ только аттрибутъ Божій? *Маркіонъ* просвѣтитъ тебя на сей счетъ вполнѣ. Между тѣмъ вотъ каковъ Богъ нашъ: Онъ Судія, потому что Господь; Господь, потому что Создатель; Создатель, потому что Богъ. Какой-то еретикъ сказалъ: Онъ не Судія, потому что не Богъ; Онъ не Господь, потому что не Создатель. Я не знаю, мо-

жно ли быть Богомъ, не будучи Создателемъ (качество, приличествующее Богу), и Господомъ, не будучи Богомъ, (качество, приличествующее Создателю). Если же приличествуетъ Богу, въ званіи Создателя и Господа, призывать человѣка къ престолу правосудія Своего для узнанія, старался ли Онъ или не старался вѣдать и чтить Господа и Создателя своего: то воскресеніе должно всеконечно послужить къ совершенію сего суда. Вся *причина* или лучше сказать необходимость воскресенія основывается на судѣ, котораго производство не имѣетъ ничего такого, что не было бы весьма свойственно Богу. Дѣло въ томъ, должно ли, въ слѣдствіе установленнаго порядка, мщеніе или возмездіе Божіе предсѣдать въ судѣ надъ двумя сущностями, сущностями души и тѣла. Сущность, которая судима будетъ, должна и воскреснуть. Такимъ образомъ мы говоримъ, что надлежитъ вѣрить полному и совершенному суду Божію, какъ послѣднему, и слѣдовательно непреложному; какъ праведному, не могущему быть произнесеннымъ не одинаково надъ обѣими сущностями; какъ достойному величія Божія, то есть, всецѣлому и опредѣлительному по причинѣ Божія долготерпѣнія. Изъ сего слѣдуетъ, что полнота и совершенство суда не могутъ иначе приведены быть въ дѣйствіе, какъ когда человѣкъ представитъ всего себя на судъ. А какъ весь человѣкъ состоитъ изъ двухъ сущностей: то надобно, чтобъ онъ съ обѣими ими явился на судъ весь, потому что не могъ иначе и жить, какъ весь. Какъ онъ жилъ, такъ долженъ быть и судимъ, потому что судимъ будетъ, какъ жилъ. Жизнь есть причина суда: она должна быть разсмотрѣна со стороны столькихъ сущностей, сколько человѣкъ имѣлъ ихъ для продолженія жизни своей.

XV. Пусть противники наши разорвутъ сначала

узелъ, связующій душу и плоть въ отношеніи къ управленію жизни, чтобы потомъ могли они безбоязненно разорвать его и въ отношеніи къ возмездію за жизнь. Пусть отвергнутъ они общность дѣяній, чтобъ имѣть право отвергнуть и общность награды. Пускай плоть не участвуетъ въ приговорѣ суда, если она не участвовала въ причинѣ, его возбудившей: пускай одна душа возвратится, потому что одна и исчезла. Но нѣтъ: на дѣлѣ не такъ бываетъ. Душа не одна исходитъ изъ жизни, подобно какъ не одна проходила и путь, ею оставляемый, то есть, путь здѣшней жизни. Душа до того не живетъ на сей землѣ одна, что мы не отдѣляемъ отъ общности плоти самыхъ мыслей ея, и даже такихъ мыслей, которыя не приведены еще въ дѣйствіе посредствомъ плоти. Дѣйствительно душа во плоти и черезъ плоть исполняетъ то, что происходитъ у насъ на сердцѣ. Самъ Господь, упрекая людей за дурныя мысли, нападаетъ на ту часть плоти, которая составляетъ какъ бы сѣдалище души. *Вскую вы мыслите лукавая въ сердцахъ своихъ* (Мат. IX. 4)? *Всякъ, иже воззритъ ка жену, ко еже вожделѣти ея, уже любодѣйствова съ нею въ сердцѣ своемъ* (тамъ же V. 28). Вотъ до какой степени мысль бываетъ дѣйствіемъ плоти, даже и не будучи приведена въ исполненіе.

Гдѣ бы ты ни полагалъ обиталище управляющей нами способности чувствовать, въ мозгу ли, въ бровяхъ ли, или въ другомъ какомъ мѣстѣ, какъ философамъ угодно, во всякомъ случаѣ плоть будетъ обиталищемъ мыслей души. Доколѣ душа находится во плоти, она никогда не бываетъ безъ плоти. Ничего не дѣлаетъ она иначе, какъ со спутницею своею, безъ которой обойтись не можетъ. Спроси самъ себя, приводятся ли плотію въ дѣйствіе мысли, обнаруживаю-

щіяся единственно черезъ плоть. Задумаетъ ли душа какое намѣреніе, оно отражается на лицѣ. Фигура есть зерцало самыхъ тайныхъ нашихъ помышленій. Могутъ ли противники наши отказать въ общности дѣяній той сущности, которой не могутъ исключить изъ общности мыслей? Сами они громко вопіютъ противъ предательствъ плоти. Стало быть грѣховная плоть должна подвергнуться казни. Мы противоставимъ имъ доблести плоти. Стало быть душа, творящая добро, предназначена къ полученію награды.

Если душа дѣйствуетъ и управляетъ, а плоть повинуется: то нельзя полагать, чтобы Богъ былъ судія неправедный или не разборчивый: неправедный, когда исключаетъ изъ награды ту, которая участвовала въ произведеніи добрыхъ дѣлъ; не разборчивый, когда освобождаетъ отъ казни ту, которая участвовала въ злыхъ дѣлахъ. Въ такомъ случаѣ можно бы было отдать преимущество человѣческому правосудію, которое съ большою точностію изслѣдываетъ орудія зла, не избавляя ихъ отъ казней, и не отказывая имъ въ милостяхъ, ими заслуженныхъ.

XVI. Но приписывая душѣ повелительную власть, а плоти повиновеніе, мы должны остерегаться, чтобы не подать повода противникамъ нашимъ поколебать сіе основное начало другимъ возраженіемъ, то есть, будто плоть состоитъ только въ услуженіи души, но не въ качествѣ сотрудницы, дабы чрезъ таковое сознаніе не счесть ее подругою ея.

«Сотрудники, товарищи, скажутъ они, властны въ «своей волѣ; они пріемлютъ или отвергаютъ со«трудничество и товарищество; словомъ сказать они «сами люди, слѣдовательно раздѣляютъ и заслуги тѣхъ, «которымъ предлагаютъ услуги свои. Но плоть, не «умѣя сама собою ничего разбирать, будучи лишена

«чувства, не имѣя способности ни хотѣть ни не хотѣть, «касательно услугъ, оказываемыхъ ею душѣ, не иное «что есть, какъ сосудъ, орудіе, а не сотрудница. Ста«ло быть душа одна явится на судъ для отдачи от«чета въ томъ, какъ поступала съ сосудомъ плоти. Что «же касается до самаго сосуда: то ему дѣла нѣтъ до «суда. Чаша за то, что наполнена ядомъ, не осуж«дается. Мечь не повергается въ лѣсъ за то, что про«лилъ кровь рукою разбойника.»

И такъ по вашему мнѣнію плоть невинна, потому что злыя дѣла не будутъ ей вмѣнены въ преступленіе. Тогда ничто не воспрепятствуетъ, чтобы невинность ея не сдѣлалась причиною ея спасенія. Я согласенъ, чтобы не были ей приписываемы ни добрыя ни злыя дѣла. Нѣтъ ничего сообразнѣе съ Божіею благостію, какъ избавлять невинныхъ, которыхъ спасать есть обязанность людей, творящихъ добро. Но верховная благость дѣлаетъ еще больше: она даруетъ и спасаетъ безъ обязанности.—Ты говоришь о чашѣ. Оставимъ въ сторонѣ чашу смертоносную. Возмемъ чашу, зараженную дыханіемъ Цибеллина жреца, гладіатора или какого либо палача. Я спрашиваю тебя: не столько ли же будетъ отвратительна для тебя эта чаша, какъ и объятія подобныхъ людей? Собственную даже поданную намъ чашу въ тускломъ и грязномъ видѣ, мы разбиваемъ, и гнѣваемся за то на невольника. Равнымъ образомъ кто не выброситъ разбойничаго меча изъ своего дома, а тѣмъ паче изъ своей комнаты, и особливо изъ подъ изголовья, опасаясь, чтобы сонъ нашъ не былъ нарушенъ привидѣніемъ душъ, вздохами своими насъ преслѣдующихъ? Напротивъ того чаша, на счетъ которой ничего дурнаго сказать нельзя, и которая хорошо приготовлена бываетъ со стороны хозяина, расхвалена или увѣнча-

на гирляндою цвѣтовъ. Также и мечь, благородно окровавленный на сраженіи, стяжавшій славу храбрости, удостоивается чести посвященія, ему принадлежащей. Такимъ образомъ и сосуды и орудія могутъ подвергаться осужденію, и съ другой стороны имѣть участіе въ заслугахъ своихъ владѣтелей.

Мнѣ кажется, что я сдѣлалъ удовлетворительный отвѣтъ по сему предмету, хотя впрочемъ примѣръ, приведенный противниками нашими, не правиленъ по причинѣ разности вещей. Всякой сосудъ, всякое орудіе, берется для употребленія извнѣ, будучи веществомъ, совершенно чуждымъ человѣческой сущности. Но плоть, зачатая, образовавшаяся и родившаяся вмѣстѣ съ душею въ утробѣ матерней, вмѣшивается въ каждое дѣйствіе души безъ исключенія. Правда, что Апостолъ совѣтуетъ каждому *сосудъ свой*, то есть, плоть, *стяжавати во святыни и чести* (1. Солун. IV. 4); но въ другомъ мѣстѣ именуетъ онъ ее внѣшнимъ человѣкомъ, то есть, перстію, которая первая удостоилась званія человѣка, но не званія чаши, меча или какого бы то ни было сосуда. Плоть наименована *сосудомъ*, по причинѣ ея вмѣстимости, потому что содержитъ въ себѣ душу; наименована *человѣкомъ* по причинѣ общности естества, которая дѣлаетъ изъ плоти не только орудіе для сихъ дѣйствій, но и сотрудницу. Стало быть сотрудница можетъ и должна отвѣтствовать на судѣ, хотя и не одарена познаніями, потому что она есть соучастница души мыслящей, а не страдательное ея орудіе. Апостолъ, хотя и вѣдалъ, что плоть сама собою ничего такого не производитъ, чего не было бы приписано душѣ; но тѣмъ не менѣе называетъ ее грѣховною плотію, дабы мы не полагали, что она избавлена отъ суда, дѣйствуя по побужденію души. Так-

же возлагая на плоть похвальныя дѣла, и говоря: *прославите Бога въ тѣлесѣхъ вашихъ* (1. Кор. VI. 20), хотя онъ и увѣренъ былъ, что это собственно дѣла души, но не премнулъ предоставить ихъ и плоти, обѣщавая ей за нихъ награду. Впрочемъ какъ упреки не приличествовали бы плоти, когда бы она не участвовала въ преступленіяхъ, такъ и увѣщанія ни къ чему бы ей не послужили, когда бы она изъята была отъ всякой славы. Упреки и увѣщанія остались бы безполезными для плоти, если бы она не ожидала наградъ, сопутствующихъ воскресенію.

XVII. Мало-просвѣщенный приверженецъ нашего мнѣнія вообразитъ себѣ, можетъ быть, что плоть во всякомъ случаѣ должна предстать на судъ Божій, подъ тѣмъ предлогомъ, что душа, какъ сущность безтѣлесная, не можетъ безъ соучастія плоти чувствовать ни казни, ни прохлады. Такъ мыслитъ народная толпа. Но мы объявляемъ, что душа имѣетъ свою оболочку, и въ особой статьѣ доказываемъ, что она обладаетъ свойственною ей твердою и плотною сущностію, по силѣ которой можетъ все чувствовать и терпѣть. А что души и теперь страждутъ и имѣютъ прохладу въ преисподнихъ мѣстахъ, хотя еще остаются обнаженными и находятся въ разлукѣ съ плотію, примѣръ *Лазаря* ясно то доказываетъ. — Но вотъ самъ я подалъ противнику моему поводъ сказать: «стало быть какъ душа имѣетъ свойственную ей оболочку, то оболочка «эта сама собою можетъ достаточна быть для души «все чувствовать и терпѣть, не имѣя надобности, что-«бы плоть присутствовала съ нею.» Совсѣмъ не то, буду я отвѣчать. Душа имѣетъ надобность въ плоти не потому, чтобъ она неспособна была чувствовать безъ плоти, но потому что должна необходимо чувствовать

вмѣстѣ съ плотію. Она достаточна для самой себя сколько въ томъ отношеніи, чтобы дѣйствовать, столько и въ томъ, чтобы терпѣть. Но въ томъ отношеніи, чтобы дѣйствовать, нѣчто ей недостаетъ. Она сама по себѣ имѣетъ способность только мыслить, хотѣть, желать, соображать. Нужно ли исполненіе? Тутъ она ожидаетъ содѣйствія плоти. Равнымъ образомъ и въ томъ отношеніи, чтобы терпѣть, она требуетъ сообщества плоти, дабы посредствомъ ея терпѣть тѣмъ съ большею полнотою, чѣмъ съ меньшею полнотою могла она дѣйствовать безъ плоти. Вотъ почему всюду, гдѣ она достаточна для самой себя, какъ-то по предмету похотей, мыслей, пожеланій, она должна подвергаться за нихъ и наказанію. Если бы движенія души сами собою составляли полноту заслугъ, такъ что не нужно бы было разсматривать дѣяній: то душа одна достаточна бы была для полноты суда, потому что суждена бы была по тѣмъ только предметамъ, по которымъ была она достаточна для самой себя. Но какъ дѣянія связаны съ заслугами и исполняются плотію: то не довольно уже того, чтобы душа имѣла прохладу, или мучилась безъ плоти, а особливо за дѣла плоти. Душа можетъ имѣть и тѣло и члены; но до того нѣтъ дѣла. Она не имѣетъ ни столько тѣла, ни столько членовъ, чтобы вполнѣ чувствовать, равно какъ чтобы вполнѣ и дѣйствовать. Такимъ образомъ, какое бы преступленіе со стороны ея ни было сдѣлано, она должна терпѣть за него казнь во адѣ, должна первая подвергнуться суду Божію, потому что первая рѣшилась на преступленіе, во ожиданіи однакожъ соединенія съ плотію, дабы посредствомъ плоти, которой ввѣрила она свои мысли, пополнить казнь за дѣянія. Наконецъ Богъ отлагаетъ до послѣднихъ дней судъ Свой для того только, чтобы казнямъ Своимъ доста-

вить удовлетвореніе, требуемое ими именно отъ явленія на судъ плоти (*).

XVIII. До сихъ поръ я полагалъ только основныя начала для утвержденія смысла священнаго Писанія, обѣщавающаго воскресеніе плоти. Какъ истина сія имѣетъ въ подкрѣпленіе свое важныхъ ручателей, а именно: достоинство плоти самой по себѣ, могущество Божіе, примѣры сего могущества, побудительныя причины суда и необходимость его: то надобно толковать и объяснять Писаніе не иначе, какъ руководствуясь сими ручателями, а отнюдь не полагаться на мечтанія еретиковъ, источникъ которыхъ есть одно невѣріе. Они говорятъ: «можно ли въ самомъ дѣлѣ поверить, что сущность, унесенная смертію, можетъ «возстановлена быть; что въ плоти нѣтъ ничего, противнаго сему возстановленію; что самое сіе возстановленіе не невозможно для Бога и не неудобно для «суда Его?» Точно такъ! Этотъ догматъ былъ бы совершенно невѣроятенъ, если бы не былъ возвѣщенъ Богомъ. Но хотя бы онъ и не былъ Богомъ возвѣщенъ: то мы сами собою должны были бы разсудить, что онъ свыше не сообщенъ по причинѣ множества другихъ свидѣтельствъ, достовѣрность его утверждающихъ. А какъ и божественный гласъ объявилъ о немъ: то это служитъ для насъ тѣмъ вящщимъ побужденіемъ понимать его не иначе, какъ указуютъ свидѣтельства, хотя бы и не было божественнаго гласа.

И такъ разсмотримъ, во первыхъ, какою заглавною надписью запечатлѣна надежда наша. Мнѣ кажется, что предъ глазами всѣхъ выставленъ одинъ Божескій

(*) Тутъ сужденія *Тертулліана* не ясны, сбивчивы и едва ли правильны; причиною чему принятое имъ мнѣніе, *яко бы* душа имѣетъ тѣло. *Перев.*

какъ бы приговоръ. Мы читаемъ въ оглавленіи его: *воскресеніе мертвыхъ*, два слова ясныхъ, рѣшительныхъ, безсомнительныхъ. Я разберу ихъ, изслѣдую до корня, чтобъ узнать, къ какой сущности они относятся. Когда мнѣ говорятъ, что воскресеніе ожидаетъ человѣка: то мнѣ необходимо нужно знать, какая его часть назначена пасть смертію. Ничто не должно быть возстановленнымъ, кромѣ того, что падетъ смертію. Не зная, что плоть падетъ смертію, можно не знать и того, не она ли твердо стоитъ жизнію. Природа сама возвѣщаетъ приговоръ Божій: *земля еси, и въ землю пойдеши*. Кто о немъ не слыхалъ, тотъ явно видитъ его. Нѣтъ смерти, которая бы не была разрушеніемъ органовъ. Самъ Господь засвидѣтельствовалъ сей законъ плоти, когда, облекшись въ эту сущность, изрекъ: *разорите церковь сію, и тремя днями воздвигну ю* (Іоан. II. 19). Чрезъ сіе Онъ показываетъ намъ, что именно должно быть разорено, разрушено, ниспровергнуто въ томъ зданіи, которое долженствовало быть вновь сооружено, воздвигнуто. Между тѣмъ Онъ имѣлъ и душу, которая могла *прискорбна быть даже до смерти*, но не могла пасть смертію. Потому-то Писаніе и прибавляетъ: *Онъ же глаголаше о церкви тѣла Своего*. Ничего нѣтъ справедливѣе, какъ что смерть влагаетъ плоть во гробъ для пріятія имени трупа, какъ бы какой вещи павшей и лежащей. Напротивъ того душа не имѣетъ имени, означающаго ея паденіе, потому что дѣйствительно нѣтъ для нея паденія. Да что я говорю? Она сама производитъ разрушеніе тѣла, изшедши изъ него, равно какъ она же и подыметъ его отъ земли, вновь вошедши въ него. Она не можетъ сама низринуться отъ того только, что сокрушила тѣло при изшествіи изъ него. Углубимся еще болѣе въ эту мысль. Когда

плоть впадаетъ въ сонъ: то душа съ нею въ него не впадаетъ, и не участвуетъ въ ея усталости. Она продолжаетъ двигаться и дѣйствовать во время сна. Если бы она была простерта ницъ, то была бы покойна: она была бы простерта ницъ, когда бы пала. Слѣдовательно душа не знаетъ дѣйствительности смерти, потому что не вѣдаетъ даже и образа ея.

Теперь обрати вниманіе на другое слово божественнаго изреченія: *мертвыхъ*. Къ какой сущности оно принадлежитъ? Но здѣсь мы примемъ на минуту мнѣніе ереси, яко бы душа смертна. Если же душа, не смотря на смертность, ей приписываемую, должна воскреснуть: то не слѣдуетъ ли заключить изъ того, что и плоть, не менѣе ея подвергнутая гибели, должна участвовать въ воскресеніи?

Но прежде надобно опредѣлить свойственное сему слову значеніе. Какъ воскресеніе относится къ такой вещи, которая пала: то можно отнести его и къ тому, что уже мертво; ибо воскресеніе мертвыхъ есть не иное что, какъ воскресеніе существа, преставшаго жить. Это даетъ намъ знать *Авраамъ*, отецъ вѣрующихъ, человѣкъ, удостоенный Богомъ Своего собесѣдованія. Когда онъ у сыновъ Хеттеовыхъ просилъ мѣста для погребенія *Сарры*, то сказалъ имъ: *дадите ми стяжаніе гроба между вами, да погребу мертвеца моего отъ мене* (Быт. XXIII. 4), то есть, да погребу плоть. Положимъ даже, что тогда люди вѣрили смертности души, и что слово мертвецъ могло относиться къ сей сущности; но не уже ли *Авраамъ* сталъ бы просить участка земли для погребенія души? Стало быть если мертвецъ есть тѣло: то и воскресеніе мертвыхъ не иное что есть, какъ воскресеніе тѣлъ.

XIX. Кромѣ того, что разсмотрѣніе сего изреченія и содержанія его удерживаетъ настоящее значеніе словъ,

оно принесетъ еще ту выгоду, что спутывая нашихъ противниковъ, затмѣвающихъ яснѣйшія вещи подъ предлогомъ аллегорій и фигуръ, усилитъ авторитетъ того, что бываетъ весьма явно, и сомнительныя вещи прояснитъ вещами извѣстнѣйшими. Поражаясь свойствомъ пророческаго языка, часто, но отнюдь не всегда аллегорическаго и прообразовательнаго, что они дѣлаютъ? Даютъ превратный и мечтательный смыслъ воскресенію мертвыхъ, возвѣщенному пророками весьма ясно, утверждая, что и самую смерть надлежитъ понимать духовнымъ образомъ.

Они говорятъ: «истинная смерть есть не разлука «тѣла и души, происходящая предъ глазами нашими, «но незнаніе Бога, посредствомъ котораго человѣкъ, «умершій Богу, погребается во мракѣ, какъ бы въ ка«кой могилѣ. Воскресеніе, спору не подлежащее, есть «то, которое человѣкъ получаетъ, когда, проникши «во святилище истины, возвратясь къ новой жизни, и «возродясь въ Богѣ, прогоняетъ онъ смерть невѣдѣнія «и сокрушаетъ гробъ ветхаго человѣка. Посему-то Го«сподь нашъ книжниковъ и фарисеевъ уподобляетъ «гробамъ повапленнымъ. Изъ сего слѣдуетъ, что вѣрую«щіе, воскресшіе вѣрою, пребываютъ съ Господомъ на«шимъ, когда облекутся въ Него чрезъ крещеніе.»

Вотъ какими ухищреніями еретики ловятъ обыкновенно многихъ правовѣрныхъ въ своихъ съ ними бесѣдахъ, притворяясь, будто бы и они принимаютъ воскресеніе плоти. «Горе тому, кричатъ они, кто не воскре«снетъ въ сей плоти!» Они боятся вооружить противъ себя слушателей, если бы стали прямо отрицать воскресеніе; но втайнѣ и по совѣсти имъ бы хотѣлось сказать: «горе тому, кто, находясь въ сей плоти, не «вѣдаетъ еретическаго ихъ ученія!» Таково-то воскресеніе ихъ.

«Многіе также изъ нихъ, поддерживая, будто бы, во-«скресеніе по разлученіи души, мечтаютъ, что выйти «изъ гроба, значитъ удалиться отъ вѣка сего, потому «что вѣкъ сей есть жилище мертвыхъ, то есть, людей, «не вѣдающихъ Бога; или же, говорятъ еще они, это «значитъ выйти изъ плоти, потому что плоть есть «истинный гробъ, содержащій душу въ узахъ смерти «свѣтской жизни.»

XX. Для разрушенія толкованій сего рода, я вооружусь прежде всего противъ перваго ихъ начала, по которому хотятъ они, чтобы пророки говорили всегда языкомъ прообразовательнымъ или фигуральнымъ. Хотя бы и такъ было; но все же нельзя было бы различить самыхъ образовъ иначе, какъ чтобъ истины, по которымъ образы составлены, были возвѣщены. Если все фигура: то что будетъ вещь, имѣющая фигуры? Какъ бы показалось тебѣ зеркало, когда бы нигдѣ не существовало лица? Вѣрно и истинно, что у пророковъ не все фигуры, но много есть и дѣйствительнаго, что не все тѣни, но есть и тѣла, и что замѣчательнѣйшія обстоятельства жизни Господа нашего были предсказаны яснѣе свѣтлаго дня. *Дѣва во чревѣ зачатъ*. Тутъ нѣтъ фигуры. *И роди сына Еммануила* (Ис. VII. 14). Тоже смыслъ ясный. Дальнѣйшее предсказаніе: *пріиметъ силу Дамаскову и корысти Самарійскія* (Тамъ же VIII. 4), хотя и имѣетъ смыслъ отвлеченный; но съ другой стороны рѣшительно сказано, что Онъ будетъ судимъ священниками и князьями народа. Дѣйствительно *вскую шаташася языцы*,-это сбылось въ лицѣ *Пилата, и людіе поучишася тщетнымъ* въ лицѣ Израиля. — *Предсташа царіе земстіи* — старшій Иродъ, *и князи собрашася вкупѣ* — Анна и Каіафа — *на Господа и на Христа Его* (Псал. II. 1), который *яко овча на заколеніе ведеся и яко агнецъ предъ*

стригущимъ его безгласенъ — здѣсь легко узнать Ирода младшаго — *тако не отверзаетъ устъ своихъ* (Ис. LIII. 7). Онъ *плещи свои вдаде на раны, и ланитъ свои на заушенія, лица же своего не отврати отъ студа заплеваній* (Тамъ же L. 6). *И со беззаконными вмѣнися* (Тамъ же LIII. 12). *Ископаша руцѣ Его и нозѣ Его. О одежди Его меташа жребій. Даша Ему въ снѣдь желчь, и въ пищу оцетъ* (Псал. XXI. и LXVIII). *Поклонщеся на колѣну предъ Нимъ, ругахуся Ему.* Вѣроломецъ продалъ Его за *тридесять сребреникъ.* — Скажи: идетъ ли тутъ рѣчь *у Исаіи* о фигурахъ, у *Давида* объ образахъ, у *Іереміи* о гаданіяхъ? Когда они повѣствуютъ о сихъ чудесахъ: употребляютъ ли притчи? Ссылаюсь опять на *Исаіино* пророчество. Развѣ *не отверзлись очи слѣпыхъ?* Развѣ *уши глухихъ не услышали?* Развѣ *не скочи хромый яко елень?* Развѣ *языкъ гугнивыхъ не бѣ ясенъ* (Ис. XXXV. 5)?

Правда, что пріемля происшествія сіи въ духовномъ смыслѣ, мы часто приспособляемъ ихъ къ болѣзнямъ души, которую Господь нашъ исцѣлилъ. Но эти самыя дѣянія, исполняясь посредствомъ плоти, доказываютъ, что Пророки хотя и говорили иногда въ двоякомъ смыслѣ, но множество выраженій ихъ имѣетъ значеніе чисто естественное, изъятое отъ всякой аллегоріи. Таковы суть: истребленіе народовъ, паденіе Тира, Вавилона, Идумеи, уничтоженіе Кареагенскаго флота. Таковы также: казни, помилованія, плѣненіе, возстановленіе и конечное разсѣяніе Израиля. Кто можетъ тутъ видѣть паче фигуры, нежели дѣйствительность? Происшествія заключены въ словахъ на тотъ конецъ, чтобы слова могли быть читаемы въ происшествіяхъ. Такимъ образомъ языкъ пророческій не употребляетъ всегда аллегоріи, а только изрѣдка, и то при извѣстныхъ обстоятельствахъ.

XXI. «Ты говоришь: изрѣдка и при извѣстныхъ «обстоятельствахъ. Почему же не объяснить духо- «внымъ образомъ и приговора о воскресеніи плоти?»

Потому, что многія причины тому препятствуютъ. Во первыхъ, что будутъ значить свидѣтельства св. Писанія, столь многочисленныя, столь рѣшительныя, въ которыхъ воскресеніе мертвыхъ возвѣщено съ такою очевидностію, что нельзя допустить и малѣйшаго признака фигуры? Справедливость впрочемъ требуетъ, чтобы достовѣрныя и явныя вещи утверждали вѣру въ вещи темныя и сомнительныя, дабы при борьбѣ очевидности и недоумѣнія, при борьбѣ свѣта и тѣней, вѣра не угасла, истина не подверглась опасности, и самое Божество не было обвинено въ измѣнчивости. Во вторыхъ невѣроятно, чтобъ это таинство, на которомъ основаны наша вѣра и поведеніе, было возвѣщено въ двусмысленныхъ изреченіяхъ и подъ завѣсами мрака; ибо если бы надежда воскресенія не была ясно представлена со стороны какъ казней такъ и блаженствъ: то она не могла бы никого побудить принять религію, а особливо нашу, всѣми презираемую и обвиняемую въ ненависти ко всему свѣту. Извѣстное какое либо твореніе не отдается за неизвѣстную плату. Настоящаго страха не бываетъ по причинѣ сомнительной опасности Но какъ эта плата, такъ и эта опасность, все виситъ на увѣренности въ воскресеніи. Какъ же? Если пророчество изъясняетъ въ точныхъ выраженіяхъ противъ городовъ, народовъ и государей, суды Божіи, которые были только личные, временные и мѣстные: то не уже ли можно себѣ вообразить, чтобы опредѣленія вѣчныя, во всей полнотѣ касающіяся до рода человѣческаго, были утаены и сокрыты отъ вѣдѣнія его? Нѣтъ! чѣмъ они чудеснѣе, тѣмъ болѣе должны быть ясны, дабы люди вящше

вѣрили ихъ величію. Впрочемъ Богу нельзя приписывать зависти, коварства, измѣнчивости, обмановъ, которыми большею частію наполнены прокламаціи земныхъ владыкъ.

XXII. Нельзя не соображаться съ св. Писаніемъ, которое не позволяетъ намъ мыслить съ сими душевными (а не духовными) людьми, что воскресеніе есть не иное что, какъ познаніе здѣсь на землѣ истины, или что оно совершается тотчасъ по смерти. Какъ время нашего блаженства Писаніемъ предназначено, хотя и нельзя его опредѣлить прежде втораго пришествія Христова: то мы въ правѣ желать окончанія вѣка сего и скорѣйшаго наступленія дня Господня, дня гнѣва и мщенія, дня изъ дней послѣдняго, отъ всѣхъ сокрытаго и одному (Богу) Отцу извѣстнаго, не смотря на то, что онъ будетъ сопровождаться предварительно знаменіями, чудесами, смѣшеніемъ стихій, борьбою народовъ. Я самъ осмѣлился бы объяснить пророчества, если бы Господь Богъ соблюлъ молчаніе; но они Самимъ Имъ оглашены, и для насъ гораздо лучше, что подтверждены они собственными Его устами. Будучи спрошенъ учениками Своими, когда послѣдуетъ объявленное имъ отъ Него разрушеніе храма, Онъ описываетъ имъ съ начала происшествія, относящіяся къ Іудеямъ до раззоренія Іерусалима, а потомъ происшествія, касающіяся всѣхъ вообще народовъ до окончанія вѣковъ. Дѣйствительно сказавши: *и Іерусалимъ будетъ попираемъ языки, дондеже скончаются времена языкъ* (Лук. XXI. 24 и слѣд.), то есть, тѣхъ языкъ или народовъ, которыхъ Богъ приметъ и соберетъ съ остатками Израиля, Онъ согласно съ *Іоилемъ*, *Даніиломъ* и всѣми прочими пророками, возвѣщаетъ, относительно всеобщности людей и настоящаго вѣка, что *будутъ знаменія въ солнцѣ и лунѣ и звѣздахъ*;

и на земли туга языкомъ отъ нечаянія, шума морскаго и возмущенія, издыхающымъ человѣкомъ отъ страха и чаянія грядущихъ на вселенную; силы бо небесныя подвигнутся. И тогда узрятъ Сына человѣческа, грядуща на облацѣхъ съ силою и славою многою. Начинающымъ же симъ бывати, восклонитеся и воздвигните главы ваша; зане приближается избавленіе ваше. Онъ однакожъ сказалъ, что избавленіе наше приближается, но еще не наступило, сказалъ, что все это начнется или началось, но еще не совершилось; стало быть, когда все совершится, тогда и наступитъ избавленіе наше, которое покуда только близко къ намъ: надежда сія подкрѣпляетъ наше мужество во ожиданіи скорыхъ отъ нея плодовъ. Для сего-то Господь присовокупляетъ притчу о смоковницѣ и древахъ: *егда прошибаются уже, видяще сами вѣсте, яко близъ жатва есть: тако и вы, егда узрите сія бывающя, вѣдите, яко близъ есть царствіе Божіе. Бдите убо на всяко время молящеся, да сподобитеся убѣжати всѣхъ сихъ хотящихъ быти, и стати предъ Сыномъ человѣческимъ,* то есть, стати посредствомъ воскресенія по исполненіи всего того. Такимъ образомъ воскресеніе, если угодно, созрѣваетъ чрезъ познаніе истины, но плодъ свой и жатву свою дастъ только въ тотъ день, когда родъ человѣческій предстанетъ Господу на судъ. Но кто же столь завременно и столь живо возбудилъ Господа нашего, доселѣ сидящаго одесную Бога, сокрушитъ, какъ говоритъ *Исаія,* землю, пребывающую по видимому въ цѣлости? Кто, повергши уже враговъ подножію ногъ Христовыхъ, по словамъ *Давида,* столько бываетъ скоръ на помощь, какъ Отецъ (небесный), когда со всѣхъ сторонъ люди кричатъ: «Христіанъ львамъ на растерзаніе!» Кто видѣлъ Искупителя, въ томъ видѣ, въ какомъ Апостолы зрѣли Его, вознесша-

тося на небеса, снисходящимъ оттуда, какъ-то прорекли Ангелы, явившіеся по Его вознесеніи? Никакое еще племя *не восплакалось плаканіемъ о томъ, Его же прободоша, и не поболѣло о Немъ болѣзнію* (Захар. XII. 10). Никто еще не видалъ *Нія*, никто не бѣгалъ отъ Антихриста, никто не рыдалъ о разрушеніи Вавилона. Кто же теперь воскресшій, какъ не еретикъ? Онъ точно возсталъ какъ бы изъ гроба тѣла своего, но еще подверженъ горячкѣ и язвамъ; еще долженъ бороться съ властями міра, хотя и думаетъ, что попралъ враговъ ногами; увѣнчанъ будто бы уже на небесахъ, но обязанъ еще воздавать кесарю кесарева.

XXIII. Апостолъ въ посланіи своемъ къ Колоссаемъ поучаетъ насъ, что мы прежде были мертвы Богу, *суще иногда отчуждени и врази* (Его) *помышленіи въ дѣлѣхъ лукавыхъ;* нынѣ же вы, прибавляетъ онъ, *спогребостеся Ему крещеніемъ: о Немъ же и совоскресте вѣрою дѣйствія Бога воскресившаго Его изъ мертвыхъ: и васъ мертвыхъ сущихъ въ прегрѣшеніихъ и въ необрѣзаніи плоти вашея, сооживилъ есть съ Нимъ, даровавъ намъ вся прегрѣшенія.* Также и въ другомъ мѣстѣ: *Аще убо умросте со Христомъ отъ стихій міра, почто аки живуще въ мірѣ стязаетеся?* Апостолъ въ каждомъ изъ сихъ текстовъ считаетъ насъ какъ бы умершими духовно, но вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ, что мы умремъ нѣкогда и тѣлесно. Равнымъ образомъ, не отвергая духовнаго нашего воскресенія, онъ не отвергаетъ и тѣлеснаго воскресенія нашего. *Аще убо*, говоритъ онъ, *воскресусте со Христомъ, вышнихъ ищите, идѣже есть Христосъ одесную Бога сѣдя: горняя мудрствуйте, а не земная.* Чрезъ сіе показано намъ, что собственно разумѣть должно подъ словами воскресенія духа, который одинъ способенъ возвышать-

ся къ небеснымъ вещамъ. Если бы мы обладали сими вещами здѣсь уже на землѣ: то были ли бы онѣ предметомъ нашихъ изысканій и желаній? *Умросте бо*, продолжаетъ онъ, умросте разумѣется грѣху, но не тѣломъ вашимъ, *и животъ вашъ сокровенъ есть со Христомъ въ Бозѣ* (Колос. I. 21, II. 12. 13. 20, III. 1–4). Стало быть не во власти нашей наслаждаться жизнію, которая еще сокровенна.

Тоже самое говоритъ и *Іоаннъ* Богословъ: *доныне не у явися, что будемъ; вѣмы же, яко, егда явится, подобни Ему будемъ; ибо узримъ Его, якоже есть* (1. Іоан. III. 2). Толико-то мы далеки быть тѣмъ, чего не вѣдаемъ, и что вѣрно бы вѣдали, если бы тѣмъ были. Новое доказательство, что здѣсь рѣчь идетъ о созерцаніи вѣры въ настоящемъ вѣкѣ, а не о совершившемся уже блаженствѣ; объ ожиданіи, а не объ обладаніи. О семъ ожиданіи и о сей надеждѣ, *Павелъ* напоминаетъ Галатамъ сими словами: *мы духомъ вѣры, упованія правды ждемъ* (Гал. V. 5). Онъ не сказалъ: мы обладаемъ правдою. Подъ словомъ правда онъ разумѣетъ ту правду, которую Богъ воздастъ намъ при послѣднемъ судѣ, которая назначитъ намъ подобающую награду, и которой Апостолъ самъ для себя ожидалъ, какъ-то пишетъ онъ къ Филиписеямъ: *Аще имамъ сущую отъ Бога правду въ вѣрѣ, аще како достигну въ воскресеніе мертвыхъ, не заиже уже достигохъ или уже совершихся.* Да и дѣйствительно этотъ избранный сосудъ, этотъ учитель языковъ, имѣлъ великую вѣру, вѣдалъ всѣ тайны святаго ученія; и за всѣмъ тѣмъ присовокупляетъ: *гоню же аще и постигну, о немъ же и постиженъ быхъ отъ Христа Іисуса.* Онъ говоритъ далѣе: *Азъ себе не у помышляю достигша; едино же, задняя убо забывая, въ предняя же простираяся, со усердіемъ гоню къ по-*

чести вышняго званія Божія о Христѣ Іисусѣ (Филип. III. 10—15), то есть, къ воскресенію мертвыхъ, но въ свое время, какъ-то засвидѣтельствовано и въ посланіи къ Галатамъ: *доброе творяще да не стужаемъ си; во время бо свое пожнемъ не ослабѣюще* (Гал. VI. 9). То же самое онъ пишетъ и къ *Тимоѳею* касательно *Онисіфора: Да дастъ ему Господь обрѣсти милость отъ Господа въ день онъ* (2 Тим. I. 18). О семъ-то дни, о семъ времени, говоритъ онъ ему же *Тимоѳею: завѣщаваю ти соблюсти заповѣдь нескверну и незазорну, даже до явленія Господа нашего Іисуса Христа, яже во своя времена явитъ блаженный и единъ сильный, царь царствующихъ и Господь господствующихъ* (I. Тим. VI. 14. и 15). Онъ тутъ описывалъ величіе Божіе. О томъ же самомъ дни и Апостолъ *Петръ* возвѣщалъ въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ: *покайтеся убо и обратитеся, да очиститеся отъ грѣхъ вашихъ, яко да пріидутъ времена прохладна отъ лица Господня, и пошлетъ пронареченнаго вамъ Христа Іисуса, его же подобаетъ небеси убо пріяти даже до лѣтъ устроенія всѣхъ, яже глагола Богъ усты всѣхъ святыхъ своихъ пророкъ отъ вѣка* (Дѣян. Ап. III. 19—21).

XXIV. Каковы эти времена, о томъ упоминается и въ посланіяхъ къ Солунянамъ. Мы читаемъ тамъ: промчался всюду слухъ, *како обратистеся къ Богу отъ идолъ работати Богу живу и истинну, и ждати Сына Его съ небесъ, его же воскреси изъ мертвыхъ, Іисуса.* И потомъ Апостолъ говоритъ: *кто намъ упованіе или радость или вѣнецъ похваленія? Не и вы ли предъ Господемъ нашимъ Іисусъ Христомъ во пришествіи Его?* Онъ продолжаетъ: *во еже утвердити сердца ваша непорочна въ святыни предъ Богомъ и Отцемъ нашимъ, въ пришествіе Господа нашего Іисуса*

Христа со всѣми Святыми Его. Далѣе Апостолъ, поучая насъ не скорбѣть о умершихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ излагаетъ, какой будетъ день воскресенія. *Аще вѣруемъ, яко Іисусъ умре и воскресе, тако и Богъ умершыя во Іисусѣ Христѣ приведетъ съ Нимъ. Сіе бо вамъ глаголемъ словомъ Господнимъ, яко мы живущіи оставшіи въ пришествіе Господне, не имамы предварити умершихъ: яко самъ Господь въ повелѣніи, во гласѣ Архангеловѣ, и въ трубѣ Божіи, снидетъ съ небесе, и мертвіи о Христѣ воскреснутъ первѣе; потомъ же мы живущіи оставшіи, купно съ ними восхищени будемъ на облацѣхъ въ срѣтеніе Господне на воздусѣ, и тако всегда съ Господемъ будемъ.* Какой гласъ Архангеловъ, какая труба Господня, уже возгремѣли? Развѣ можетъ быть не возгремѣли ли они при дерзкихъ совѣщаніяхъ еретиковъ? Конечно Евангельское слово, призывающее ихъ и нынѣ, можетъ названо быть трубою Господнею. Но или они, чтобы воскреснуть, помрутъ уже тѣломъ своимъ; и тогда какъ имъ быть живущими? или же восхищены будутъ на облакахъ; и тогда какъ имъ остаться на землѣ? Они тѣмъ болѣе будутъ несчастны, что, по слову Апостола, надѣятся только на настоящую жизнь, отвергая воскресеніе, обѣщанное намъ Самимъ Богомъ: они отвратились отъ истины подобно *Фигелу* и *Гермогену*.

Посему-то Духъ Святый, предвидя подобныя толкованія, внушилъ Апостолу произнесть въ слѣдъ за тѣмъ слѣдующія слова: *а о лѣтѣхъ и о временѣхъ, братіе, не требѣ есть вамъ писати; сами бо вы извѣстно вѣсте, яко день Господень якоже тать въ нощи, тако пріидетъ; егда бо рекутъ миръ и утвержденіе, тогда внезапу нападетъ на нихъ всегубительство* (1. Солун. I. 9, II. 19, III. 13, IV. 14—17, V. I—3).

Во второмъ посланіи къ Солунянамъ Апостолъ еще

болѣе на это настаиваетъ. *Молимъ вы братіе, о пришествіи Господа нашего Іисуса Христа и нашемъ собраніи о Немъ, не скоро подвизатися вамъ отъ ума, ни ужасатися, ниже духомъ, ниже словомъ, ни посланіемъ аки отъ насъ посланнымъ, яко уже настоитъ день Христовъ. Да никто же васъ прельститъ ни по единому же образу, яко аще не пріидетъ отступленіе, прежде, и открыется человѣкъ беззаконія, сынъ погибели* (Антихристъ), *Противникъ и превозносяйся паче всякаго глаголемаго Бога, или чтилища, яко же ему сѣсти въ церкви Божіей аки Богу, показующу себе, яко Богъ есть. Не помните ли, яко еще живый у васъ, сія глаголахъ вамъ? И нынѣ удержавающее вѣсте, во еже явитися ему въ свое ему время. Тайна бо уже дѣется беззаконія, точію держай нынѣ, дондеже отъ среды будетъ.* Какое же это удержаніе или препятствіе, какъ не Римская имперія, раздѣлъ которой между десятью царями уготовитъ царство Антихристово. *Тогда явится беззаконникъ, его же Господь Іисусъ убіетъ духомъ устъ Своихъ и упразднитъ явленіемъ пришествія Своего, его же есть пришествіе по дѣйству сатанину во всякой силѣ и знаменіихъ и чудесѣхъ ложныхъ и во всякой лести неправды въ погибающихъ* (2. Солун. II. 1—10).

XXV. *Іоанновъ* Апокалипсисъ также представляетъ намъ предѣлъ сихъ временъ, котораго ожидаютъ *подъ алтаремъ Божіимъ души избіенныя*, умоляющія Господа поспѣшить судомъ Своимъ и отмстить кровь ихъ. Но прежде надобно, чтобы міръ испилъ изъ чаши Ангеловъ всѣ язвы свои, чтобы великая любодѣица пріяла отъ десяти царей достойную казнь за свои преступленія, и чтобы звѣрь или Антихристъ съ ложнымъ своимъ пророкомъ вооружился противъ церкви Божіей, дабы, по заключеніи въ бездну сатаны, совершилось первое воскресеніе, а потомъ уже на прахѣ стихій открылась книга судебъ для всеобщаго

воскресенія. А какъ происшествія послѣднихъ временъ обозначены въ священномъ Писаніи, которое относитъ къ концу вѣковъ полную жатву Христіанской надежды: то изъ сего очевидно явствуетъ одно изъ двухъ: или что мы только въ это время узримъ исполненіе всего, обѣщаннаго Господомъ, и тогда воскресеніе еретиковъ въ настоящей жизни содѣлается безполезнымъ; или, если познаніе таинства или истины есть воскресеніе, то оно нисколько не повредитъ тому воскресенію, которое отложено до конца временъ. Мало того, духовное воскресеніе отъ того самаго какъ бы обращается въ пользу воскресенія тѣлеснаго. Дѣйствительно, если бы никакое воскресеніе не было предсказано въ концѣ временъ: то можно бы было по справедливости признать одно только воскресеніе духовное. Но какъ воскресеніе предвозвѣщено къ концу временъ: то иначе нельзя его почитать, какъ воскресеніемъ тѣлеснымъ, потому что духовнаго воскресенія къ сему времени не объявлено. Да и за чѣмъ возвѣщать двукратно объ однокачественномъ воскресеніи, то есть, о духовномъ, тогда какъ ему прилично бы было совершиться или въ семъ мірѣ безъ всякаго отлагательства, или при исполненіи конца вѣковъ? Слѣдовательно самимъ намъ надлежало бы обстаивать духовное воскресеніе, какъ происходящее первоначально отъ вѣры,—намъ ожидающимъ къ концу вѣковъ полноты сего воскресенія.

XXVI. На предъидущее возраженіе, что св. Писаніе есть аллегорическое, мнѣ остается отвѣчать только то, что прообразовательный или если угодно — фигуральный языкъ пророковъ самъ служитъ намъ свидѣтельствомъ воскресенія тѣлъ. Дѣйствительно божественный оракулъ, произнеся при началѣ вещей, что человѣкъ есть земля: *земля еси и въ землю пой-*

деши, по силѣ той сущности, которая, будучи заимствована изъ земли, первая получила имя человѣка, какъ-то мы выше доказали, сей оракулъ даетъ мнѣ право примѣнить къ плоти всѣ качества земли, проистекающія отъ гнѣва или отъ милости Его, потому что земля, не сотворившая ни добра ни зла, не подвержена суду Божію. Она, правда, проклята, но потому, что пресытилась кровію; да и это есть символъ человѣкоубійственной плоти. Радуется ли земля или страждетъ, она радуется и страждетъ для человѣка, дабы онъ былъ наказываемъ или награждаемъ за различные поступки въ своемъ обиталищѣ: это должно служить еще большею причиною, чтобъ онъ размышлялъ обо всемъ томъ, чему земля подвергается въ отношеніи къ нему. Такимъ образомъ, когда Богъ угрожаетъ землѣ казнію или обѣщаетъ ей какую милость, то я самъ себѣ говорю: эти угрозы, эти милости Богъ обращаетъ къ плоти. Когда Богъ устами *Давида* восклицаетъ: *Господь воцарися, да радуется земля:* то я въ сей землѣ вижу плоть Святыхъ Его, которымъ принадлежатъ плоды царствія Божія. *Видѣ и подвижеся земля*, продолжаетъ пророкъ. *Горы яко воскъ растаяша отъ лица Господня* (Псал. XCVI. 1, 4, 5), то есть, растаяла плоть нечестивыхъ, потому что написано: *воззрятъ нань, Его же прободоша* (Зах. XII. 10).

Хочешь ли ты, чтобы слова сіи относились къ землѣ, какъ къ простой стихіи? Но тогда какимъ образомъ земля, которой повелѣно радоваться при воцареніи Господа, можетъ подвигнуться и растаять отъ лица Господня? Равнымъ образомъ и эти *Исаіины* слова: *благая земли снѣсте* (I. 19), надлежитъ понимать въ томъ смыслѣ, что это суть блага, предоставленныя въ царствіи небесномъ плоти, но плоти, преобра-

зившейся уже въ подобіе Ангеловъ, и наслаждающейся тѣми благами, *ихъ же око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша* (1. Кор. II. 9). А иначе Богъ сдѣлалъ бы человѣку только тщетное увѣщаніе, приглашая его къ повиновенію обѣщаніемъ земныхъ благъ и яствъ для жизни, которыми снабжаетъ и невѣрныхъ и хулителей Своихъ, единственно по причинѣ носимаго ими имени человѣка, *яко солнце свое сіяетъ на злыя и благія, и дождитъ на праведныя и на неправедныя* (Мат. V. 45). Не уже ли вѣра была бы блаженна, когда бы имѣла только ту награду, которою враги Бога и Христа Его, не только пользуются, но и во зло ее употребляютъ, боготворя тварь вмѣсто Создателя? Не уже ли ты негодныя травы сочтешь за блага земныя, тогда какъ Господь сказалъ: *не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ?*

Подобнымъ образомъ Іудеи, надѣясь на одни блага міра сего, лишаются благъ небесныхъ: они не знаютъ, что значитъ обѣтованіе небеснаго брашна, не вѣдаютъ ни елея Божественнаго помазанія, ни вина духовнаго, ни воды, текущей отъ Іисуса-Христа, нашего таинственнаго винограда, укрѣпляющаго душу нашу. Они хотятъ также, чтобы земля означала единственно область, почву Іудейскую, между тѣмъ какъ надлежитъ подъ именемъ ея понимать плоть Господа нашего, которая во всѣхъ людяхъ, облекшихся во Христа, составляетъ святую землю, истинно святую по присутствію Духа Святаго, землю, текущую истиннымъ млекомъ и медомъ по сладости надеждъ ея, землю какъ бы истинную Іудею по близкимъ ея сообщеніямъ съ Богомъ. Но не тотъ Іудей, кто по наружности считается имъ, а тотъ, кто внутренно есть Іудей; *не бо иже явѣ Іудей есть, но иже въ тайнѣ Іудей.* (Римл. II. 28); и когда бы такъ было: то

земля сія содѣлалась бы святилищемъ Божіимъ и истиннымъ Іерусалимомъ, согласно съ изреченіемъ *Исаіи* пророка: *востани, востани, Сіоне, облецыся въ крѣпость твою, и ты, Іерусалиме, истряси прахъ и востани* (Ис. LII. 1 и 2), то есть, облекись паки въ прежнюю непорочность. Можетъ ли же таковое приглашеніе или увѣщаніе въ чемъ либо приличествовать тому Іерусалиму, который *избилъ пророковъ и каменіемъ побилъ посланныхъ къ нему* (Мат. XXIII. 37), и Самаго Господа распялъ на крестѣ?

Впрочемъ нѣтъ земли, которой бы обѣщано было спасеніе, потому что она осуждена на то, чтобы *прейти съ образомъ міра сего*. Если же кто осмѣлится утверждать, что подъ именемъ святой земли надобно разумѣть рай, который можно назвать землею праотцевъ нашихъ *Адама и Евы*: то само собою воспослѣдуетъ, что возвращеніе въ рай обѣщано собственно плоти, предназначенной къ тому, чтобы въ немъ обитать и его хранить, дабы человѣкъ вступилъ въ него такимъ, какимъ былъ изгнанъ изъ него.

XXVII. Одежды въ св. Писаніи, по символическому изъясненію, означаютъ также надежду плоти. Въ Апокалипсисѣ сказано: *сіи суть, иже не осквернишася съ женами*, то есть, не осквернили съ ними ризъ своихъ; подъ именемъ же дѣвственниковъ разумѣются тѣ, которые содѣлались *скопцами царствія ради небеснаго;* а потому и предстанутъ они *въ бѣлыхъ ризахъ*, то есть, во свѣтѣ дѣвственной плоти. Святость видна равномѣрно и въ брачномъ Евангельскомъ одѣяніи (Мат. XXII. 12). *Исаія*, поучивши, какой постъ предпочитаетъ Господь, присовокупляетъ потомъ относительно награды за добрыя дѣла: *тогда разверзется рано свѣтъ твой, и исцѣленія* (облаченія) *твоя скоро возсіяютъ* (Ис. LVIII. 8). Говорится ли тутъ о шелко-

вой туникѣ или мантіи? Пророкъ, желая обозначить плоть, изъясняетъ возрожденіе той плоти, которая чрезъ воскресеніе востанетъ изъ гроба, куда низвергла ее смерть. Только-то справедливо, что и самая Аллегорія вспомоществуетъ намъ къ защитѣ тѣлеснаго воскресенія. Да и въ самомъ дѣлѣ, когда мы читаемъ: *идите, людіе мои, внидите въ храмину вашу, затворите двери своя, укрыйтеся мало елико елико, дондеже мимо идетъ гнѣвъ Господень* (Ис. XXVI. 20): то храмины эти вѣроятно будутъ гробы, гдѣ упокоятся на время тѣ, которые подъ конецъ вѣка и въ послѣдніе дни гнѣва лишатся жизни отъ Антихриста.

Но почему употребилъ Богъ слово *храмина* лучше, нежели всякое охранное мѣсто, какъ не потому, что въ храминѣ хранятся соленыя мяса, заблаговременно туда внесенныя для домашнихъ надобностей, чтобы вынуть ихъ оттуда въ свое время? Подобно сему бальзамированныя тѣла кладутся какъ бы для храненія въ мавзолеи и въ гробницы съ монументами, дабы выйти оттуда, когда Господь повелитъ. Этотъ текстъ другаго смысла не имѣетъ; ибо гдѣ такія храмины, которыя могли бы предохранить насъ отъ гнѣва Божія? Самыя эти слова: *дондеже мимо идетъ гнѣвъ Господень*, имѣющій уничтожить Антихриста, доказываютъ, что плоть, положенная во гробъ прежде гнѣва Божія, выйдетъ оттуда тогда, какъ гнѣвъ утишится. Изъ храмины вынимается только то, что туда положено. По низложеніи Антихриста начнется воскресеніе.

XXVIII. Пророчество, какъ намъ извѣстно, имѣетъ два языка: слово и происшествія. Таково же и воскресеніе: его предсказываютъ и рѣчь и дѣйствіе. *Моисей*, вложивъ руку въ нѣдро свое и изъявши прокаженною, и потомъ вложивъ опять туда руку и изъявши здоровою, не служитъ ли пророчествомъ, кото-

рое отнести можно къ цѣлому человѣку? Три знаменія, явленныя намъ Пророками, представляютъ въ своемъ порядкѣ три дѣйствія могущества Божія. Сперва оно приведетъ въ рабство человѣку древняго змія, какъ онъ ни страшенъ; потомъ исторгнетъ плоть изъ челюстей смерти; наконецъ отмститъ по суду за всю пролитую кровь. Потому-то мы и читаемъ у того же Пророка: *крови вашей, душъ вашихъ*, говоритъ Господь, *отъ руки всякаго звѣря изыщу ея, и отъ руки человѣка брата изыщу ея* (Быт. IX. 5). Никто не ищетъ того, чего обратно не требуетъ; всякой обратно требуетъ только то, что должно быть возвращено; то будетъ возвращено, чего кто ищетъ и требуетъ для мщенія. Но какъ отмстить то, что никогда не существовало? Оно должно существовать, потому что возстановлено только для мщенія. Стало быть все, что сказано о крови, относится къ плоти, безъ которой не было бы и крови. Богъ воскреситъ плоть для того, чтобы кровь была отмщена.

Есть однакожъ и такія пророческія изреченія, которыя, будучи изъяты отъ всякой аллегоріи, требуютъ столь же простаго истолкованія, какъ и сами они. Таково изреченіе: *Господь мертвитъ и живитъ* (1. Царст. II. 6). И дѣйствительно Богъ мертвитъ и живитъ: мертвитъ смертію, живитъ воскресеніемъ. Плоть умерщвляется смертію, плоть оживится воскресеніемъ. Если умертвить значитъ разлучить душу съ плотію: то оживить значитъ возвратить плоти эту душу. Стало быть необходимость требуетъ, чтобы плоть воскресла. Смерть лишила ее души: новая жизнь возвратитъ ей душу.

XXIX. Если аллегоріи св. Писанія, если свидѣтельство происшествій, если символическія знаменія, про-

ливаютъ яркій свѣтъ на счетъ воскресенія плоти, не произнося даже и имени его: то тѣмъ паче къ подкрѣпленію сей истины надлежитъ привести здѣсь такіе священные тексты, которые по особому знаменованію примѣняютъ нашу надежду къ тѣлеснымъ сущностямъ. Послушайте *Іезекіиля* Пророка:

И бысть на мнѣ рука Господня, и изведе мя въ Дусѣ Господни, и постави мя средѣ поля, се же бяше полно костей человѣческихъ, и обведе мя окрестъ ихъ около, и се многи зѣло на лицы поля, и се сухи зѣло. И рече ко мнѣ: сыне человѣчь, оживутъ ли кости сія. И рекохъ: Господи Боже, Ты вѣси сія. И рече ко мнѣ: сыне человѣчь, прорцы на кости сія, и речеши имъ: кости сухія, слышите слово Господне; се, глаголетъ Адонаи Господь костемъ симъ: се Азъ введу въ васъ духъ животенъ, и дамъ на васъ жилы, и возведу на васъ плоть, и простру по вамъ кожу, и дамъ Духъ мой въ васъ, и оживете, и увѣсте, яко Азъ есмь Господь. И прорекохъ, яко же заповѣда ми Господь, и бысть гласъ внегда ми пророчествовати, и се трусъ, и совокупляхуся кости, кость къ кости каяждо къ составу своему. И видѣхъ, и се быша имъ жилы, и плоть растяше, и восхождаше (и протяжеся) имъ кожа верху; духа же не бяше въ нихъ. И рече ко мнѣ: прорцы о дусѣ, прорцы сыне человѣчь, и рцы духови: сія глаголетъ Адонаи Господь: отъ четырехъ вѣтровъ пріиди душе, и вдуни на мертвыя сія, и да оживутъ. И прорекохъ, якоже повелѣ ми, и вниде въ ня духъ жизни, и ожиша, и сташа на ногахъ своихъ, соборъ многъ зѣло. И рече Господь ко мнѣ, глаголя: сыне человѣчь, сія кости весь домъ Израилевъ есть, тіи бо глаголютъ, сухи быша кости наша, погибе надежда наша, убіени быхомъ. Того ради прорцы (сыне человѣчь), и рцы къ нимъ: сія глаголетъ Адонаи Господь: се Азъ отверзу гробы ваша, и изведу васъ отъ гробъ вашихъ, людіе мои, и введу вы въ землю Израилеву; и увѣсте, яко Азъ есмь Господь, внегда отверзсти Ми гробы ваша, еже возвести Ми васъ отъ гробовъ вашихъ, людіе Мои, и дамъ

духъ Мой въ васъ, и живи будете; и поставлю вы на земли вашей, и увѣсте, яко Азъ Господь: глаголахъ, и сотворю, глаголетъ Адонаи Господь (Іезек. XXXVII. I—14).

XXX. Мнѣ не безъизвѣстно, что многіе стараются пророчество сіе исказить, дабы дать ему аллегорическій смыслъ. Хотятъ, чтобы слова Господни: *сія кости весь домъ Израилевъ*, прообразовали только народъ Его, и чтобы сухія кости не имѣли собственнаго сами по себѣ значенія; а потому и полагаютъ, что это есть только образъ, а не истинное предсказаніе о воскресеніи.

«Іудейская нація, говорятъ, приведена въ уничи-«женіе, сдѣлалась нѣкоторымъ образомъ мертвою и «сухою, и разсѣяна по лицу вселенной. Она предста-«влена подъ эмблемою сего воскресенія, потому что «должна *совокупиться кость къ кости*, то есть, племя «къ племени, народъ къ народу, и собраться въ одинъ «составъ націи. Плоть, на ней растущая, жилы, ей «данныя, суть ея богатство: гробы, изъ которыхъ она «изведена, не иное что, какъ печальныя убѣжища, «гдѣ стенала она во время своего плѣненія. Когда она «такимъ образомъ освободится: то будетъ наслаждать-«ся прохладою и покоемъ навсегда въ Іудеѣ, отчизнѣ «своей.»

Что же послѣ сего сдѣлаются Іудеи? Вѣроятно помрутъ; а когда помрутъ: то все же не будетъ другаго воскресенія, кромѣ того, которое открыто Пророку. Притомъ же не одно это доказываетъ его. Стало быть воскресеніе сіе есть истинное, и нельзя безъ дерзости примѣнять его къ положенію Іудеевъ. Если защищаемое нами воскресеніе и отлично: то какая до того нужда, лишь бы только существовало всеобщее воскресеніе тѣлъ, подобно тому, какое имѣли Іудеи. Наконецъ возстановленіе Іудеевъ, прообразуемое костя-

ми, воспріемлющими тѣло и оживающими, служитъ свидѣтельствомъ того, чему должны подвергнуться и самыя кости. Кости не могли бы быть символомъ, если бы самый символъ сей не долженъ былъ въ нихъ осуществиться. Если образъ сходенъ съ истиною: то и истина тоже, что образъ. Надобно, чтобы вещь существовала сама для себя прежде, нежели послужитъ образомъ для другой вещи.

Подобіе не основывается на пустотѣ и притча на ничтожествѣ. Стало быть, надобно вѣрить, что кости оживутъ и одушевятся, какъ сказано, дабы это происшествіе могло даже примѣнено быть въ точности къ возстановленію однихъ Іудеевъ, какъ иные полагаютъ.

Но гораздо сообразнѣе съ Религіею объяснять истину посредствомъ простаго толкованія, какого требуетъ смыслъ сей божественной картины. Если бы видѣніе относилось единственно къ состоянію Іудеевъ: то очамъ Пророка не было бы представлено поле смерти прежде, нежели сказано ему было: *сія кости весь домъ Израилевъ есть*, и прочее, что за тѣмъ слѣдуетъ. Но Богъ, показавъ ему эти кости, прежде всего говоритъ ему о надеждѣ воскресенія. Не произнеся еще имени Израиля, Онъ искушаетъ вѣру Пророка Своего сими словами: *сыне человѣчь, оживутъ ли кости сія*, дабы онъ отвѣчалъ Ему: *Ты вѣси сія*. Господь не сталъ бы искушать вѣру Своего пророка по такому дѣлу, которое не должно было имѣть мѣста, о которомъ Израиль никогда не слыхалъ, и которому не надлежало бы вѣрить. Но какъ воскресеніе мертвыхъ было уже съ одной стороны возвѣщено, а съ другой Израиль по своему невѣрію соблазнялся сею истиною, и обращая взоры на тлетворность гробовъ, отчаявался на счетъ сего воскресенія, или лучше сказать не возвышался духомъ къ истинѣ воскресенія, но остана-

вливался на околичностяхъ его: то что творитъ Господь? Онъ пророку Своему, который и самъ отчасти сомнѣвался, представляетъ картину воскресенія, дабы поселить въ него довѣріе къ проповѣданію сего ученія. Мало того. Онъ повелѣваетъ народу вѣрить тому, что открылъ Онъ пророку Своему. Тѣмъ, которые не признавали, чтобы кости могли воскреснуть, Онъ говоритъ: вы сами тѣ кости, которыя воскреснутъ. Онъ оканчиваетъ такъ: *и увѣсте, яко Азъ Господь глаголахъ и сотворю*. Стало быть Онъ долженъ былъ сотворить то, что возвѣстилъ; но Онъ не сотворилъ бы того, что возвѣстилъ, если бы долженъ былъ сотворить то иначе.

XXXI. Если бы народъ могъ возропотать аллегорически, что кости его сухи и надежда его погибла, оплакивая такимъ образомъ свое разсѣяніе: то конечно можно бы было подумать, что Богъ фигуральное отчаяніе разсудилъ утѣшить фигуральнымъ же обѣтованіемъ. Но какъ народъ не испыталъ еще тогда всѣхъ скорбей разсѣянія, а между тѣмъ надежда на воскресеніе неодпократно въ немъ угасала, притомъ же происшествія доказываютъ, что и помышленіе о смерти вѣру его колебало: то Богу угодно было возсоздать истину, которую народъ разрушалъ.

Хотя бы Израиль, подвергшись въ то время какому либо несчастію, возстенаалъ о своемъ положеніи: то это не могло бы быть причиною тому, чтобы цѣль откровенія была притчею. Въ немъ видѣть должно только свидѣтельство въ пользу воскресенія, данное народу сему для того, чтобы возвысить его до надежды вѣчнаго спасенія и возстановленія, и отвратить отъ любви къ здѣшнимъ вещамъ. Вотъ почему и другіе пророки говорили: *изыдете изъ гробовъ вашихъ яко же юнча отъ узъ свободно, во еже ногами попрати враги вашя*. Также и въ другомъ мѣстѣ: *возрадуется*

сердце ваше, и кости ваша яко трава прозябнутъ (Исаіи. LXVI. 14). Трава дѣйствительно возраждается отъ разрушенія и истлѣнія своего сѣмени. Словомъ сказать, если образъ костей воскрешающихся примѣняется собственно къ положенію Израиля: то почему эта надежда, вмѣсто присвоенія одному Израилю, возвѣщена всѣмъ народамъ? Почему одни останки Израиля должны воспріять тѣла и ожить? Почему не всѣ мертвые изыдутъ изъ гробовъ? Пророчество сіе относится ко всѣмъ: *мертвые*, сказано, *оживутъ и востанутъ изъ гробовъ*. Роса небесная есть врачевство для ихъ костей. *Всяка плоть пріидетъ поклонитися предо Мною*, говоритъ Господь. Въ какое время? Тогда, какъ *образъ міра сего прейдетъ*. Сказано также: *яко же небо ново и земля нова, яже Азъ творю, пребываетъ предо Мною, глаголетъ Господь, тако станетъ сѣмя ваше*. Тогда-то исполнится то, что подъ конецъ прибавлено: *изыдутъ и узрятъ трупы человѣковъ преступившихъ Мнѣ; червь бо ихъ не скончается, и огнь ихъ не угаснетъ, и будутъ въ позоръ всякой плоти* (Исаіи. LXVI. 22—24). Но всякая плоть, воскресшая и изшедшая изъ гроба, прославитъ Бога за такую милость.

XXXII. Однакожъ, чтобы воскресеніе не показалось тебѣ предсказаннымъ единственно для тѣлъ, положенныхъ въ гробы: то намъ еще возвѣщено, что Богъ повелитъ рыбамъ морскимъ изрыгнуть кости, ими пожранныя, и тогда Онъ сорокупитъ уды къ удамъ и кости къ костямъ.

«Стало быть рыбы, дикіе звѣри и хищныя птицы «также воскреснутъ, чтобъ изрыгнуть поглощенныхъ «ими; ибо я читаю у *Моисея: отъ руки всякаго звѣря «изыщу крови* (Быт. IX. 5).»

Совсѣмъ нѣтъ. Если и упоминается о звѣряхъ и рыбахъ, когда дѣло идетъ о возстановленіи плоти и

крови: то это дѣлается для того, чтобы тѣмъ паче подтвердить воскресеніе пожранныхъ тѣлъ, потому что по Писанію кровь должна изыскана быть и отъ звѣрей. *Іона*, если не ошибаюсь, изшедшій изъ чрева кита въ цѣлости, и сохранившій душу и тѣло свое безвредными, можетъ служить несомнѣннымъ доказательствомъ божественнаго могущества. Утроба чудовища, гдѣ пробылъ онъ въ заключеніи три дни, конечно могла испортить и истребить плоть его столь же удобно, какъ гробъ и могила. Нельзя однакожъ отрицать, чтобы животныя сіи не прообразовали тѣхъ жестокихъ людей, которые воздвигаютъ гоненія противъ имени Христіанскаго, или же тѣхъ злочестивыхъ духовъ, отъ которыхъ Богъ изыщетъ кровь въ отмщеніе за пролитіе ея. Гдѣ найти человѣка, который, будучи расположенъ болѣе внимать другому, нежели слѣдовать собственнымъ догадкамъ, болѣе вѣрить, нежели спорить, болѣе уважать божественную премудрость, нежели увлекаться своимъ смысломъ, который, говорю, услышавъ объ опредѣленіи Божіемъ касательно плоти, кожи, жилъ и костей, могъ бы вообразить себѣ, что все, сказанное о сихъ сущностяхъ, не относится къ человѣку? Нѣтъ средины: или ничего не предназначено для человѣка: ни утѣхъ царства, ни строгости суда, ни воскресенія, какого бы рода оно ни было; или если все сіе предназначено для человѣка, то необходимо должно предназначено быть для тѣхъ сущностей, изъ которыхъ человѣкъ составленъ.

Еще нѣсколько словъ на разсужденіе людямъ, столь утонченнымъ и столь искуснымъ извращать смыслъ въ отношеніи къ костямъ, къ плоти, къ жиламъ и къ гробамъ. Когда Писаніе упоминаетъ о душѣ, почему не требуютъ они, чтобы слово это было понимаемо въ другомъ смыслѣ? Напротивъ того, какъ скоро дѣло

дойдетъ до тѣла или до какой тѣлесной сущности: то они усиливаются найти тутъ что либо другое, нежели какъ гласитъ естественный смыслъ слова. Развѣ тѣлесныя сущности суть притчи? Одному закону повинуются и сущности духовныя. Развѣ духовныя сущности не фигуры, не прообразованія? Одному закону и тѣлесныя сущности повинуются. Человѣкъ состоитъ какъ изъ души, такъ и изъ тѣла: одна изъ сихъ сущностей не можетъ доступна быть аллегоріи, а другая отвергать ее.

XXXIII. Довольно кажется доказательствъ, почерпнутыхъ изъ Пророческихъ книгъ. Обратимся къ Евангеліямъ. Но и тутъ надобно мнѣ вооружиться противъ ухищреній тѣхъ людей, которые утверждаютъ, будто бы Господь всегда говорилъ притчами, потому что написано: *сія вся глагола Іисусъ въ притчахъ, и безъ притчи ничесоже глаголаше къ нимъ* (Мат. XIII. 34), разумѣется къ Іудеямъ. Посему-то, когда ученики спросили Его: *почто притчами глаголеши имъ?* то Онъ отвѣчалъ: *сего ради въ притчахъ глаголю имъ, яко видяще не видятъ, и слышаще не слышатъ, ни разумѣютъ* (Мат. XIII. 13), по пророчеству *Исаіи*. Если Онъ говорилъ Іудеямъ въ притчахъ, то стало быть не всѣмъ (людямъ) въ притчахъ говорилъ; если же въ притчахъ говорилъ не всѣмъ, то не говорилъ въ притчахъ и всегда: слѣдовательно все, что Онъ говорилъ, не была притча. Онъ употреблялъ эти иносказанія только въ извѣстныхъ случаяхъ и для нѣкоторыхъ людей; употреблять же ихъ только для Іудеевъ, значитъ употреблять для нѣкоторыхъ людей.

Правда, что Онъ иногда и ученикамъ Своимъ говорилъ въ притчахъ; но замѣтьте, какими словами Писаніе сопровождало ихъ. Оно почти всегда прибавляло: *и глаголаше имъ въ притчѣ*. Изъ сего заключаю я, что Онъ говорилъ имъ чаще всего, не прибѣгая къ

притчѣ; а иначе Писаніе не пропустило бы обозначить, что Онъ всегда въ притчахъ говорилъ.

Другое уваженіе. Нѣтъ ни одной притчи, которая или бы не была объяснена, какъ-то притча о Сѣятелѣ, примѣненная Имъ къ проповѣданію слова Божія, или которая заблаговременно не была бы имъ истолкована, какъ то притча о гордомъ судіи и вдовѣ, неотступно просящей, или же которая не могла бы сама по себѣ быть понята, какъ-то притча о смоковницѣ безплодной, естественно представлявшей образъ Іудейскаго безплодія. Если же завѣса притчи не затемняетъ свѣта Евангелія: то кольми паче рѣшенія и опредѣленія Божія, смыслъ которыхъ явенъ, не могутъ означать инаго, какъ только то, что въ нихъ изъяснено. Господь не инымъ чѣмъ, какъ рѣшеніями и опредѣленіями, даетъ людямъ знать и о судѣ, и о царствіи Божіемъ, и о воскресеніи. *Содомляномъ въ день той отраднѣе будетъ. — Рцыте имъ, яко близъ есть царствіе Божіе. — Воздастъ ти ся въ воскресеніе Праведныхъ* (Лук. X. 12, XIV. 14). Если имена вещей, то есть, имена суда, царствія Божія и воскресенія, столь опредѣлительны, что ни одно изъ нихъ не можетъ обращено быть въ притчу: то равнымъ образомъ не должно параболическаго смысла примѣнять ни къ устроенію, ни къ исполненію, ни къ различнымъ дѣйствіямъ, возвѣщеннымъ намъ относительно суда, царствія и воскресенія. Такимъ образомъ то, что предназначено для тѣлъ, надлежитъ понимать въ тѣлесномъ, а не въ духовномъ смыслѣ, потому что въ немъ нѣтъ никакой фигуры или аллегоріи. Вотъ почему мы первѣе всего и предположили, что тѣло души ли (*), или плоти, получитъ награду, соотвѣтственно уча-

(*) Выше уже замѣчено заблужденіе *Тертулліана*, яко бы душа имѣетъ тѣло. *Перев.*

стію его въ дѣлахъ человѣческихъ, предположили изъ опасенія, чтобы тѣлесность души, подавая случай къ аллегоріи, не исключила тѣлесности плоти, тогда какъ вѣра учитъ, что обѣ сущности будутъ участвовать и въ судѣ, и въ царствіи, и въ воскресеніи.

Теперь предстоитъ мнѣ доказать, что Господь говорилъ о плотскомъ тѣлѣ вездѣ, гдѣ упоминалъ о воскресеніи, но не въ предосужденіе тѣла души, еще немногими людьми признаваемаго доселѣ.

XXXIV. Во первыхъ когда Христосъ говоритъ: *пріидохъ, да спасу погибшее*: кто по мнѣнію твоему погибъ? Безъ сомнѣнія человѣкъ. Весь ли онъ погибъ, или только часть его? Конечно весь. Преступленіе, погубившее человѣка, было дѣйствіе не только души, увлеченной похотѣніемъ, но и плоти, вкусившей запрещенный плодъ; а потому оно было клеймомъ всего человѣка, и въ послѣдствіи породило въ немъ сѣмена погибели. Стало быть этотъ человѣкъ, который чрезъ свое предательство весь погибъ, будетъ весь и спасенъ, развѣ не придетъ ли кому въ мысль, что погибнетъ заблуждшая овца безъ тѣла своего и принесется на раменахъ безъ тѣла же. Добрый пастырь безъ сомнѣнія принесетъ на своихъ раменахъ и плоть и душу овцы своей, то есть, принесетъ всего животнаго. Примѣръ сей прообразуетъ возстановленіе человѣка въ двойственной его сущности. Сколь было бы недостойно величія Божія удостоить спасенія одну только половину человѣка, и облагодатствовать имъ человѣка, такъ сказать, съ бережливостію, тогда какъ щедрость земныхъ Государей обыкновенно бываетъ полная! Какъ! Не уже ли діаволъ въ силахъ сокрушить человѣка совсѣмъ, а Богъ не въ силахъ совсѣмъ его возстановить? Апостолъ однакожъ говоритъ: *идѣже умножися грѣхъ, преизбыточествова благодать* (Римл. V. 20). Да и какъ мож-

но считать спасеннымъ того, кто съ другой стороны окажется погибшимъ, спасеннымъ въ плоти, погибшимъ въ душѣ, развѣ не на тотъ ли конецъ, что душа на сей разъ должна необходимо погибнуть, дабы чрезъ то могла пріобрѣсть спасеніе? Одно только то, что погибло, можетъ и должно получить спасеніе. Впрочемъ нашъ образъ понятія о безсмертіи таковъ, что когда душа погибаетъ, то погибаетъ она не для того, чтобъ умереть, но чтобы подвергнуться адскимъ казнямъ. Если же это такъ: то спасеніе по видимому не должно уже относиться къ душѣ, потому что она спасена по своему естеству въ слѣдствіе безсмертія своего, а скорѣе оно относится къ плоти, признаваемой всѣми бренною.

Если же и душа бренна, то есть, если она такъ же не безсмертна, какъ и плоть: то существо дѣла также должно благопріятствовать плоти по ея бренному и смертному качеству, потому что Господь даруетъ спасеніе тому, что гибнетъ. Я не намѣренъ теперь входить въ точный разборъ, въ какой именно сущности изъ двухъ сущностей погибъ человѣкъ: для меня довольно, что той и другой сущности обѣщано спасеніе, распространяющееся одинаково на ту и на другую сущность. Человѣкъ стало быть будетъ спасенъ какъ въ той сущности, въ которой не гибнетъ, такъ и въ той, въ которой гибнетъ. Чрезъ то, какъ видишь ты, возстановленіе человѣка совершается вполнѣ, потому что Господь въ немъ способность умирающую спасаетъ, а способности негибнущей не уничтожаетъ. Кто же станетъ сомнѣваться послѣ сего въ сохраненіи той и другой сущности, тогда какъ одна получаетъ спасеніе, а другая не лишается его? Между тѣмъ Господь на счетъ сей истины изъясняется такъ: *снидохъ съ небесе, не да творю волю Мою, но волю*

пославшаго Мя Отца. Какая же это воля? Онъ продолжаетъ: *се же есть воля пославшаго Мя Отца, да все, еже даде Ми, не погублю отъ Него, но воскрешу е въ послѣдній день.* Что собственно получилъ Іисусъ-Христосъ отъ Отца Своего, какъ не ту сущность, въ которую облекся, то есть, человѣчество, вмѣстилище плоти и души? Стало быть Онъ не попуститъ погибнуть ничему изъ того, что получилъ, не попуститъ погибнуть рѣшительно ни малѣйшей изъ того частичкѣ, а кольми паче какой либо небольшой вещи. Если эта небольшая вещь есть плоть: то Онъ конечно не попуститъ ей погибнуть, потому что не попуститъ погибнуть небольшой вещи. Онъ не попуститъ погибнуть изъ нея рѣшительно ничему, потому что ничто изъ того, что Имъ получено, не погибнетъ. И такъ, если Онъ не воскреситъ плоть въ послѣдній день, въ такомъ случаѣ попуститъ Онъ погибнуть не какой либо маловажной части человѣка, но, смѣю сказать, попуститъ погибнуть всему почти человѣку, по причинѣ достоинства плоти.

Когда Христосъ далѣе какъ бы настойчиво говоритъ: *се же есть воля пославшаго Мя, да всякъ видяй Сына и вѣруяй въ Него, имать животъ вѣчный, и Азъ воскрешу его въ послѣдній день* (Іоан. VI. 38 — 40): то симъ самымъ Онъ утверждаетъ полноту воскресенія, потому что всякой сущности опредѣляетъ награду, свойственную ея качествамъ плоти, чрезъ которую Сынъ учинился видимъ, и души, чрезъ которую водворилась вѣра.

«Ты скажешь, что стало быть надежда воскресе-«нія относилась только къ тѣмъ, которые видѣли Хри-«ста?» — Пусть и такъ, лишь бы однакожъ надежда эта достигала до насъ. Впрочемъ если дѣйствія плоти и души были столько выгодны для тѣхъ, которые

видѣли, и видѣвши вѣровали: то кольми паче выгодны они для насъ, такъ какъ Господь сказалъ: *блажени не видѣвшіи, и вѣровавше* (Іоан. XX. 29). Дѣйствительно, положимъ, что воскресеніе плоти было бы и отказано первымъ; но все же оно будетъ приличествовать блаженнымъ. Какъ же могутъ они быть блаженны, когда погибнутъ въ одной изъ своихъ частей?

XXXV. Христосъ повелѣваетъ еще *бояться паче могущаго и душу и тѣло погубити въ геенѣ*, то есть, единаго Господа, *и не бояться убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убити* (Мат. X. 28). Слова эти свидѣтельствуютъ безсмертіе души, потому что она по естеству своему убита быть не можетъ, и смертность плоти, потому что ее можно убить. Изъ сего слѣдуетъ, что воскресеніе мертвыхъ есть воскресеніе плоти, которая не можетъ иначе страдать и быть убита въ адѣ, какъ воскресши. Но какъ многіе еще хлопочутъ объ истолкованіи сего обстоятельства: то я объявляю, что по моему мнѣнію тѣло человѣка не иное что есть, какъ зданіе плоти, изъ какого бы вещества оно ни было сооружено или образовано: его-то мы видимъ, его осязаемъ, его умерщвляемъ. Такимъ образомъ если дѣло идетъ о тѣлѣ стѣны: то я могу указать вамъ на кирпичь, камень, известку. Если же угодно вамъ соорудить какое либо нѣжнѣйшее тѣло: то прежде покажите мнѣ его, увѣрьте меня, что оно составляетъ сущность, убиваемую людьми, и я замолчу. Равномѣрно не захотите ли вы противопоставить намъ тѣло души? Напрасная уловка! Господь, говоря, что и тѣло и душа могутъ погибнуть въ геенѣ, отличаетъ душу отъ тѣла, и указуетъ намъ на то самое тѣло, которое находится предъ глазами нашими, или другими словами, указуетъ на плоть, которая, если должна въ

адѣ страдать и быть убитою за то, что не боялась паче убитою быть отъ Бога, то также будетъ и оживотворена для вѣчной жизни, если предпочла быть умерщвленною отъ людей. Слѣдовательно если убіеніе или мученіе плоти и души во адѣ считать смертію и истребленіемъ той и другой сущности, то есть, считать ихъ уничтоженными, а не наказуемыми: то надобно вспомнить, что адскій огонь вѣченъ, и что огонь сей объявленъ вѣчною казнію. Отсюда можно понять, что адское вѣчное убіеніе или мученіе гораздо страшнѣе, нежели мученіе и убіеніе временное и людское; и тогда надлежитъ почитать дѣйствительно вѣчными обѣ сущности, долженствующія умирать въ казняхъ на вѣки. Нѣтъ сомнѣнія, что когда по воскресеніи плоть и душа должны лишиться жизни въ адскихъ мукахъ: то изъ сего истекаетъ неоспоримое доказательство и воскресенія плоти и вѣчной смерти. Впрочемъ не безразсудно ли полагать, что воскресшая плоть будетъ предана въ адѣ смерти, которая ее уничтожитъ, тогда какъ она могла бы быть истреблена, и не имѣя надобности въ воскресеніи? Вѣроятно ли, чтобы жизнь дарована была плоти для того, дабы перестать существовать, плоти, которая уже существовать перестала?

Господь, утверждая насъ въ той же надеждѣ, присовокупляетъ примѣръ двухъ птицъ, изъ которыхъ *ни едина падетъ на земли безъ Отца* (Мат. X. 29) небеспаго, дабы ты вѣровалъ, что плоть, павшая на земли, можетъ воскреснуть по волѣ того же Бога-Отца. Это преимущество безъ сомнѣнія дано не птицамъ; но мы *многихъ птицъ лучши есмы*, потому что мы падаемъ только для того, чтобы возстать. Наконецъ объявить, что *вси власти главніи намъ изочтени суть*, не значитъ ли обѣщать намъ, что ни одинъ изъ нихъ не по-

гибнетъ? Если они должны погибнуть: то за чѣмъ ихъ и считать, развѣ только за тѣмъ, чтобы совершилось вполнѣ изреченное Имъ слово: *все, еже даде Ми Отецъ, не погублю отъ Него* (Іоан. VI. 39), то есть, ни волоса, ни ока, ни зуба? Да и подлинно откуда произойдетъ *плачъ и скрежетъ зубомъ* въ геенѣ, какъ не отъ очей и зубовъ? Какъ скоро тѣло подвергнуто второй смерти, будучи такимъ образомъ *изгнано во тму кромѣшнюю* (Мат. VIII. 12): то очи терпятъ тамъ свойственную имъ казнь. Гость, пришедшій на брачный пиръ, *не облеченный въ одѣяніе брачное*, будетъ имѣть *руцѣ и нозѣ связаны* (Тамъ же XXII. 13), конечно потому, что съ тѣломъ своимъ воскреснетъ. Равнымъ образомъ служитель, которому дано *сѣсти*, какъ говоритъ Господь, *со Мною на престолѣ Моемъ*, одесную и ошуюю, и который *ястъ отъ древа животнаго* (Апок. II. 7, III. 21), служитъ вѣрнѣйшимъ символомъ воскресенія тѣлъ.

XXXVI. Посмотримъ теперь, не подтвердилъ ли Господь еще болѣе ученія нашего, посрамивши ухищреніе Саддукеевъ. Вопросъ, если не ошибаюсь, состоялъ въ томъ, не подлежитъ ли уничтоженію воскресеніе. Саддукеи не принимали спасенія ни для души ни для плоти. Избравъ кривый путь, наиболѣе колеблющій вѣру въ воскресеніе, они придержались тѣхъ доводовъ, которые могли затруднить разрѣшеніе предлагаемаго ими вопроса. Они выставили на показъ плоть. Должна ли она или не должна сочетаться бракомъ въ лицѣ той женщины, которая, вышедши замужъ за семерыхъ братьевъ, оставила Саддукеевъ въ неизвѣстности, кому изъ нихъ принадлежитъ. Вникнувъ основательно въ смыслъ вопроса и отвѣта, мы легко найдемъ разрѣшеніе на затрудненіе. Дѣйствительно когда съ одной стороны Саддукеи отвергали

воскресеніе, и когда съ другой Господь защитилъ его, уличивъ ихъ въ невѣдѣніи священнаго Писанія, ясно о немъ возвѣстившаго, и упрекнувъ ихъ въ невѣрованіи тому, что Богъ силенъ воскрешать мертвыхъ, и когда Господь присовокупилъ, что мертвые возстанутъ: то безъ всякаго сомнѣнія, утверждая отвергаемую истину, то есть, воскресеніе мертвыхъ, производимое силою *Бога живыхъ*, Господь утвердилъ ее въ томъ видѣ, въ какомъ она и отвергаема была, то есть, въ видѣ обѣихъ сущностей человѣка. Объявивши, что въ семъ состояніи бракъ не можетъ существовать, Онъ не сказалъ, что воскресенія не будетъ. Напротивъ того, Онъ именуетъ чадами воскресенія тѣхъ, которые должны чрезъ него нѣкоторымъ образомъ возродиться. Они не будутъ жениться, разумѣется послѣ воскресенія; *будутъ яко Ангелы Божіи на небеси*, то есть, вмѣсто того, чтобы знать женитьбу и смерть, обратятся въ Ангельское естество, облекшись въ ризу нетлѣнія чрезъ преобразованіе воскресшей плоти.

Впрочемъ никто не станетъ спрашивать, должны ли мы тогда знать женитьбу и смерть, если не будетъ сомнѣваться въ воскресеніи той части человѣка, которой свойственно жениться и умереть, то есть, въ воскресеніи плоти. Стало быть ты видишь, что Господь противъ Іудейскихъ еретиковъ утверждаетъ ту самую истину воскресенія, которую отвергаютъ и нынѣшніе Христіанскіе Саддукеи.

XXXVII. Хотя Господь и говоритъ: *плоть не пользуетъ ничтоже*; но и эти слова имѣютъ смыслъ, существу дѣла принадлежащій. Когда многіе находили рѣчи Его жестокими и несносными, въ томъ предположеніи, будто бы Онъ велитъ имъ дѣйствительно ѣсть плоть Свою: то Христосъ, чтобы напомнить имъ, что сущность спасенія состоитъ въ духѣ; сказалъ имъ,

сначала: *духъ есть, иже оживляетъ*; послѣ чего въ томъ же смыслѣ присовокупилъ: *плоть не пользуетъ ничтоже*, то есть, не пользуетъ къ тому, чтобъ оживлять. Потомъ изъясняетъ Онъ, что разумѣетъ подъ словомъ духъ, говоря: *глаголы, яже Азъ глаголахъ вамъ, духъ суть и животъ суть* (Іоан. VI. 63); выше же сказалъ: *слушаяй словесе Моего, и вѣруяй пославшему Мя, имать животъ вѣчный: и на судъ не пріидетъ, но прейдетъ отъ смерти въ животъ* (Тамъ же V. 24). Посему-то такъ какъ Онъ утверждалъ догматъ о Словѣ оживляющемъ, а Слово есть духъ и животъ: то Онъ и назвалъ его также плотію Своею, потому что *Слово плоть бысть*, Слово, которое должны мы раждать, чтобъ имѣть животъ, и которое должны глотать ушами, алкать помышленіемъ, усвоивать себѣ вѣрою. Нѣсколько прежде Онъ еще объявилъ, что плоть Его есть *хлѣбъ сходяй съ небесе*, приводя, подъ символомъ потребной для живота пищи, на память поступки отцевъ Іудеевъ, которые предпочли божественному обѣтованію Египетскія мяса и яствы. Такимъ образомъ склоняя мысль свою къ ихъ тайнымъ помышленіямъ, и зная, что они хотятъ Его оставить, Онъ сказалъ имъ: *плоть не пользуетъ ничтоже*. Что же тутъ такого, что разрушало бы воскресеніе плоти? Вещь, не пользующая ничтоже, развѣ не можетъ получить пользы или выгоды отъ другой вещи? Духъ пользуетъ, потому что оживляетъ. Плоть не пользуетъ ничтоже, потому что умираетъ. Стало быть Господь удостоилъ только подтвердить истину обоихъ нашихъ предложеній. Показавъ, что именно пользуетъ и что не пользуетъ, Онъ равномѣрно привелъ въ ясность и то, какая вещь пользуетъ другую, то есть, что духъ оживляетъ плоть, истребленную смертію. *Грядетъ часъ и нынѣ есть, егда мертвіи услышатъ гласъ Сына Бо-*

жія, и услышавше оживуть (Іоан. V. 25). Что мертво, какъ не плоть? Что гласъ Божій, какъ не слово Его? Что слово Его, какъ не духъ? Справедливость требуетъ, чтобъ Онъ воскресилъ ту плоть, въ которую Самъ облекся, воскресилъ ее отъ смерти, которую Самъ претерпѣлъ, и отъ того гроба, которому Самъ былъ преданъ. Наконецъ Онъ сказалъ: *не дивитеся сему, яко грядетъ часъ, въ оньже вси сущіи во гробѣхъ услышатъ гласъ Сына Божія, и изыдутъ, сотворшіи благая въ воскрешеніе живота, а сотворшіи злая въ воскрешеніе суда* (Тамъ же V. 28 и 29). Никто сущихъ во гробахъ не сочтетъ чѣмъ либо инымъ, какъ тѣломъ или плотію, потому что и самые гробы не иное что суть, какъ виталище труповъ. Чисто и ясно сказано, что служители, остающіеся въ положеніи ветхаго человѣка, то есть, грѣшники, или другими словами, тѣ, которые умерли въ невѣдѣніи Бога, и которые по мнѣнію еретиковъ суть сами гробы повапленные, непремѣнно изыдутъ изъ гробовъ своихъ. Но возможно ли гробамъ выйти изъ гробовъ?

XXXVIII. Послѣ словъ Господнихъ, какой смыслъ имѣютъ дѣянія Его, когда Онъ воскрешалъ мертвыхъ изъ ихъ гробовъ? Какая была цѣль Его? Если Онъ имѣлъ то только намѣреніе, чтобъ явить мощь Свою, или даровать кратковременную милость, возвращая жизнь тѣлу: то тутъ ничего не было дивнаго, что Онъ воскрешалъ людей, которые должны были въ другой разъ умереть. Но если Онъ предполагалъ чрезъ то сохранить какъ бы въ нѣкоемъ склепѣ, вѣру въ будущее воскресеніе: то изъ сего слѣдуетъ, что это будущее воскресеніе долженствовало быть воскресеніе тѣлъ по собственному его примѣру. Никто да не говоритъ намъ, что какъ воскресеніе предназначено для одной души, то оно только для пробы

послѣдовало во плоти; ибо воскресеніе невидимой души не можетъ ощутительно быть для людей иначе, какъ чрезъ воскресеніе видимой сущности. Худо вѣдаютъ Бога тѣ, которые измѣряютъ могущество Его по собственнымъ своимъ мыслямъ. Между тѣмъ они не могутъ не знать Его могущества, если знаютъ откровеніе *Іоанново*. Тотъ, Кто представилъ намъ души мучениковъ, еще уединенныя и покоющіяся подъ алтаремъ, конечно могъ бы ихъ намъ представить и воскресшими безъ содѣйствія ихъ плоти. Но того имъ не сдѣлано. Въ отношеніи ко мнѣ я лучше хочу вѣрить, что Богъ не можетъ насъ обманывать, и что Онъ ко лжи не способенъ; а иначе могло бы показаться, что Онъ предварительно возвѣстилъ о вещахъ не такъ, какъ онѣ есть. По нашему мнѣнію, примѣры мертвыхъ, которыхъ Господь воскрешалъ, предвѣщали воскресеніе плоти и души, дабы ни та, ни другая сущность не была лишена сего дара. Эти примѣры однакожъ говорили менѣе, нежели что Іисусъ Христосъ хотѣлъ явить; ибо сихъ мертвыхъ воскрешалъ Онъ не для того, чтобъ они сподобились славы и нетлѣнія, но чтобы въ другой разъ померли.

XXXIX. Дѣянія Апостоловъ также свидѣтельствовали о воскресеніи. Обязанность ихъ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ Іудеямъ, состояла главнѣйше въ томъ, чтобы раскрыть печати ветхаго завѣта, приложить ихъ къ новому, и особливо проповѣдать Бога во Христѣ. Слѣдовательно они не вводили ничего новаго на счетъ воскресенія, развѣ только что возвѣщали о немъ во славу Христову. Впрочемъ эта истина была уже извѣстна и принята вѣрою во всей простотѣ, такъ что не было ни спора о ея естествѣ, ни другихъ ей противниковъ, кромѣ Саддукеевъ. Посему-то легче совсѣмъ отвергнуть воскресеніе мертвыхъ,

нежели извратить смыслъ его. *Павелъ* подъ покровительствомъ тысящника исповѣдалъ вѣру свою предъ Архіереями въ присутствіи Саддукеевъ и Фарисеевъ. *Мужіе братіе*, возвалъ онъ, *азъ фарисей есмь, сынъ фарисеовъ: о упованіи и о воскресеніи мертвыхъ азъ судъ пріемлю* (Дѣян. Ап. XXIII. 6). Онъ говорилъ объ упованіи всего вообще народа. Считаясь уже преступникомъ закона, онъ безъ сомнѣнія побоялся стать на ряду съ Саддукеями по столь важному предмету вѣры, какъ воскресеніе. Такимъ образомъ, не желая показаться разрушителемъ вѣры въ воскресеніе, онъ утвердилъ его съ Фарисеями вопреки мнѣнію Саддукеевъ, отвергавшихъ его; вотъ почему и въ присутствіи самаго *Агриппа* онъ говоритъ, что *ничтоже вѣщаетъ, развѣ яже пророцы рекоша* (тамъ же XXVI. 22). Стало быть онъ держался въ точности такого воскресенія, какое было возвѣщено. Вспоминая о томъ, что *Моисей* написалъ о воскресеніи мертвыхъ, онъ признавалъ его воскресеніемъ тѣлеснымъ, въ которомъ *кровь человѣка должна быть изыскана*. Для того и проповѣдалъ онъ его такимъ, какимъ принимали его Фарисеи, какимъ его почиталъ самъ Господь, и какимъ отвергли его совершенно Саддукеи, вопреки общему вѣрованію.

Даже и Аѳиняне поняли не иначе воскресеніе мертвыхъ, слыша о немъ изъ устъ *Павловыхъ*; а потому и приняли его съ посмѣяніемъ. Стали ли бы они издѣваться надъ нимъ, если бы онъ проповѣдалъ объ одномъ только возстановленіи души? Они бы сочли это за обыкновенное мнѣніе философіи, которая у нихъ процвѣтала. Но когда ученіе о невѣдомомъ воскресеніи возмутило народы по своей новости, и невѣріе, котораго при такомъ чудѣ нельзя было не ожидать, вооружилось противъ вѣры посредствомъ мно-

гочисленныхъ споровъ: то Апостолъ принялъ на себя трудъ въ каждомъ изъ своихъ писаній подтверждать вѣру въ эту надежду, доказывая, что она истинна, что еще не исполнилась, что должна быть тѣлесна, и что, будучи вещію, покуда сомнительною, не можетъ иначе почитаема быть, какъ тѣлесною.

XL. Не удивляюсь, что еретики изъ посланій самаго Апостола заимствуютъ доводы, потому что *подобаетъ и ересямъ быти*, и что ихъ не было бы, если бы Писаніе не могло быть ложно толкуемо. Ереси, нашедши у Апостола двухъ человѣкъ, одного внутренняго, то есть, душу, а другаго внѣшняго, то есть, плоть, приписали душѣ, какъ внутреннему человѣку, спасеніе, а плоти, какъ человѣку внѣшнему, истребленіе, потому что въ посланіи къ Коринѳянамъ написано: *аще и внѣшній нашъ человѣкъ тлѣетъ, обаче внутренній обновляется по вся дни* (2 Кор. IV. 16). Не душа сама по себѣ есть человѣкъ, потому что она сообщена персти въ послѣдствіи, тогда какъ уже персть носила имя человѣка. Плоть безъ души также не составляетъ человѣка, потому что по ея изшествіи изъ нея она становится трупомъ. Такимъ образомъ имя человѣка есть, такъ сказать, узелъ, тѣсно связующій обѣ эти сущности: пока онъ существуетъ, до тѣхъ поръ онѣ не могутъ не быть соединенными. Впрочемъ Апостолъ хочетъ, чтобы мы подъ именемъ внутренняго человѣка разумѣли не столько душу, какъ духъ и сердце, другими словами, не самую сущность, но, такъ сказать, ядро сущности. Такъ напримѣръ когда онъ пишетъ къ Ефесеямъ: *да дастъ вамъ Господь Іисусъ Христосъ утвердитися духомъ Его во внутреннѣмъ человѣцѣ*: то чрезъ то хотѣлъ сказать, что жизнь Христова должна начаться въ насъ черезъ чувства. Потомъ присовокупивши: *вселитися Христу*

вѣрою въ сердца ваша: въ любви вкоренени (Ефес. III. 16 и 17). Онъ полагаетъ вѣру и любовь души не въ сущности, но въ понятіи; сказавши же *въ сердцахъ вашихъ*, которыхъ сущность есть плоть, онъ относитъ къ плоти и внутренняго человѣка, помѣщая его въ сердцѣ.

Разсмотри теперь, въ какомъ смыслѣ говоритъ Онъ, что *внѣшній человѣкъ тлѣетъ, а внутренній обновляется по вся дни.* Не думай, чтобы это было то тлѣніе, которому плоть подвергнется навсегда со дня смерти: тутъ рѣчь идетъ только о томъ, сколько она въ теченіе жизни прежде смерти и до самой смерти должна претерпѣть обидъ, скорбей, мученій и казней за имя Христово. Здѣсь, на землѣ еще, *обновится внутренній человѣкъ* подъ покровомъ Духа Святаго, преуспѣвая *по вся дни* въ вѣрѣ и благочестіи, а не въ томъ мірѣ, который послѣдуетъ по воскресеніи. Тогда мы не будемъ обновляться *по вся дни*, но обновимся однажды на всю вѣчность. Это ты узнаешь изъ послѣдующихъ словъ Апостола: *еже нынѣ легкое печали нашея по преумноженію въ преспѣяніе, тяготу вѣчныя славы содѣловаетъ намъ, не смотрящимъ намъ видимыхъ*, то есть, страданій, *но невидимыхъ*, то есть, возмездія; *видимая бо временна, невидимая же вѣчна* (2. Кор. IV. 17 и 18). Онъ хочетъ, чтобы мы презирали скорби и огорченія, отъ которыхъ тлѣетъ внѣшній человѣкъ, въ томъ предположеніи, что они легки и временны; но предпочитали бы вѣчныя невидимыя награды и ту тяготу славы, которая ожидаетъ насъ въ замѣнъ скорбей, изнуряющихъ плоть здѣсь на землѣ. Толико-то справедливо, что тутъ нѣтъ рѣчи о томъ тлѣніи, которое еретики назначаютъ для внѣшняго человѣка, желая, чтобъ онъ умеръ безвозвратно, дабы уничтожить воскресеніе. Апостолъ го-

воритъ также и въ другомъ мѣстѣ: *понеже съ Нимъ страждемъ, да и съ Нимъ прославимся; непщую бо, яко недостойны страсти нынѣшняго времене къ хотящей славѣ явитися въ насъ* (Римл. VIII. 17 и 18). Здѣсь равномѣрно показываетъ онъ, что скорби гораздо ниже наградъ за нихъ. Если же мы страждемъ со Христомъ плотію: то какъ плоти свойственно истлѣвать отъ страданій, выходитъ, что она должна имѣть участіе и въ наградахъ, симъ страданіямъ уготованныхъ. Онъ приписываетъ плоти участь страданій до того, что въ другомъ посланіи сказалъ: *пришедшимъ намъ въ Македонію, ни единаго имѣ покоя плоть наша;* а потомъ для показанія, что душа страждетъ вмѣстѣ съ плотію, присовокупилъ: *но во всемъ скорбяще: внѣуду брани*, чтобы покорить плоть, *внутрьуду боязни* (2 Кор. VII. 5), то есть, тоска души. Такимъ образомъ истинный смыслъ сего изреченія: *внѣшній человѣкъ тлѣетъ*, означаетъ не лишеніе воскресенія, но перенесеніе страданій, постигающихъ и внутренняго человѣка. Стало быть надобно, чтобъ оба эти человѣка были вмѣстѣ прославлены, потому что вмѣстѣ и страждутъ: общность наградъ всегда слѣдуетъ за общностію трудовъ.

XLI. Онъ изъявляетъ тоже мнѣніе, ставя награду выше скорбей. *Вѣмы*, говоритъ онъ, *яко аще земная наша храмина тѣла разорится, созданіе отъ Бога имамы, храмину нерукотворенну, вѣчну, на небѣсѣхъ* (Тамъ же V, I). Что это значитъ? Значитъ, что бѣдствія, разрушающія плоть нашу, приведутъ насъ ко владѣнію жилищемъ на небесахъ. Онъ помнилъ Евангельское правило: *блажени изгнани правды ради, яко тѣхъ есть царствіе небесное* (Мат. V. 10). Противопоставивъ награду разрушенію плоти, онъ не отвергъ возстановленія той же плоти, потому что награда принадлежитъ именно тому, чему приписано разрушеніе, то

есть, плоти. Но какъ онъ назвалъ плоть храминою: то разсудилъ за благо употребить тоже имя и въ разсужденіи награды, обѣщавши плотской храминѣ, разрушающейся отъ страданія, храмину гораздо лучшую, храмину благотворнаго воскресенія. *Въ дому Отца Моего обители многи суть* (Іоан. XIV. 2), сказалъ Господь. Нельзя подъ сими словами понимать обителей міра сего, по разрушеніи котораго вѣчная храмина обѣщана намъ на небесахъ. Послѣдующія за тѣмъ слова очевидно относятся къ плоти, и показываютъ, что предъидущее также принадлежитъ ей неоспоримо. Стало быть Апостолъ *Павелъ* имѣлъ право опредѣлить тутъ различіе, присовокупляя, что мы *о семъ воздыхаемъ, въ жилище наше небесное облещися желающе. Аще точію и облекшеся, не нази обрящемся* (2 Кор. V. 2). Что это означаетъ, какъ не то, что мы желаемъ облещись въ небесную силу безсмертія, прежде нежели скинемъ съ себя эту ризу плоти? Преимущество сей благодати ожидаетъ тѣхъ людей, которыхъ застигнетъ во плоти пришествіе Господне, и которые, по причинѣ жестокостей Антихриста, кратковременною смертію, которую замѣнитъ внезапное премѣненіе, удостоятся изыти во срѣтеніе Іисусу Христу вмѣстѣ съ возставшими изъ гробовъ мертвыми, какъ-то написано въ посланіи къ Солунянамъ: *сіе вамъ глаголемъ словомъ Господнимъ, яко мы живущіи оставшіи въ пришествіе Господне не имамы предварити умершихъ; яко самъ Господь въ повелѣніи, во гласѣ Архангеловѣ и въ трубѣ Божіи, снидетъ съ небесе, и мертвіи о Христѣ воскреснутъ первѣе; потомъ же мы живущіи оставшіи купно съ ними восхищени будемъ на облацѣхъ въ срѣтеніе Господне на воздусѣ, и тако всегда съ Господемъ будемъ* (1 Сол. IV. 15 — 18).

XLII. Это премѣненіе объясняетъ онъ Коринѳянамъ

сими словами: *вси не успнемъ, вси же измѣнимся, вскорѣ, во мгновеніи ока, въ послѣдней трубѣ*, но только измѣнятся *оставшіи живущіи, а мертвіи воскреснутъ первѣе*, какъ выше сказано. Кто внимательно вникнетъ въ сіи изреченія, тотъ легко все послѣдующее можетъ отнести къ смыслу предъидущаго. Апостолъ продолжаетъ: *подобаетъ бо тлѣнному сему облещися въ нетлѣніе, и мертвенному сему облещися въ безсмертіе* (1 Кор. XV. 51 — 53). Чрезъ сіе обозначаетъ онъ небесное жилище, къ которому мы стремимся, воздыхая о томъ, какъ бы облечься въ эту плоть, или лучше сказать, какъ бы воздѣть ее на ту плоть, въ какой будемъ застигнуты. Дѣйствительно, какъ говоритъ онъ, *сущіи въ тѣлѣ семъ воздыхаемъ отягчаеми; понеже не хощемъ совлещися, но пооблещися; да пожерто будетъ мертвенное животомъ* (2 Кор. V. 4), то есть, пожерто чрезъ премѣненіе, облекшись сверху тѣмъ, что придетъ съ неба. Да и кто не пожелалъ бы облещись въ безсмертіе, доколѣ пребываетъ во плоти, и продлить жизнь свою посредствомъ премѣненія, которое бы избавило его отъ смерти, дабы не попасть въ преисподнюю, гдѣ долженъ будетъ отдать до послѣдняго обола? Впрочемъ и тотъ, кто низвергнутъ въ преисподнюю, получитъ также премѣненіе это чрезъ воскресеніе. Посему мы полагаемъ за правило, что плоть всячески воскреснетъ, и въ слѣдствіе сего премѣненія сдѣлается подобною Ангеламъ.

Если плоть должна измѣниться единственно въ оставшихъ живущихъ: то стало быть тѣ, которые будутъ мертвыми, не получатъ жизни, лишены будучи вещества или, такъ сказать, пищи жизни, то есть плоти. Но необходимо нужно, чтобъ и мертвые воспріяли плоть, дабы мертвенное пожерто было животнымъ, когда они получатъ жизнь.

«Но, говоришь ты, мертвенное въ мертвыхъ уже «пожерто.»

Не во всѣхъ. Сколько окажется такихъ, которые недавно скончались, которые вчера умерли, и въ трупахъ которыхъ ничто еще не пожерто? Подъ словомъ *пожерто* ты вѣрно разумѣешь то, что исчезло, что уничтожилось, что не можетъ уже подвержено быть чувствамъ, что совсѣмъ перестало быть видимымъ. Такимъ образомъ древніе трупы исполиновъ, которыхъ костяные оставы еще цѣлы, безъ сомнѣнія не пожерты. О семъ я уже разсуждалъ въ другомъ мѣстѣ. Но я долженъ припомнить, что недавно въ здѣшнемъ городѣ Карѳагенѣ при злочестивой закладкѣ одеона на древнихъ гробницахъ, народъ съ ужасомъ смотрѣлъ на кости еще влажныя, положенныя въ землю уже около пяти сотъ лѣтъ, и на волосы, не лишившіеся еще благоуханія. Извѣстно, что не только кости сохраняются, но зубы остаются невредимыми: двойственное сѣмя тѣла, имѣющее ожить при воскресеніи.

Наконецъ если бы и все мертвенное пожерто было во всѣхъ мертвыхъ: то оно было бы пожерто смертію, временемъ, вѣками; но было ли бы оно пожерто животомъ, симъ облаченіемъ славы, сею тяготою безсмертія? И такъ говорить, что все мертвенное въ нихъ пожерто, значитъ отрицать это въ разсужденіи другихъ, тому не подвергшихся. Впрочемъ пожертіе сіе можетъ только производимо быть божественною силою, а не законами природы. Слѣдовательно, если мертвенное должно пожерто быть животомъ: то необходимость всячески требуетъ, чтобъ оно предстало, дабы быть пожертымъ, и чтобы было пожерто, дабы быть измѣненнымъ. Если ты находишь нужнымъ возжечь огонь: то ты не можешь съ одной стороны признать, а съ другой отвергнуть надобность въ томъ, что его

возжигаетъ. Такимъ образомъ когда Апостолъ прибавляетъ, *да не нази обрящемся аще и облекшеся* (2. Кор. V. 3), говоря о тѣхъ, которыхъ пришествіе Христово не застигнетъ ни въ жизни, ни во плоти: то что люди сіи, хотя и облечены, но были наги, онъ не могъ того сказать въ другомъ смыслѣ, какъ въ томъ, что они будутъ облечены въ ту сущность, изъ которой разоблечены. Дѣйствительно они будутъ, какъ бы нагіе, по отсутствію плоти, которая или положена во гробъ, или истерзана въ куски, или временемъ истощена. Исчезновеніе плоти есть нагота. Въ послѣдствіи они ее воспріимутъ, дабы, облекшись въ нее, облечься сверху въ ризу безсмертія. Тотъ только, кто уже облеченъ, можетъ облечься сверху.

XLIII. Когда Апостолъ говоритъ, что *дерзающе всегда, и вѣдяще, яко живуще въ тѣлѣ, отходимъ отъ Господа, вѣрою бо ходимъ, а не видѣніемъ* (Тамъ же V. 6 и 7): то явно, что слова эти ни мало не служатъ къ порицанію плоти въ томъ, яко бы она отводитъ насъ отъ Господа. Апостолъ увѣщаваетъ насъ сими словами презирать настоящую жизнь, потому что мы, доколѣ находимся во плоти, *отходимъ отъ Господа*, шествуя къ Нему вѣрою, а не видѣніемъ, то есть, надеждою, а не дѣйствительностію. Потому-то онъ въ слѣдъ за тѣмъ и прибавляетъ: *дерзаемъ же и благоволимъ паче отъити отъ тѣла и внити ко Господу*, то есть, мы должны шествовать паче ко свѣту прямо, нежели сквозь мракъ вѣры, паче въ дѣйствительности, а не въ надеждѣ. Ты видишь, какъ онъ чрезъ это пренебреженіе плоти возноситъ мученичество. Никто, по изшествіи изъ тѣла, не наслаждается непосредственно видѣніемъ Господа нашего, кромѣ мученика, который, пользуясь славнымъ своимъ преимуществомъ, идетъ прямо въ рай, не подвергаясь никакимъ мы-

тарствамъ. Не уже ли у Апостола не доставало словъ, чтобъ объяснить это изшествіе изъ тѣла, или не имѣлъ ли онъ своихъ причинъ выразиться иначе? Желая обозначить, что мы на нѣкоторое время разлучимся съ тѣломъ своимъ, онъ говоритъ, чтобы мы съ нимъ разстались, потому что отходящій сей путешественникъ возвратится нѣкогда въ домъ свой. Для сего и обращается онъ потомъ ко всѣмъ: *тѣмъ же и тщимся, аще входяще, аще отходяще, благоугодни Ему быти; всѣмъ бо явитися намъ подобаетъ предъ судищемъ Христовымъ.* Если же должны мы явиться туда, то безъ сомнѣнія всецѣло, а если всецѣло, то вѣрно какъ съ внутреннимъ, такъ и съ внѣшнимъ нашимъ человѣкомъ, то есть, съ душами и съ тѣлами, дабы, прибавляетъ онъ, *каждый пріялъ, яже съ тѣломъ содѣла, или блага или зла* (2. Кор. V. 8—10). Спрашиваю тебя: какъ ты этотъ текстъ читаешь? Иные извратили смыслъ его. Идетъ ли тутъ рѣчь о возмездіи, ожидающемъ тѣло, или о томъ, что тѣло содѣла? Если Апостолъ обозначаетъ тутъ возмездіе тѣла, тогда безъ всякаго сомнѣнія воскресеніе будетъ тѣлесное. Если же онъ разумѣетъ тутъ дѣянія, исполняемыя тѣломъ: то эти дѣянія должны быть также вознаграждены въ томъ самомъ тѣлѣ, которое ихъ исполняло. Такимъ образомъ вся эта рѣчь Апостола, съ начала до конца, доказывающая ясно воскресеніе тѣла, должна имѣть смыслъ, приличествующій сему доказательству.

XLIV. Разсматривая еще разъ вышеупомянутый текстъ, гдѣ говорится о внѣшнемъ и внутреннемъ человѣкѣ, не найдешь ли ты тамъ всего достоинства и всей надежды плоти? Дѣйствительно когда, говоря *о свѣтѣ, иже возсія* (отъ Бога) *въ сердцахъ нашихъ, къ просвѣщенію разума славы Божія о лицѣ Іисусѣ Христовѣ; имамы же сокровище сіе въ скудельныхъ сосудѣхъ*

(2. Кор. IV. 6. и 7), то есть, во плоти: то что онъ подъ сими словами даетъ намъ разумѣть? То ли, что эта плоть будетъ разрушена, потому что, будучи взята изъ персти, происходитъ отъ земли, или что будетъ прославлена, потому что заключаетъ въ себѣ божественное сокровище? Если истинный свѣтъ, сіяющій въ лицѣ Іисуса Христа, содержитъ въ себѣ жизнь, и если эта жизнь и этотъ свѣтъ отданы на сохраненіе плоти: то не уже ли та плоть, которой ввѣрено сокровище жизни, должна погибнуть? Конечно должна, если погибнетъ и сокровище; ибо погибающимъ вещамъ ввѣряются вещи, долженствующія погибнуть, подобно какъ *новое вино вливаютъ въ ветхіе сосуды*. Но сокровище сіе безъ сомнѣнія не погибнетъ.

Когда Апостолъ присовокупляетъ, что *всегда мертвость Господа Іисуса въ тѣлѣ носитъ* (Тамъ же IV. 10): то какая это сущность, которая, будучи уже названа храмомъ Божіимъ, теперь можетъ наименована быть гробомъ Іисуса Христа? За чѣмъ носимъ мы мертвость Господню въ тѣлѣ нашемъ? За тѣмъ, отвѣчаетъ онъ, *да и животъ Іисусовъ въ тѣлѣ нашемъ явится*. Гдѣ? Въ тѣлѣ нашемъ. Въ какомъ? Въ самомъ семъ смертномъ тѣлѣ, стало быть, въ сей плоти, смертной по грѣху, живоносной по благодати. Замѣть, какое ея достоинство, что *и животъ Іисусовъ въ ней явится*. Какъ! Не уже ли въ вещи, чуждой спасенія, въ сущности, ожидающей совершеннаго разрушенія, явится жизнь Христова, безконечная, безпрерывная, несокрушимая, жизнь самаго Бога? Скажи: къ какому времени принадлежитъ жизнь Господня, которая явится въ тѣлѣ нашемъ? «Это, отвѣчаешь ты, та жизнь, ко«торую провелъ Онъ до страстей Своихъ, и которая «не только являлась Іудеямъ, но и теперь предста«вляется очамъ всѣхъ народовъ.» Совсѣмъ не то. Апо-

столъ обозначилъ здѣсь ту жизнь, которая разрушила адамантовыя врата смерти и сокрушила мѣдныя цѣпи ада.

Наконецъ жизнь эта явится въ нашемъ тѣлѣ. Когда? По смерти нашей. Какъ? Воскресши вмѣстѣ съ тѣломъ, подобно Іисусу Христу. Но никто да не говоритъ намъ, что жизнь Іисуса Христа уже является въ тѣлѣ нашемъ чрезъ святость, терпѣніе, правду и премудрость, просіявшія въ теченіи (земной) жизни Господа нашего. Предусмотрительная мудрость Апостола тому мѣшаетъ. *Присно*, говоритъ онъ, *мы живіи въ смерть предаемся Іисуса ради, да и животъ Іисусовъ явится въ мертвенній плоти нашей* (2. Кор. IV. 11). Это значитъ, что жизнь явится въ насъ, когда мы умремъ. Но какъ можетъ это нидѣ случиться, какъ не въ воскресшемъ нашемъ тѣлѣ? Сверхъ того за чѣмъ говоритъ онъ въ слѣдующемъ стихѣ: *вѣдяще, яко воздвигій Господа Іисуса, и насъ со Іисусомъ воздвигнетъ* (Тамъ же IV. 14), какъ не за тѣмъ, что тутъ *съ Нимъ* значитъ тоже, что *подобно Ему*? Если же Онъ воскреситъ насъ подобно Себѣ, то не воскреситъ безъ плоти.

XLV. Но противники наши впадаютъ въ другое ослѣпленіе по поводу двухъ человѣкъ: ветхаго и новаго. Апостолъ предувѣдомляетъ насъ *отложити намъ ветхаго человѣка, тлѣющаго въ похотехъ прелестныхъ, обновлятися же духомъ ума нашего, и облещися въ новаго человѣка, созданнаго по Богу въ правдѣ и въ преподобіи истины* (Ефес. IV. 22—24). «Они хотятъ, что-«бы *Павелъ*, различая здѣсь двѣ сущности, приписы-«валъ *ветхость* плоти, а *новость* душѣ, опредѣляя вет-«хому человѣку, то есть, плоти, всеконечное разру-«шеніе. А какъ, судя по сущностямъ, не можетъ счи-«таться ни душа новымъ человѣкомъ, потому что яви-

«лась послѣдняя, ни плоть ветхимъ человѣкомъ, по-«тому что явилась первая: то они спрашиваютъ, сколь-«ко долженствовало пройти времени между созидані-«емъ (плоти) и вдунутіемъ дыханія Божія?» Смѣю сказать, что хотя бы плоть и многимъ временемъ предшествовала душѣ, ожидая, пока душа въ нее вселится; но она должна была уступить душѣ первенство. Всякое усовершеніе, какъ бы ни поздо послѣдовало въ порядкѣ времени, всегда заступаетъ первое мѣсто въ дѣйствительности. Надобно считать первенствующею ту вещь, безъ которой вещи предшествовавшія обойтись не могутъ. Если плоть есть ветхій человѣкъ: то когда она имъ сдѣлалась? Не съ начала ли происхожденія? Но *Адамъ* былъ весь новымъ человѣкомъ; слѣдовательно изъ сего новаго человѣка ничего не могло быть человѣкомъ ветхимъ. Впрочемъ со времени благословенія чадорожденія, душа и плоть раждались вмѣстѣ безъ различія временъ. Такъ какъ онѣ вмѣстѣ вселяются въ утробу жены: то, будучи современницами по зачатію, онѣ раждаются въ тоже время, какъ и эти два человѣка, которые конечно различны по сущности, но не различны по возрасту, и до такой степени составляютъ одного человѣка, что между ими нѣтъ перваго.

Но Апостолъ явно обозначаетъ ветхаго человѣка: *отложите*, говоритъ онъ, *ветхаго человѣка по первому* (вашему) *житію*. Онъ не говоритъ о какой либо ветхой сущности. Онъ не велитъ намъ отложить плоть, но велитъ отложить вещи, поименованныя имъ въ другомъ мѣстѣ плотскими, опорочивая не тѣла, но дѣянія, какъ-то явствуетъ изъ слѣдующихъ его наставленій. *Тѣмже отложше лжу, глаголите истину кійждо ко искреннему своему: зане есмы другъ другу удове. Гнѣвайтеся и не согрѣшайте. Солнце да не зайдетъ въ гнѣвѣ*

вашемъ. Ниже дадите мѣста діаволу. Крадый къ тому да не крадетъ, но паче да труждается, дѣлая своима рукама благое, да имать подаяти требующему. Всяко слово гнило да не исходитъ изъ устъ вашихъ, но точію еже есть благо къ созданію вѣры, да дастъ благодать слышащымъ. И не оскорбляйте Духа Святаго Божія, имъ же знаменастеся въ день избавленія. Всяка горесть, и гнѣвъ, и ярость, и кличь, и хула, да возмется отъ васъ со всякою злобою. Бывайте же другъ ко другу благи, милосерди, прощающе другъ другу, якоже и Богъ во Христѣ простилъ есть вамъ (Ефес. IV. 25—32).

Почему же люди, пріемлющіе плоть за ветхаго человѣка, не спѣшатъ ускорить смерти своей, дабы, отложивши ветхаго человѣка, послѣдовать наставленію Апостола? Что касается до насъ, вѣрующихъ тому, что всѣ правила вѣры должны исполняемы быть во плоти и даже плотію, у которой есть уста, чтобы произносить наилучшія слова, есть языкъ, чтобы не богохульствовать, есть сердце, чтобы не гнѣваться, есть руки, чтобы работать и давать милостыню: то мы объявляемъ, что новаго и ветхаго человѣка надлежитъ примѣнять къ различію дѣяній, а не къ различію сущностей. Такимъ образомъ мы равномѣрно признаемъ, что ветхій человѣкъ, судя по прежней грѣховной своей жизни, истлѣваетъ по причинѣ обаянія страстей своихъ, подобно тому, какъ тотъ же ветхій человѣкъ, по причинѣ той же прежней грѣховной своей жизни, а не по качеству плоти, истлѣваетъ въ смерть вѣчную. Впрочемъ ветхій человѣкъ, премѣняясь въ новаго человѣка, остается невредимъ въ своей плоти, и остается всегда таковымъ, потому что онъ отложилъ не тѣло, но безчинія его.

XLVI. Нельзя не замѣтить, что Апостолъ вездѣ изъясняется такъ, какъ будто бы осуждаетъ самую

плоть, осуждая дѣянія плоти. Но не думай, чтобъ онъ утверждалъ это мнѣніе, даже и тамъ, гдѣ по видимому наиболѣе съ нимъ сближается. Дѣйствительно, когда онъ говоритъ: *сущіи во плоти, Богу угодити не могутъ*, то тутъ же, для избѣжанія всякаго съ истиннымъ смысломъ несогласнаго толкованія, прибавляетъ: *вы же нѣсте во плоти, но въ дусѣ*. Отвергать, чтобы находились во плоти тѣ, которые въ ней еще были, значитъ заявить, что они уже удалились отъ дѣяній плоти; значитъ дать знать, что нельзя угодить Богу, но не тогда какъ мы живемъ во плоти, а какъ живемъ по плоти, и что мы угождаемъ Богу, когда, пребывая во плоти, руководствуемся духомъ. Далѣе говоритъ онъ: *плоть убо мертва грѣха ради, духъ же живетъ правды ради*. Противоставя жизнь царствующей во плоти смерти, онъ безъ сомнѣнія обѣщаетъ жизнь правды тамъ, гдѣ полагаетъ смерть грѣха. Впрочемъ тщетно противоставлялъ бы онъ жизнь смерти, если бы жизнь не обрѣталась тамъ, гдѣ была смерть, для изгнанія ея изъ тѣла. Если жизнь прогоняетъ изъ тѣла смерть: то она не можетъ того иначе сдѣлать, какъ проникши туда, гдѣ изгоняемая ею смерть находится.

Но къ чему тутъ много затрудняться, когда Апостолъ въ слѣдъ за тѣмъ чисто и ясно говоритъ: *аще ли же духъ воскресившаго Іисуса отъ мертвыхъ живетъ въ васъ, воздвигій Христа изъ мертвыхъ, оживотворитъ и мертвенная тѣлеса ваша живущимъ Духомъ Его въ васъ* (Рим. VIII. 11). Если кто думаетъ, что чрезъ эти тѣла надобно разумѣть душу: то, будучи не въ состояніи отрицать, чтобы тѣла эти не были плоть, онъ принужденъ будетъ признать воскресеніе плоти по самой общности сущностей. Изъ того, что засимъ слѣдуетъ, ты узнаешь еще болѣе, что Апостолъ осуждаетъ не плоть, а дѣянія плоти. *Тѣмже убо, братіе,*

говоритъ онъ, *должни есмы не плоти, еже по плоти жити; аще бо по плоти живете, имате умрети; аще ли духомъ дѣянія плотская умерщвляете, живи будете* (Римл. VIII. 12). Къ отклоненію всякаго затрудненія можно привести, что если спасеніе обѣщано тѣмъ, которые, хотя и во плоти находятся, но живутъ по духу: то въ такомъ случаѣ не плоть, а дѣйствіе плоти, служитъ препятствіемъ ко спасенію. Прогони дѣйствіе плоти, какъ причину смерти, и плоть спасена, не имѣя уже въ себѣ причины смерти. Апостолъ сказалъ: *законъ духа жизни о Христѣ Іисусѣ свободилъ мя есть отъ закона грѣховнаго и смерти*, безъ сомнѣнія отъ той смерти, о которой въ предъидущей главѣ сказалъ, что живетъ въ удахъ нашихъ. Стало быть уды наши не будутъ уже покорены закону смерти, потому что не покорены закону грѣховному, то есть, будутъ избавлены отъ того и другаго; ибо *немощное закона, въ немъ же немоществоваше плотію, Богъ Сына Своего посла въ подобіе плоти грѣха, и о грѣсѣ осуди грѣхъ во плоти* (Тамъ же VIII. 2 и 3), но не плоть во грѣхѣ. Домъ не осуждается вмѣстѣ съ хозяиномъ. Когда Апостолъ говоритъ, что грѣхъ живетъ въ тѣлѣ нашемъ: то осужденіе грѣха становится оправданіемъ плоти, равно какъ оправданіе грѣха покоряетъ плоть закону смерти и грѣха. Въ семъ же смыслѣ Апостолъ именуетъ не самую плоть, но любовь къ плотскимъ вещамъ, смертію и враждою противъ Бога.

«Но чему же, спросишь ты, должно приписать «плотскія вещи, какъ не плоти?»

Я соглашусь съ тобою, если ты мнѣ докажешь, что плоть имѣетъ сама по себѣ какой либо даръ разсудительности. Но если въ ней нѣтъ никакого подобнаго дара безъ души: то ты можешь понять, что къ душѣ надобно относить и любовь къ плотскимъ ве-

щамъ, приписываемую плоти, потому что плоть покорена душѣ. Вотъ почему Апостолъ сказалъ, что грѣхъ живетъ во плоти именно потому, что душа, преклоняющая насъ ко грѣху, обитаетъ, какъ бы сторонній гость, въ сей плоти, которая присуждена правда къ смерти, но не по причинѣ самой плоти, а по причинѣ грѣха. Въ другомъ мѣстѣ говоритъ онъ: *аще умросте отъ стихій міра, почто аки живуще въ мірѣ стязаетеся* (Колос. II. 20). Онъ писалъ не къ мертвымъ, но къ людямъ, долженствовавшимъ перестать жить по законамъ міра.

XLVII. Когда Апостолъ говоритъ, что *ветхій нашъ человѣкъ со Христомъ распятся:* то это надобно разумѣть въ томъ смыслѣ, *да упразднится тѣло* наше *грѣховное* чрезъ исправленіе нашего поведенія, но не чрезъ истребленіе плоти, и *да не къ тому поработаемъ грѣху, вѣруя, яко аще умрохомъ со Христомъ, то и живи будемъ съ Нимъ.* Почему Онъ и прибавляетъ: *помышляйте убо мертвыхъ себе быти.* Чему мертвыхъ? Плоти ли? Нѣтъ: мертвыхъ *грѣху.* Стало быть эти мертвые въ отношеніи къ плоти будутъ спасены, живя въ Богѣ со Христомъ, живя слѣдовательно во плоти, для которой они не будутъ мертвы, потому что не плоть, а грѣхъ умретъ. Онъ продолжаетъ: *да не царствуетъ убо грѣхъ въ мертвенѣмъ вашемъ тѣлѣ, во еже послушати его въ похотехъ его; ниже представляйте уды ваша оружія неправды грѣху; но представляйте себѣ Богови, яко отъ мертвыхъ живыхъ,* не какъ просто живыхъ людей, но какъ изъ мертвыхъ сдѣлавшихся живыми, *и уды ваша оружія правды Богови.* Также и далѣе: *яко же представисте уды ваша рабы нечистотѣ и беззаконію въ беззаконіе, тако нынѣ представите уды ваша рабы правдѣ во святыню. Егда бо раби бѣсте грѣха, свободни бѣсте отъ правды. Кій убо тогда имѣсте плодъ, о нихъ же нынѣ стыдитеся; кончина бо онѣхъ смерть. Нынѣ же*

свобождшеся отъ грѣха, порабощшеся же Богови, имате плодъ вашъ во святыню; кончину же, жизнь вѣчную. Оброцы бо грѣха смерть; дарованіе же Божіе животъ вѣчный о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ (Римл. VI. 6, 8, 11. 12, 19 — 23).

Такимъ образомъ Апостолъ во всѣхъ сихъ текстахъ, изъемля уды наши изъ неправды и грѣха, дабы пріобщить ихъ къ правдѣ и святынѣ, а притомъ перенося ихъ отъ оброка грѣха къ благодати вѣчной жизни, вполнѣ обѣщаетъ плоти награду спасенія. Никакой бы не было причины велѣть ей жить въ святынѣ и правдѣ, если бы она была вовсе лишена возмездія за свои добродѣтели. Мало того. Не слѣдовало бы налагать на нее и обязанности крещенія, если бы сіе возрожденіе не было преддверіемъ къ ея возстановленію. Это самое и Апостолъ намъ внушаетъ, говоря: *или не разумѣете, яко елицы во Христа Іисуса крестихомся, въ смерть Его крестихомся; спогребохомся убо Ему крещеніемъ въ смерть, да яко же воста Христосъ отъ мертвыхъ славою Отчею, тако и мы во обновленіи жизни ходити начнемъ* (Рим. VI. 3 и 4).

Но чтобы ты не думалъ, что говоритъ онъ тутъ о той новой жизни, которою вѣра велитъ намъ жить по пріятіи крещенія: то онъ съ мудрою предусмотрительностію прибавляетъ: *аще бо сообразни быхомъ подобію смерти Его, то и воскресенія будемъ.* Это сущая правда. Мы умираемъ какъ бы призрачно въ крещеніи, но воскресаемъ дѣйствительно во плоти подобно Христу. Такимъ образомъ *якоже царствова грѣхъ во смерть, такожде и благодать воцарится правдою въ жизнь вѣчную Іисусъ-Христомъ Господемъ нашимъ* (Тамъ же V. 21). Къ чему это сравненіе, если воскресеніе не совершится равномѣрно и во плоти? Туда, гдѣ была смерть, жизнь приходитъ по смерти, потому что жизнь

прежде обитала тамъ, гдѣ потомъ поселилась смерть. Если царство смерти не приноситъ ничего, кромѣ разрушенія плоти: то изъ того слѣдуетъ, что жизнь, противоположная смерти, производитъ также и дѣйствіе противное. Какое это дѣйствіе? Возстановленіе плоти, дабы смерть, поглотившая плоть, могла услышать слѣдующія слова, когда все смертное поглотится безсмертіемъ: *гдѣ ти смерте жало, гдѣ ти аде побѣда?* (1 Кор. XV. 55). Также: *идѣже умножися грѣхъ, преизбыточествова благодать* (Рим. V. 20). Равнымъ образомъ сказано: *сила въ немощи совершается* (2 Кор. XII. 9.), спасая гибнущее, излѣчивая уязвленное, укрѣпляя слабое, искупая похищенное, освобождая приведенное въ рабство, призывая заблуждшее, возставляя павшее, и возносея его отъ земли къ небу, гдѣ имѣемъ мы право на гражданство. Филиппійцы изъ устъ того же Апостола узнали, откуда должны мы ожидать явленія Іисуса Христа (то есть съ неба), *иже преобразитъ тѣло смиренія нашего, яко быти сему сообразну тѣлу славы Его* (Фил. III. 21), преобразитъ безъ сомнѣнія по воскресеніи, потому что и самъ Онъ по воскресеніи же прославился.

Таковы будутъ тѣла наши, которыя Апостолъ увѣщаваетъ Римлянъ *представити* (въ) *жертву живу, святу, благоугодну Богови* (Рим. XII. 1). Какъ могутъ они быть *живою* жертвою, когда должны погибнуть, *святою* жертвою, когда осквернены, *благоугодною* жертвою, когда отвергнуты? Посмотримъ также, какъ эти враги свѣта примутъ и слѣдующія слова къ Солунянамъ, которыя выражены яснѣе солнечныхъ лучей: *Богъ мира да освятитъ васъ всесовершенныхъ (во всемъ), и всесовершенъ вашъ духъ и душа и тѣло непорочно въ пришествіе Господа нашего Іисуса Христа да сохранится* (1 Сол. V. 22 и 23)! Ты видишь: вся сущность

человѣка предназначена для спасенія, но не въ иное какое время, какъ въ пришествіе Господа нашего, который есть какъ бы ключь воскресенія.

XLVIII. «Но, говоришь ты, *плоть и кровь царствія Божія наслѣдити не могутъ.*» Мы это знаемъ: такъ точно написано. Мы отлагали до сихъ поръ говорить о возраженіи, которое противники наши полагаютъ во главу спора своего, предполагая уничтожить его подъ конецъ борьбы по испроверженіи всѣхъ тонкостей, служащихъ ему подпорою. Но пусть обождутъ, пока мы разсмотримъ, что сему изреченію предшествовало, дабы источникъ текста возставилъ ему настоящій смыслъ.

Апостолъ, изложивъ Коринѳянамъ всѣ правила церковнаго благочинія, сосредоточилъ основу Евангелія и вѣры ихъ въ дѣйствительности смерти и воскресенія Господа нашего, дабы вывести залогъ надежды нашей изъ основнаго сего начала. А потому онъ и говоритъ: *Аще Христосъ проповѣдуется, яко изъ мертвыхъ воста, како глаголютъ нѣцыи въ васъ, яко воскресенія мертвыхъ нѣсть. И аще воскресенія мертвыхъ нѣсть, то ни Христосъ воста; аще же Христосъ не воста, тще убо проповѣданіе наше, тща же и вѣра ваша. Обрѣтаемся же и лжесвидѣтеле Божіи, яко послушествовахомъ на Бога, яко воскреси Христа, Его же не воскреси, аще убо мертвіи не востаютъ; аще бо мертвіи не востаютъ, то ни Христосъ воста; аще же Христосъ не воста, суетна вѣра ваша, еще есте во грѣсѣхъ вашихъ; убо и умершіи о Христѣ, погибоша* (1 Кор. XV. 12—18).

Какая была тутъ цѣль Апостола? Чему заставляетъ онъ насъ вѣрить? Воскресенію, скажешь ты, которое иные отвергаютъ. Стало быть онъ хотѣлъ, чтобы мы вѣрили ему сообразно съ примѣромъ воскресенія Господа нашего? Ты отвѣчаешь, что нѣтъ въ томъ со-

мнѣнія. Скажи: примѣръ берется ли съ вещей подобныхъ или различествующихъ? Конечно съ подобныхъ. Какимъ же образомъ Христосъ воскресъ? Во плоти или нѣтъ? Вѣрно во плоти, долженъ ты сознаться, если вмѣстѣ съ св. Писаніемъ пріемлешь, что Онъ умеръ и погребенъ, но умеръ и погребенъ въ Своей плоти, равно какъ и воскресъ въ Своей же плоти. Та же самая сущность, которая подверглась смерти и лежала во гробѣ, должна была и воскреснуть, но не столько Іисусъ Христосъ во плоти, сколько плоть во Іисусѣ Христѣ. И такъ если мы должны воскреснуть по примѣру Іисуса Христа, воскресшаго во плоти: то справедливо и то, что мы не воскресемъ по примѣру Іисуса Христа, когда не воскресемъ также во плоти. *Понеже*, говоритъ Апостолъ, *человѣкомъ смерть бысть*, то *и человѣкомъ воскресеніе мертвыхъ*: онъ хотѣлъ отличить *Адама*, виновника смерти, и Христа, виновника воскресенія; но противопоставя ихъ одного другому и давая обоимъ имя человѣка, онъ тѣмъ обозначаетъ воскресеніе той же сущности, какую имѣетъ и смерть. Если *якоже о Адамѣ вси умираютъ, такожде и о Христѣ вси оживутъ*: то они плотію оживутъ во Христѣ, какъ плотію и умерли въ *Адамѣ*.

Но кійждо во своемъ чину, потому, что каждый оживетъ въ своемъ тѣлѣ. Чинъ не иное что, какъ мѣра заслугъ. Какъ заслуги предназначены для тѣла: то надобно, чтобы чинъ имѣли тѣла, дабы имѣли его и заслуги. Но *что сотворятъ крестящіися мертвыхъ ради*? Мы увидимъ, благоразуменъ ли этотъ обычай. Апостолъ даетъ знать, что источникомъ его есть то мнѣніе, что крещеніе за другихъ можетъ служить въ пользу даже и посторонней плоти по причинѣ надежды на воскресеніе. Если бы воскресеніе не было тѣлесное: то никто не сталъ бы и примѣнять его къ

тѣлесному крещенію. *Аще отнюдь*, говоритъ онъ, *мертвіи не востаютъ, что и крещаются мертвыхъ ради?* Крещаются вѣроятно для того, что душа освящается не только водою омывающею, но и печатію обязательствъ.

Почто, продолжаетъ онъ, *и мы бѣды пріемлемъ на всякъ часъ*, слѣдовательно во плоти? *По вся дни умираю* (1 Кор. XV. 21, 22, 23, 29, 30, 31), все въ той же плоти, въ какой и со звѣремъ боролся онъ въ Ефесѣ. Что это значитъ? Значитъ то, что онъ боролся со звѣремъ той скорби, которая приключилась ему въ Азіи, и о которой упоминаетъ онъ во второмъ своемъ посланіи къ тѣмъ же Коринѳянамъ сими словами: *не хощемъ васъ, братіе, не вѣдѣти о скорби нашей бывшей намъ во Асіи, яко по премногу и паче силы отяготихомся, яко не надѣятися намъ и жити* (2 Кор. 1. 8). Обо всѣхъ сихъ вещахъ, если не ошибаюсь, извѣщаетъ Онъ ихъ только для свѣдѣнія, запрещая имъ почитать скорбь безплодною, и повелѣвая твердо вѣрить въ воскресеніе плоти. Да и въ самомъ дѣлѣ надлежитъ всякую скорбь плоти считать безплодною, если плоть не воскреснетъ.

Но речетъ нѣкто: како востанутъ мертвіи, коимъ же тѣломъ пріидутъ? Апостолъ разсуждаетъ тутъ о качествѣ тѣлъ: мы ниже сего о томъ побесѣдуемъ. Но какъ предметъ сей составляетъ послѣднюю статью нашего спора: то на сей разъ довольно того, если мы скажемъ, что узнать качество тѣлъ значитъ провозгласить во услышаніе всѣхъ, что воскресеніе будетъ тѣлесное.

XLIX. Мы теперь достигли какъ бы до самыхъ нѣдръ вопроса. Какія именно сущности Апостолъ лишилъ царствія Божія, и по какимъ причинамъ? Для сего нужно обратиться къ предшествующимъ тек-

стамъ. *Первый человѣкъ*, говоритъ онъ, *отъ земли перстенъ*, то есть, *Адамъ; вторый человѣкъ Господь съ небесе*, то есть, Слово Божіе, то есть, Христосъ. Однакожъ Христосъ при всемъ томъ, что пришелъ съ небесъ, есть человѣкъ, поколику есть плоть и душа: Онъ есть тоже, что человѣкъ, то же, что Адамъ. Предъ тѣмъ самъ Апостолъ назвалъ Его *послѣднимъ* (вторымъ) *Адамомъ*, потому что участвуя въ сущности его, Онъ участвуетъ и въ его имени, и что какъ плоть Адамова такъ и плоть Христова отъ человѣка не рождены. *Яковъ убо перстный, таковы и перстніи, и яковъ небесный, тацы же и небесніи* (1 Кор. XV. 35, 47, 48). Но одинаковы ли они въ сущности, или лучше сказать одинаковы ли сперва по сообразію жизни, а потомъ и по сообразію заслугъ? Въ самомъ-то дѣлѣ они не могутъ имѣть различной сущности, потому что Апостолъ далъ имя человѣка и людямъ небеснымъ и людямъ перстнымъ. Хотя Іисусъ Христосъ одинъ истинно небесенъ, и превыше, нежели небесенъ; но, будучи человѣкомъ со стороны плоти и души Своей, Онъ не отличается отъ естества сихъ сущностей, то есть, отъ качества перстнаго. Слѣдовательно люди, наименованные по Его примѣру небесными, носятъ это званіе, судя не по настоящей сущности, но по достоинству будущей жизни. Апостолъ выше уже замѣтилъ, отъ чего происходитъ различіе заслугъ, сказавши: *ина слава небеснымъ* (тѣламъ), *и ина земнымъ; ина слава солнцу, и ина слава лунѣ, и ина слава звѣздамъ: звѣзда бо отъ звѣзды разнствуетъ во славѣ*, но не въ сущности.

Наконецъ, опредѣливъ различіе заслугъ въ одинакой сущности, заслугъ, которыя надобно пріобрѣтать теперь, чтобы наслаждаться ими послѣ, Апостолъ *Павелъ* совѣтуетъ намъ соображать здѣсь на землѣ жизнь

нашу съ жизнію Христовою, дабы на небесахъ участвовать во славѣ Его. *Яко облекохомся*, говоритъ онъ, *во образъ перстнаго* (человѣка), *да облечемся и во образъ небеснаго*. Мы были облечены въ образъ перстнаго человѣка по случаю общности преступленія, соучастія въ смерти, изгнанія изъ рая. Но хотя и были мы здѣсь на землѣ облечены въ образъ Адамовъ въ нашей плоти; однакожъ Апостолъ не велитъ намъ совлещись плоти. Если же надлежитъ намъ совлещись не плоти нашей: то стало быть надобно совлещись нашихъ безчинствъ, дабы чрезъ то облечься въ образъ человѣка небеснаго, но не въ образъ самаго Бога, а по примѣру Іисуса Христа, въ образъ святыни, правды и истины. Тутъ Апостолъ не имѣетъ иной цѣли, какъ только подтверждаетъ намъ облечься въ образъ Іисуса Христа въ настоящей плоти и въ настоящее время искуса. Говоря какъ бы повелительнымъ голосомъ: *да облечемся*, онъ обращаетъ рѣчь къ тому времени, когда человѣкъ есть еще только плоть и душа, или, если подъ симъ изреченіемъ надобно разумѣть какую либо другую сущность, какъ-то небесную, то все же обѣщаніе на сей счетъ дано той самой сущности, которой предписано заслужить его своими усиліями. И такъ опредѣливъ, какой образъ жизни должны имѣть образъ перстнаго и образъ небеснаго человѣка, съ тѣмъ чтобъ одинъ былъ отвергаемъ, а другой пріемлемъ, онъ потомъ присовокупляетъ: *сіе же глаголю, братіе* (другими словами сказать, говорю по причинѣ того, о чемъ предъ симъ говорилъ: союзъ же связываетъ здѣсь послѣдующее съ предъидущимъ), *сіе же глаголю, братіе, яко плоть и кровь царствія Божія наслѣдити не могутъ* (1 Кор. XV. 40, 41, 49, 50). Подъ словами плоть и кровь Апостолъ разумѣетъ единственно перстнаго человѣка, о которомъ только что гово-

рилъ. Если плоть царствуетъ въ образѣ жизни ветхаго человѣка, и если образъ жизни ветхаго человѣка не можетъ войти въ царствіе Божіе: то слѣдовательно плоть и кровь, которыя также въ царствіе Божіе войти не могутъ, вполнѣ примѣняются къ образу жизни ветхаго человѣка. Если Апостолъ никогда сущности не принималъ за дѣянія: то конечно и здѣсь того не пріемлетъ. Но если, напротивъ того, онъ объявляетъ, что *сущіи во плоти якоже не во плоти суть*, желая чрезъ то сказать, что они болѣе не исполняютъ дѣяній плоти: то ты не долженъ извращать способа и смысла его выраженій, когда онъ исключаетъ изъ царствія Божія не сущность, а дѣянія сущности. Показавъ Галатамъ, какія это дѣянія, онъ прибавляетъ: *яже предглаголю вамъ, якоже и предрекохъ, яко таковая творящіи царствія Божія не наслѣдятъ* (Гал. V. 21), потому что они не облечены въ образъ небеснаго человѣка, но въ образъ человѣка перстнаго; а потому и считаются только, какъ плоть и кровь, по причинѣ прежняго ихъ образа жизни. Изъ того, что Апостолъ вдругъ сказалъ, что плоть и кровь не наслѣдятъ царствія Божія, не объяснивъ дѣла предварительно, не уже ли мы не можемъ понять, что тутъ рѣчь идетъ о двухъ сущностяхъ, означающихъ ветхаго человѣка, который преданъ плоти и крови, то есть, ѣдѣ и питію, и которому свойственно вопреки вѣры въ воскресеніе вопіять: *да ямы и піемъ, утро бо умремъ* (1 Кор. XV. 32)? Вотъ что именно Апостолъ опорочилъ въ плоти и крови: плоды ихъ, обжорство и пьянство.

L. Но оставляя въ сторонѣ толкованія, осуждающія дѣянія плоти и крови, мы смѣло можемъ обѣщать воскресеніе симъ сущностямъ, разумѣется въ томъ видѣ, какъ онѣ есть. Дѣйствительно плоти и

крови преграждено не воскресеніе, но царствіе Божіе, которое наступитъ послѣ воскресенія; ибо будетъ воскресеніе и для суда. Исключить это частное для суда воскресеніе, значитъ утвердить общее воскресеніе плоти. Объявивъ, въ какомъ состояніи не воскреснетъ плоть, мы можемъ подразумѣвать, въ какомъ состояніи она и воскреснетъ. Слѣдовательно такъ какъ дѣяніе сущности, а не основа самой сущности, опредѣляетъ различіе въ воскресеніи: то изъ сего очевидно явствуетъ, что плоть и кровь далеки отъ царствія Божія по причинѣ грѣха, но не по причинѣ сущности, и должны воскреснуть для суда, потому что для царствія Божія воскреснуть не могутъ.

Другое уваженіе. *Плоть и кровь царствія Божія наслѣдовати не могутъ.* Онѣ дѣйствительно однѣ и сами по себѣ наслѣдовать его не могутъ. Апостолъ хотѣлъ показать, что имъ потребенъ духъ; ибо *духъ животворитъ* для царствія Божія, а *плоть* тутъ *не пользуетъ ничтоже.* Но пользовать здѣсь можетъ другая вещь: это духъ и посредствомъ его дѣянія духа. Въ семъ отношеніи всякая плоть, всякая кровь должны воскреснуть по естеству своему; однакожъ надобно, чтобы тѣ, которымъ предоставлено войти въ царствіе Божіе, облеклись въ силу нетлѣнія и безсмертія, безъ которой они въ царствіе Божіе войти не могутъ. Стало быть справедливо сказали мы, что плоть и кровь сами по себѣ не способны пріобрѣсть это царство. *Но егда тлѣнное сіе,* то есть, плоть, *облечется въ нетлѣніе, и смертное сіе,* то есть, кровь, *облечется въ безсмертіе* (1 Кор. XV. 54), по случаю измѣненія, имѣющаго послѣдовать при воскресеніи: то плоть и кровь, которыя не говорю не воскреснутъ, но не измѣнятся, конечно не могутъ наслѣдовать царствія Божія.

Иные хотятъ, чтобы черезъ плоть и кровь разумѣлось, по причинѣ обрѣзанія, Іудейство, которое дѣйствительно удалено отъ царствія Божія, потому что оно принадлежитъ ветхому человѣку, и которое Апостоломъ объяснено такъ: *егда благоволи Богъ явити Сына Своего во мнѣ, да благовѣствую Его во языцѣхъ, абіе не приложихся плоти и крови* (Гал. I. 15 и 16), то есть, Іудейству, какъ-то онъ пишетъ въ посланіи къ Галатамъ.

LI. Отложенное подъ конецъ нами изъясненіе послужитъ оправданіемъ всѣмъ здравомыслящимъ людямъ и самому даже Апостолу. Въ самомъ дѣлѣ надлежало бы обвинить его въ неразсудительности, если бы онъ, какъ иные думаютъ, легкомысленно и слѣпо, безъ разбора и различія, исключилъ всякую вообще плоть и кровь изъ царствія Божія, а слѣдовательно и изъ селеній небесныхъ, не смотря на то, что тамъ одесную Отца Своего сидитъ Іисусъ Христосъ, человѣкъ, хотя и Богъ, вторый Адамъ, хотя и первородное Слово, плоть и кровь, хотя несравненно чище нашей плоти и крови, Іисусъ Христосъ, который долженъ сизойти съ небесъ, по свидѣтельству Ангеловъ, въ той же сущности и въ томъ же видѣ, въ какихъ и вознесся туда, дабы Его признали поругавшіе Его. Будучи наименованъ *ходатаемъ у Бога и человѣковъ* по возложенному отъ Отца на Него двойственному залогу, Онъ хранитъ въ Самомъ Себѣ залогъ плоти, какъ бы вкладъ цѣлаго залога. Подобно какъ Онъ оставилъ намъ во вкладъ духа, такъ получилъ Онъ отъ насъ во вкладъ плоть, и перенесъ въ небеса ручательство цѣлаго залога, имѣющаго тамъ нѣкогда совокупиться. И такъ, плоть и кровь! не теряйте надежды: вы пріобрѣли и небо и царствіе Божіе во Іисусѣ Христѣ; или, если кто станетъ отъимать у васъ это право у

Него, то люди, изгоняющіе васъ съ небесъ, да отвергнутъ пребываніе на небесахъ и самаго Іисуса Христа. Такимъ образомъ хотя Апостолъ и говоритъ, что тлѣніе не наслѣдуетъ сего нетлѣннаго царства, но отнюдь не въ томъ смыслѣ, чтобы ты плоть и кровь принималъ за тлѣніе; ибо онѣ-то и подвержены тлѣнію смерти, которая приводитъ плоть и кровь не только въ тлѣніе, но и въ уничтоженіе. Но онъ объявилъ, что дѣянія плоти и крови царствія Божія наслѣдовать не могутъ. Стало быть для придачи большей силы своей мысли, онъ у самаго тлѣнія, то есть, у смерти, находящей выгоду свою въ дѣяніяхъ плоти и крови, отъемлетъ наслѣдованіе нетлѣнія. Нѣсколько ниже онъ объясняетъ, такъ сказать, смерть самой смерти, говоря: *пожерта бысть смерть побѣдою. Гдѣ ти смерте жало; гдѣ ти аде побѣда* (1 Кор. XV. 54 и 55)? *Жало смерти* есть *грѣхъ*; грѣхъ есть тлѣніе; *сила грѣха* есть *законъ*; *законъ* этотъ, какъ говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, борется въ удахъ его противъ закона духа, то есть, борется свобода грѣшить противъ его воли. Выше сказалъ онъ: *послѣдній врагъ испразднится смерть* (Тамъ же XV. 26). Въ семъ-то смыслѣ тлѣніе не наслѣдуетъ нетлѣнія. Что хочетъ онъ сказать? То, что смерть не продолжится. Какъ и когда она исчезнетъ? *Вскорѣ, во мгновеніи ока въ послѣдней трубѣ, когда мертвіи востанутъ нетлѣнни.* Кто эти мертвые, какъ не подвергшіеся прежде тлѣнію, иными словами сказать, имѣвшіе тѣло или плоть и кровь? Тогда *мы измѣнимся.* Изъ какого состоянія измѣнимся мы, какъ не изъ того, въ которомъ будемъ найдены? *Подобаетъ тлѣнному сему облещися въ нетлѣніе и мертвенному сему облещися въ безсмертіе* (1 Къ Кор. XV. 52 и 53). Что такое это мертвенное тѣло, какъ не плоть? Что такое тѣло тлѣнное, какъ не кровь?

Но что бы ты не воображалъ, что Апостолъ говоритъ здѣсь о чемъ либо другомъ: то посмотри, съ какимъ къ тебѣ вниманіемъ и съ какимъ усиліемъ старается онъ тебя вразумить, что рѣчь идетъ о плоти. Когда онъ произноситъ *мертвенное сіе, тлѣнное сіе*: то указуетъ какъ бы на собственное тѣло. Да и подлинно онъ не могъ сказать *сіе*, не имѣя предъ главами тѣла видимаго и явнаго. Слово это означаетъ кого либо, показывающаго тѣло. Иная вещь тѣло тлѣнное, и иная тлѣніе. Иная вещь тѣло мертвенное, и иная смерть. Иное то, что страждетъ, и иное то, что заставляетъ страдать. Слѣдовательно то, что вытерпливаетъ тлѣніе и смерть, то есть, плоть и кровь, неминуемо должно получить нетлѣніе и безсмертіе.

LII. Разсмотримъ теперь, какое тѣло воспримутъ мертвые по словамъ Апостола. Къ счастію онъ начинаетъ объявленіемъ отвѣта, какъ бы кто сдѣлалъ ему о томъ вопросъ: *безумне! ты еже сѣеши, не оживетъ, аще не умретъ*. Да будетъ извѣстно и вѣдомо, что плоть, получающая жизнь, есть таже самая, которая и умираетъ. Тогда все послѣдующее будетъ весьма ясно. Не должно иначе вещей понимать, какъ опредѣляетъ представленный здѣсь примѣръ пшеницы. Потому-то послѣ и сказано: *еже сѣеши, не тѣло будущее сѣеши, но голо зерно, аще случится, пшеницы или иного отъ прочихъ* (тамъ же XV. 36 и 37). Не думай, чтобы тѣло, имѣющее воскреснуть, было иное, нежели какое посѣяно смертію. Ты тотчасъ удалишься отъ того, что опредѣляетъ примѣръ. Когда посѣется рожь и истлѣетъ въ землѣ: то не овесъ отъ нея родится, но зерно, подобное видомъ, родомъ и естествомъ тому зерну, какое посѣяно. Да и откуда бы оно взялось, когда оно не тоже? Тлѣніе зерна есть самое зерно, потому что оно изъ самаго себя возраждается.

Однакожъ не объявляетъ ли Апостолъ, какъ будто посѣянное тѣло не будетъ такимъ, какимъ нѣкогда пожнется, когда говоритъ: *но* (ты сѣеши) *голо зерно, аще случится, пшеницы или иного отъ прочихъ: Богъ же даетъ ему тѣло, яко же восхощетъ?* По словамъ Апостола здѣсь рѣчь идетъ собственно о посѣянномъ голомъ зернѣ. Стало быть это зерно, которому Богъ даетъ тѣло, не погибаетъ. Какъ же не погибаетъ оно, когда его уже нѣтъ, когда оно не востаетъ, когда не востаетъ одинакое? Если не востаетъ оно, то погибаетъ; если погибаетъ, то не можетъ отъ Бога получить тѣла. Но вѣрно и неоспоримо, что оно не погибаетъ. За чѣмъ же Богу давать ему тѣло, какое восхощетъ, когда оно имѣетъ уже голое тѣло, если не за тѣмъ, чтобъ его воскресить тогда, какъ не будетъ оно болѣе голымъ? Такимъ образомъ то, что возвышается надъ зерномъ, есть прибавокъ къ нему: тѣло зерна не уничтожается чрезъ этотъ прибавокъ, но только прибавляется. Сѣютъ зерно, не прикрывая его ничѣмъ, не готовя поддержекъ для колоса, не думая защитить его усовъ, не придавая красы стволу; но оно подымается въ обиліи, исполненное прибытка, въ надлежащей формѣ, съ соблюденіемъ чуднаго порядка, защищенное своимъ убранствомъ, прикрытое со всѣхъ сторонъ. Вотъ что составляетъ то другое тѣло, которое Богъ ему дастъ чрезъ премѣненіе, долженствующее не уничтожить, но пріумножить его. Каждому сѣмени Богъ назначилъ свое тѣло, но не тѣло въ смыслѣ первоначальнаго его тѣла, дабы получаемое имъ отъ Бога извнѣ тѣло было собственное его.

Придержись сего примѣра, и считай его какъ бы образомъ того, что происходитъ во плоти, вѣря несомнѣнно, что таже плоть, которая посѣяна, снова

прозябнетъ, прозябнетъ та же, но совершеннѣйшая, прозябнетъ подобная, но въ иномъ видѣ; ибо получитъ отъ Бога силу и убранство, какими благоугодно Ему будетъ одѣть ее, смотря по ея заслугамъ. Вѣроятно Апостолъ хотѣлъ это же самое обозначить, сказавши: *не всяка плоть таже плоть* (1 Кор. XV. 39), не потому чтобъ онъ отрицалъ общность сущности, но равенство преимущества, назначая тѣлу различіе славы, а не естества. Посему-то также онъ въ фигуральномъ смыслѣ присовокупляетъ и примѣры животныхъ и стихій, сказуя: *ина плоть человѣкомъ*, то есть служителю Божію, который есть истинный человѣкъ; *ина плоть скотомъ*, то есть, язычнику, о которомъ Пророкъ говоритъ: *приложися скотомъ несмысленнымъ* (Псал. XLVIII. 13); *ина птицамъ*, то есть, мученикамъ, пріемлющимъ возвышенный полетъ; *ина рыбамъ*, то есть, тѣмъ, которые считаютъ достаточнымъ одно крещеніе. Равнымъ образомъ онъ заимствуетъ доводы свои и отъ небесныхъ тѣлъ: *ина слава солнцу*, то есть, Іисусу Христу; *ина слава луны*, то есть, Церкви; *ина слава звѣздамъ*, то есть, потомству *Авраамову*; *звѣзда отъ звѣзды разнствуетъ во славѣ; ина слава тѣламъ небеснымъ и ина земнымъ*, то есть, Христіанину и Іудею.

Показавъ въ фигурахъ отличіе славы, но не сущности, Апостолъ говоритъ, что *такожде* будетъ *и воскресеніе мертвыхъ*. Какъ это? Онъ не опредѣляетъ отличія ни для чего инаго, какъ только для славы. Приписавъ опять воскресеніе, той же сущности, онъ возвращается къ своему сравненію съ хлѣбнымъ сѣмесемъ: *сѣется въ тлѣніе, востаетъ въ нетлѣніи, сѣется не въ честь, востаетъ въ славѣ, сѣется въ немощи, востаетъ въ силѣ, сѣется тѣло душевное, востаетъ тѣло духовное*. Дѣйствительно, что воскресаетъ, то посѣяно; что по-

сѣяно, то истлѣваетъ въ землѣ, что истлѣваетъ въ землѣ, то та самая есть плоть, которую Богъ сокрушилъ приговоромъ Своимъ: *земля еси и въ землю пойдеши*, потому что она извлечена изъ земли. Посему-то Апостолъ и говоритъ, что она посѣяна, когда возвращается въ землю; ибо земля есть хранилище сѣменъ, которые въ нее кладутся и изъемлются изъ нея. Вотъ зачѣмъ онъ снова утверждаетъ эту истину, прибавляя: *тако и писано есть* (1 Кор. XV. 39—45), дабы ты не подумалъ, что быть посѣяннымъ значитъ что либо иное, какъ пойти въ землю, изъ которой ты взятъ, а равно, что находящееся въ землѣ есть что либо иное, какъ плоть; ибо тако писано есть.

LIII. Иные хотятъ, чтобы симъ животнымъ или душевнымъ тѣломъ была душа, дабы лишить плоть чести воскресенія. Но какъ уже извѣстно и доказано, что тѣло, имѣющее воскреснуть, есть тоже, которое и посѣяно: то достаточно будетъ противопоставить имъ самый опытъ, впрочемъ да покажутъ они намъ, что душа посѣяна по смерти, то есть, что она умираетъ, разрушается, разсѣвается, уничтожается, къ чему однакожъ отъ Бога не присуждена; да представятъ предъ глаза наши ея тлѣніе, ея уничиженіе, ея немощь, дабы она воскресла въ нетлѣніи, въ славѣ и въ силѣ. Вопреки тому, въ *Лазарѣ*, главномъ образцѣ воскресенія, плоть была изнурена немощію, плоть подвергалась почти гніенію, знаменавшему срамъ ея, плоть испускала смрадъ тлѣнія; и тотъ же самый *Лазарь* воскресъ во плоти, воскресъ безъ сомнѣнія съ душею, но съ душею нетлѣнною, которой никто не обвязывалъ убрусомъ, которой никто не полагалъ во гробъ, отъ которой никто не обонялъ запаха трупа, которой никто не видалъ посѣянною въ теченіи четырехъ дней. Этому состоянію, этому кон-

цу *Іазаря,* подвергается и теперь плоть каждаго человѣка, но душа никогда. Стало быть то, что написано перомъ Апостола, то, что имъ изречено, заключается въ томъ, что *сѣется тѣло душевное, востаетъ тѣло духовное.* Въ помощь къ убѣжденію твоему можетъ служить еще и то, что онъ, основываясь на авторитетѣ св. Писанія, повторяетъ древнее изреченіе: *бысть первый человѣкъ Адамъ въ душу живу* (1 Кор. XV. 44 и 45).

Если первый человѣкъ есть *Адамъ* и если плоть предшествовала душѣ: то безъ всякаго сомнѣнія плоть сотворена была для души. Если, будучи тѣломъ, сотворена она для души: то какъ скоро пріяла ее, должна она была сдѣлаться тѣломъ душевнымъ. Какимъ именемъ назвать ее, какъ не тѣмъ, которое означаетъ то, чѣмъ она стала чрезъ душу, чѣмъ не была прежде души, чѣмъ не будетъ и послѣ души, исключая когда воскреснетъ? Пріобрѣвши однажды душу, она становится душевнымъ тѣломъ, дабы сдѣлаться тѣломъ духовнымъ. Воскресаетъ только то, что прежде существовало. Такимъ образомъ таже причина, которая даетъ душѣ имя душевнаго тѣла, служитъ доказательствомъ, что имя это нимало не приличествуетъ душѣ. Плоть была тѣломъ прежде, нежели сдѣлалась душевнымъ тѣломъ. Она сдѣлалась душевнымъ тѣломъ только отъ присутствія души. Что касается до души: то хотя она и тѣло, но будучи тѣломъ, не столько одушевляемымъ, сколько одушевляющимъ, она не можетъ ни именоваться тѣломъ душевнымъ, ни сдѣлаться тѣмъ, что производитъ. Вошедши въ тѣло, она дѣлаетъ его тѣломъ душевнымъ; но не вошедши въ него, какимъ образомъ можетъ она сама себя сдѣлать душевнымъ тѣломъ? Подобно какъ плоть стала прежде душевнымъ тѣломъ чрезъ пріятіе души, такъ дѣлается она по-

томъ духовнымъ тѣломъ чрезъ пріятіе духа. Таковъ порядокъ, которому Апостолъ послѣдовалъ, и который полагалъ онъ въ Адамѣ и во Христѣ главною основою ихъ отличія. Именуя Христа новымъ *Адамомъ*, онъ употребилъ всю силу ученія, чтобъ утвердить воскресеніе не души, но плоти. *Адамъ* первый человѣкъ былъ плотію, а не душею, потому что *живою душею* сотворенъ уже въ послѣдствіи; а новый *Адамъ* Іисусъ Христосъ потому только *Адамъ*, что онъ человѣкъ, и потому только человѣкъ, что онъ плоть, а не душа. Вотъ почему Апостолъ и прибавляетъ: *но не прежде бысть* (тѣло) *духовное, но душевное, потомъ же духовное* (1 Кор. XV. 46), въ отношеніи къ тому и къ другому *Адаму*. За чѣмъ, спрошу я тебя, отличаетъ онъ душевное тѣло и духовное тѣло въ той же плоти, начавши съ того, что утвердилъ прежде это отличіе въ томъ и въ другомъ *Адамѣ*, то есть, въ томъ и въ другомъ человѣкѣ? Какою сущностію подобны между собою Христосъ и *Адамъ*? Плотію, хотя также и душею; но собственно человѣкомъ тотъ и другой сдѣлался черезъ плоть. Плоть была человѣкомъ первая, и по плоти наименованы они одинъ первымъ, а другой вторымъ человѣкомъ, то есть, первымъ и вторымъ *Адамомъ*.

Впрочемъ вещи различнаго естества не могутъ имѣть разрядовъ между собою, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ сущности, а развѣ въ отношеніи къ мѣсту, времени и положенію. Тутъ напротивъ того они наименованы первымъ и вторымъ по сущности плоти, какъ-то и Апостолъ говоритъ: *первый человѣкъ отъ земли перстенъ, вторый человѣкъ Господь съ небесе* (Тамъ же XV. 47), потому что послѣдній изъ нихъ, хотя и снизшелъ съ небеси, но Онъ человѣкъ по плоти. Слѣдовательно какъ въ томъ, такъ и въ другомъ *Адамѣ* при-

личествовало для плоти, а не для души, чтобъ оба эти человѣка были отличены, одинъ *въ душу живу*, а другой *въ духъ животворящъ*. Изъ сего между ими отличія можно заключить, что и слѣдующія слова относятся также къ плоти: *но не прежде духовное, но душевное, потомъ же духовное*. Отсюда равномѣрно явствуетъ, что ее надобно разумѣть и подъ тою плотію, въ разсужденіи которой сказано, что *сѣется тѣло душевное, востаетъ тѣло духовное*, потому что *бысть не прежде духовное, но душевное*, и что первый *Адамъ* получилъ душу, а вторый *Адамъ* духа. Словомъ сказать, все то, что составляетъ человѣка, есть плоть, поколику онъ человѣкъ.

Какъ же, спросимъ мы? Не уже ли плоть не пріобрѣтаетъ здѣсь на землѣ духа вѣры? Какимъ образомъ можно назвать душевнымъ то тѣло, которое сѣется? Плоть конечно получила духа еще на семъ свѣтѣ, но только какъ залогъ; душу же пріяла она не какъ залогъ, а во всей полнотѣ. Почему и названа она душевнымъ тѣломъ по имени благороднѣйшей сущности, въ какой сѣется, дабы нѣкогда учиниться духовнымъ тѣломъ посредствомъ полноты духа, въ которой должна воскреснуть. Дивно ли, что она заимствуетъ имя свое преимущественнѣе отъ того, что всю ее наполняетъ, нежели отъ того, что едва проникаетъ въ нее?

LIV. Одинакія слова часто возбуждаютъ такіе же вопросы, какъ и совокупность словъ. Апостолъ написалъ: *да пожерто будетъ мертвенное*, то есть, плоть, *животомъ* (2 Кор. V. 4). Противники наши приняли это изреченіе за уничтоженіе плоти, между тѣмъ какъ слово *пожерто* значитъ совсѣмъ не то. Слѣдующія слова: *подобаетъ мертвенному сему облещися въ безсмертіе* (1 Кор. XV. 53), достаточно показываютъ, какимъ

образомъ мертвенное бываетъ пожерто или поглощено жизнію, будучи одѣяно въ ризу безсмертія, которая его прикроетъ и поддержитъ; но оно будетъ пожерто такъ, что не подвергнется чрезъ то конечному истребленію.

«Стало быть, говоришь ты, и смерть также будетъ существовать, хотя и пожерта.» Выраженія правда общія; но ты долженъ судить сообразно съ смысломъ, и тогда, поймешь все, какъ должно. Иная вещь смерть, и иная мертвенное. Изъ сего слѣдуетъ, что смерть пожерта будетъ однимъ образомъ, а мертвенное другимъ. Смерть не совмѣстна съ безсмертіемъ, а плоть пріемлетъ его. Притомъ же сказано: *подобаетъ мертвенному сему облещися въ безсмертіе.* Какъ оно получитъ его? *Когда пожерто будетъ животомъ.* Какъ будетъ оно животомъ пожерто? Когда будетъ воспринято, приведено и заключено само въ себя. Впрочемъ смерть по справедливости будетъ пожерта, съ тѣмъ, чтобы никогда не существовать, потому что и она пожираетъ для того, чтобъ уничтожить. *Смерть*, сказано, *пожерта бысть побѣдою. Гдѣ ти смерте жало? Гдѣ ти побѣда?* Слѣдовательно жизнь, какъ противница смерти, при сей побѣдѣ пожретъ, чтобы спасти то, что смерть пожрала, чтобы погубить.

LV. Хотя доказывая, что плоть воскреснетъ, мы доказываемъ вмѣстѣ и то, что иной плоти не воскреснетъ, кромѣ той, о которой рѣчь идетъ; однакожъ какъ всякое предложеніе и связующіяся съ нимъ побужденія требуютъ особаго разбора: то хотя мы побужденія сіи уже и отвергли, но теперь пространнѣе объяснимъ силу и образъ того измѣненія, которое подаетъ по видимому поводъ думать, что воскреснетъ другая плоть, какъ будто измѣниться значитъ тоже, что навсегда кончиться и погибнуть во всемъ прежнемъ

бытіи. Надобно отличать измѣненіе отъ всего того, что походитъ на гибель существа. Иная вещь есть измѣненіе, и иная уничтоженіе. Отличіе не существуетъ уже, когда плоть имѣетъ такое естество, что можетъ уничтожиться, и она при измѣненіи уничтожится, когда не пребудетъ въ семъ измѣненіи тою, какою окажется при воскресеніи. Подобно какъ она истребляется, если не воскреснетъ, такъ гибнетъ она, хотя бы и воскресла, если исчезнетъ при этомъ измѣненіи. Она не будетъ существовать, все равно какъ бы и не воскресала. Какое безразсудство полагать, что она воскреснетъ для того, дабы не существовать? Она могла перестать существовать и не воскресши, когда начала уже не существовать. Вещи совершенно отличныя, какъ-то измѣненіе и истребленіе, не смѣшиваются. Онѣ различны по своимъ дѣйствіямъ: одна превращаетъ, другая губитъ. Стало быть какъ истребленное не измѣняется, такъ не истребляется и измѣненное. Быть истребленнымъ значитъ не быть ничѣмъ, чѣмъ кто прежде былъ: быть измѣненнымъ значитъ сдѣлаться другимъ. Бывши другимъ, можно остаться такимъ, какимъ кто былъ. Что не истреблено, то можетъ существовать: оно подверглось измѣненію, но не истребленію.

Одна и таже вещь можетъ и измѣниться и уничтожиться. Это такъ справедливо, что человѣкъ, хотя существенно одинъ и тотъ же, но многократно измѣняется въ наружности, въ видѣ, въ здоровьѣ, въ положеніи, въ достоинствѣ, въ возрастѣ, во вкусѣ, въ дѣлахъ, въ промышленности, въ имуществѣ, въ законахъ, въ правахъ, и при всемъ томъ остается человѣкомъ, не дѣлаясь другимъ до того, чтобы не былъ тотъ же, или лучше сказать, онъ становится не другимъ, а другою вещію.

Божественныя свидѣтельства подтверждаютъ виды сего измѣненія. Рука *Моисеева* измѣняется: она дѣлается какъ бы мертвою, лишенною крови, блѣдною, холодною; но какъ скоро теплота въ нее возвращается, она пріемлетъ прежній цвѣтъ: это однакожъ таже плоть и таже кровь. Потомъ измѣняется лице его, озаряясь такимъ сіяніемъ, котораго сносить нельзя; но этотъ человѣкъ, на котораго не можно было смотрѣть, былъ тотъ же *Моисей*. Равнымъ образомъ и *Стефанъ* озаренъ былъ великимъ свѣтомъ при видѣ славы Божіей; но колѣна его, преклоненныя къ землѣ, въ то время какъ онъ былъ побиваемъ камнями, нисколько не были отличны. Самъ Господь нашъ, уединясь на гору, измѣнилъ ризы Свои въ лучи свѣта; но сохранилъ черты лица, которыя были извѣстны *Петру*. *Моисей* и *Илія*, присутствовавшіе тутъ, одинъ въ образѣ плоти, которой еще обратно не получилъ, а другой въ истинной плоти, которой еще не совлекался, дали намъ уразумѣть, что тѣло и въ прославленномъ состояніи сохраняетъ свои обычаи. Наставленный симъ примѣромъ, *Павелъ* сказалъ: *Христосъ преобразитъ тѣло смиренія нашего, яко быти сему сообразну тѣлу славы Его* (Филип. III. 21).

Если ты думаешь, что преображеніе и измѣненіе суть истребленіе сущности: то выйдетъ, что *Саулъ*, обращенный, какъ говоритъ Писаніе, въ другаго человѣка, былъ не тотъ уже человѣкъ, и что *самъ сатана, преобразуясь въ ангела свѣтла* (2 Кор. XI. 14), лишается своего качества. Я не такого мнѣнія. Такимъ образомъ измѣненіе, обращеніе и преображеніе, долженствующія совершиться при воскресеніи, нимало не исключаютъ сохраненія сущности.

LVI. Въ семъ двойственномъ отношеніи сколь было бы страшно и несправедливо, сколь было бы недо-

стойно Бога, чтобъ одна сущность трудилась, а другая удостоивалась награды, чтобъ одна терпѣла мученіе, а другая была увѣнчана, и съ другой стороны, чтобъ одна пресмыкалась во всѣхъ нечистотахъ плоти, а другая была осуждена и отвергнута? Не лучше ли отказаться отъ вѣры и отъ надежды на воскресеніе, нежели такимъ образомъ издѣваться надъ премудростію и надъ правосудіемъ Божіимъ? Какъ! *Маркіонъ* воскреснетъ за *Валентина* тогда, какъ невѣроятно, чтобы умъ, память и совѣсть человѣка въ настоящемъ его положеніи, могли быть истреблены облаченіемъ и премѣненіемъ безсмертія и нетлѣнія! Притомъ же всѣ выгоды, всѣ плоды воскресенія, всѣ приговоры божественнаго суда, не имѣли бы въ такомъ случаѣ своего дѣйствія. Какимъ образомъ вознесу я славу Божію, если не помню, что я это заслужилъ? Какъ воспою я Ему пѣснь новую, если не знаю, что мнѣ предлежитъ воздавать Ему хвалу? Но почему измѣненіе сіе происходитъ только во плоти, а не въ душѣ, предсѣдящей надъ всѣми дѣяніями плоти? Какъ вообразить, чтобы душа, проведшая всю жизнь во плоти, имѣвшая познаніе о Богѣ, облекшаяся во Іисуса Христа и породившая надежду спасенія въ той же плоти, пожинала плоды всего сего въ другой плоти, неизвѣстно какой? Надобно, чтобъ эта другая плоть имѣла много прелестей для полученія жизни безъ всякаго труда. Если душа не должна измѣниться: то нѣтъ для души и воскресенія. Нельзя повѣрить, чтобъ она воскресла, когда не воскреснетъ она въ отличномъ видѣ.

LVII. Обратимся къ самому обыкновенному возраженію невѣрующихъ. «Если, говорятъ они, одна и «таже сущность возродится со своимъ видомъ, черта«ми, качествомъ, и, стало быть, съ отличительными «своими признаками: то слѣдовательно слѣпые, хро-

«мые, разслабленные и вообще всѣ, умершіе съ ка-«кимъ либо безобразіемъ, явятся съ симъ безобра-«зіемъ.»—Хотя для тебя и презрительно получить бла-годать сію отъ Бога, въ какомъ бы ты состояніи ни былъ, но, признавая только спасеніе души, ты самъ предоставляешь спасеніе какъ бы получеловѣкамъ. Можно ли вѣрить воскресенію, не вѣря ему во всей полнотѣ? Если плоть по истлѣніи возстановится: то кольми паче исцѣлится она отъ тѣлесныхъ недостатковъ. Значительныя вещи служатъ правиломъ для менѣе значительныхъ. Поврежденіе или переломъ члена не составляетъ ли смерти сего члена? Если воскресеніе истребляетъ всеобщую смерть: то не истребитъ ли и смерти частной? Если мы измѣнимся для полученія славы, то тѣмъ паче для пріобрѣтенія цѣлости своей. Несовершенство тѣлъ есть случайность. Цѣлость есть папа принадлежность: мы родимся съ нею. Когда мы даже въ утробѣ матерней подвергаемся какому либо вреду; то онъ есть вредъ совершеннаго человѣка. Родъ предшествуетъ случаю. Какую жизнь Богъ далъ намъ, такая будетъ и возстановлена: какую получили мы, такую и воспримемъ. Мы будемъ вновь дѣтями природы, а не несчастія; оживемъ такими, какими родились, а не какими сдѣлало насъ бѣдствіе. Если Богъ не воскреситъ людей цѣлыми, то не воскреситъ и мертвыхъ. Но кто умираетъ совершенно цѣлымъ, хотя по видимому цѣлымъ умираетъ? Здоровъ ли человѣкъ, когда прекращается жизнь его? Какое тѣло безъ поврежденія бываетъ, когда оно мертво, холодно, блѣдно, нечувствительно, окостенѣло, когда оно трупъ? Когда человѣкъ немощенъ, какъ не въ то время, когда весь подверженъ немощамъ? Когда онъ разслабленъ, какъ не въ то время, когда остается совсѣмъ неподвиженъ? Воскресить мертваго

не иное что, какъ возставить его въ цѣлости, дабы онъ опять не умеръ въ части невоскресшей. Богъ способенъ передѣлать то, что сотворилъ. Онъ представилъ во Христѣ достаточное ручательство Своего могущества и щедролюбія. Мало того. Онъ явилъ Его не только воскрешающимъ плоть, но и поправляющимъ ее. Потому Апостолъ и говоритъ: *мертвіи востанутъ нетлѣнни* (1 Кор. XV. 52). Это будетъ не иначе, какъ что сотлѣвшіе отъ изнеможенія или отъ старости востанутъ въ цѣлости. Выше сего предлагая двойственное состояніе, что *подобаетъ тлѣнному сему облещися въ нетлѣніе и мертвенному сему облещися въ безсмертіе*, Апостолъ не разсудилъ повторить мысли своей, но обозначилъ только отличіе. Примѣнивъ чрезъ сіе отличіе безсмертіе къ истребленію смерти, а нетлѣніе къ уничтоженію тлѣнности, онъ приспособилъ первое къ воскресенію, а послѣднее къ возстановленію плоти. Въ посланіи къ Солунянамъ онъ обѣщаетъ полное возстановленіе всякой сущности. Слѣдовательно не должно бояться тѣлесныхъ безобразій. Цѣлость, сохраненная или возстановленная, не можетъ подвергаться утратѣ, коль скоро утраченное ей возвращено. Утверждая, что плоть, воскресши та же самая, будетъ вновь порабощаться страстямъ, ты неблагоразумно защищаешь природу противъ ея Создателя, злочестиво вооружаешь законъ противъ благодати, какъ будто бы Богъ не въ состояніи измѣнить природу, не подвергая ее игу закона. Посему-то мы и читаемъ: *невозможная у человѣкъ, возможна суть у Бога* (Луки XVIII. 27);—*буля міра избра Богъ, да премудрыя посрамитъ* (1 Кор. I. 27). Спрашиваю тебя: когда ты далъ рабу свободу и тѣмъ измѣнилъ его положеніе: то долженъ ли онъ и впредь подвергаться бичеванію, оковамъ, побоямъ, потому

только, что имѣетъ ту же плоть, которая прежде выносила подобныя оскорбленія? Не думаю. Напротивъ того онъ носитъ бѣлое одѣяніе, имѣетъ золотый перстень, удостоенъ имени господина, входитъ въ его трибу, сидитъ у него за столомъ. Предоставь же и Богу могущество по силѣ сего измѣненія улучшивать не природу, но качество, избавляя и предохраняя насъ отъ страстей. Такимъ образомъ плоть всегда останется страстною въ томъ смыслѣ, что она одна и та же, и безстрастною въ томъ смыслѣ, что избавлена Богомъ, съ такимъ притомъ преимуществомъ, что впредь не подвергнется страстямъ.

LVIII. *Исаія* говоритъ: *и будетъ радость вѣчная надъ главою ихъ.* Вѣчно только то, что происходитъ послѣ воскресенія. Онъ продолжаетъ: *отбѣже болѣзнь и печаль и воздыханіе* (Ис. XXXV. 10) отъ сердецъ ихъ. Ангелъ также *Іоанну* сказалъ: *и отъиметъ Богъ всяку слезу отъ очію ихъ* (Апок. VII. 17), отъ тѣхъ самыхъ очей, которыя прежде плакали и доселѣ бы плакали, если бы благость Божія ихъ не осушила. Отъиметъ Богъ всяку слезу отъ очію ихъ, и смерти не будетъ. Стало быть не будетъ и тлѣнія. Тлѣніе будетъ изгнано нетлѣніемъ, такъ какъ смерть безсмертіемъ. Если болѣзнь, печаль, воздыханіе и самая смерть происходятъ отъ скорбей души и плоти: то какимъ образомъ могутъ они исчезнуть, развѣ когда престанутъ скорби души и плоти, ихъ причиняющія? Гдѣ несчастіе, когда близъ Богъ? Гдѣ насилія и обиды при Іисусѣ Христѣ? Гдѣ нападки діавола предъ лицемъ Духа Святаго тогда, какъ сатана и ангелы его ввергнуты въ огонь? Наконецъ гдѣ тогда будетъ нужда или такъ именуемая фортуна и судьба? Какія язвы могутъ постигнуть воскресшихъ послѣ прощенія? Какого гнѣва должны бояться примиренные по-

слѣ благодати? Какая немощь послѣ силы? Какая слабость послѣ спасенія? Одѣяніе и обувь у сыновъ Израилевыхъ не износились въ теченіи сорока лѣтъ; божественное правосудіе, располагающее силами и приличіями, не допустило быстро выростать ихъ ногтямъ и волосамъ, дабы выростаніе сіе не было приписано тлѣнію; огонь Вавилонскій не прикоснулся ни къ одеждѣ ни къ волосамъ трехъ братьевъ, хотя платье ихъ было и не Іудейское; *Іона* пожранъ морскимъ чудовищемъ и чрезъ три дни выброшенъ на берегъ цѣлъ и невредимъ; *Енохъ* и *Илія*, доселѣ еще не воскресшіе, потому что и не умирали, будучи восхищены изъ сего міра и сдѣлавшись какъ бы кандидатами вѣчности, познали, что плоть освобождена отъ всякаго безобразія, отъ всякой утраты, отъ всякаго случая, отъ всякаго поруганія: всѣ сіи происшествія какой вѣрѣ служатъ свидѣтельствомъ, если не той, которая велитъ намъ вѣрить, что эти примѣры суть предзнаменованіе будущей нашей цѣлости? Апостолъ говоритъ: *сія образы намъ быша* (1 Кор. X. 6), дабы мы убѣждены были, что Богъ могущественнѣе всѣхъ законовъ природы, и что вѣрно сохранитъ онъ плоть, когда сохраняетъ обувь ея и одѣяніе.

LIX. «Но ты говоришь, что будущій вѣкъ зависитъ отъ особливаго и вѣчнаго устройства; и слѣдовательно сущность, принадлежащая настоящему вѣку, не можетъ пользоваться состояніемъ, столь противоположнымъ ея естеству.»

Ты былъ бы правъ, если бы человѣкъ созданъ былъ для будущаго устройства, а не будущее устройство для человѣка. Но когда Апостолъ пишетъ, что *вся ваша суть, или міръ, или животъ, или смерть, или настоящая, или будущая* (1 Кор. III. 22): то онъ дѣлаетъ человѣка наслѣдникомъ будущихъ вещей. *Исаія* какъ

будто тому не благопріятствуетъ сими словами: *всяка плоть сѣно*; но въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: *и узрятъ вси концы земли* (всяка плоть) *спасеніе, еже отъ Бога нашего* (Ис. XL. 6, LII. 10). Онъ отличилъ не сущность, но участь, людей ожидающую. Кто не видитъ тутъ суда Божія въ двойственномъ приговорѣ, приговорѣ спасенія и приговорѣ казни? Плоть, яко сѣно, предназначена къ огню; плоть, которая узритъ спасеніе отъ Бога, опредѣлена для спасенія. Что касается до меня: то мнѣ весьма извѣстно, что, впадая прежде въ любодѣяніе, я впадалъ въ него не въ отличительной плоти, равно какъ и нынѣ, стараясь достигнуть чистоты, я стараюсь о томъ также не въ отличительной плоти. У кого плоть двойственная, тотъ да устранитъ себя отъ сѣна нечистой плоти, и да сохранитъ себѣ ту только плоть, которая узритъ спасеніе Божіе. Но какъ Пророкъ на счетъ вообще народовъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ, что они будутъ почитаемы какъ прахъ и слюна, а въ другомъ, что будутъ вѣровать и надѣяться на имя и могущество Божіе: то можемъ ли мы ошибаться въ отношеніи къ симъ народамъ? По силѣ ли отличія сущности, одни изъ нихъ должны вѣровать, а другіе почитаемы быть, какъ прахъ? Нѣтъ! Въ сей именно странѣ, объятой океаномъ и окруженной небомъ, висящимъ надъ нашими главами, возсіялъ предъ всѣми народами Христосъ, свѣтъ истинный. На сей же землѣ Валентиніане выдумали всѣ свои мечты и бредни. Нѣтъ націй, разногласящихъ на счетъ души и плоти, кромѣ націй вѣрующихъ и націй невѣрующихъ. Такимъ образомъ подобно какъ Апостолъ сходно съ Пророкомъ опредѣлилъ отличіе не сущности, но участи, такъ упрочилъ онъ и плоть, которая у всѣхъ народовъ одинакова, не со стороны вещества, но со стороны награды.

LX. Но вотъ наши противники, для поддержанія своего спора, вооружаются противъ самой плоти, противоставя ей собственный ея долгъ служенія. «Члены, говорятъ они, будучи предназначены для тѣла, «должны по необходимости производить свои дѣйствія «и занятія. Если же окажется, что члены не отправляютъ своего долга служенія: то они уничтожаютъ «тѣло; ибо невѣроятно, чтобы тѣлю существовало безъ «членовъ, и члены оставались бы безъ исполненія долга своего служенія. Къ чему, продолжаютъ они, это «отверстіе рта, эти ряды зубовъ, этотъ проводникъ «горла, этотъ перекрестокъ живота, это жерло желудка, эта длинная ткань внутренностей, когда не «нужно будетъ ни ѣсть ни пить? За чѣмъ члены, получая пищу, дробятъ ее, измелчаютъ, жуютъ, перевариваютъ въ желудкѣ, извергаютъ? За чѣмъ эти руки, эти ноги и другіе члены, назначенные для труда, когда прекратятся всѣ жизненныя потребности? «За чѣмъ почки, надувающіяся отъ сѣмени, за чѣмъ «два пола, за чѣмъ матка зачатія и токи изъ сосцевъ, «когда не будетъ ни дѣторожденія, ни кормленія грудью? Словомъ сказать къ чему и все тѣло, когда «все тѣло не станетъ приносить никакой пользы?»

Чтобъ отвѣчать на эти возраженія, мы уже приняли за правило, что не надобно смѣшивать постановленій будущности съ постановленіями настоящаго времени, потому что въ промежуткѣ произойдетъ премѣненіе. Мы прибавимъ теперь, что всякой долгъ служенія членовъ нашихъ для потребностей жизни, продлится только до тѣхъ поръ, пока самая жизнь не переселится отъ времени въ вѣчность, то есть, пока душевное тѣло не обратится въ духовное, пока *тлѣнное сіе не облечется въ нетлѣніе и мертвенное сіе не облечется въ безсмертіе*. Но какъ скоро жизнь изба-

вится отъ своихъ потребностей, то и члены избавятся отъ долга своего служенія. Однакожъ тѣмъ не менѣе они будутъ нужны, потому что хотя и избавятся отъ долга служенія, но должны будутъ предстать на судъ Божій, дабы каждый получилъ въ тѣлѣ своемъ должное возмездіе. Судилище Божіе требуетъ присутствія всего человѣка. Ясно, что человѣкъ не весь, когда не имѣетъ членовъ, которыхъ сущность, а не долгъ служенія, составляетъ то, что онъ есть, развѣ не вздумаешь ли ты утверждать, что корабль находится во всей исправности безъ киля, безъ кормы, безъ руля, безъ всякаго укрѣпленія его частей. Если же мы не однократно видѣли, что корабль, поврежденный отъ непогоды или разрушенный отъ времени, исправляется во всѣхъ отношеніяхъ заново: то не уже ли станемъ безпокоиться на счетъ искусства, воли и правъ Божіихъ? Какъ! Когда какой богатый владѣлецъ велитъ вычинить корабль свой не для употребленія, а для собственной прихоти или на славу: то скажешь ли ты, что не нужно снаряжать его, потому что это безполезно, хотя бы корабль для того только приведенъ былъ въ исправное состояніе, чтобы хранить его?

Дѣло въ томъ, чтобы разрѣшить слѣдующее обстоятельство. Господь, предназначивъ человѣка ко спасенію, предназначилъ ли къ тому и плоть? Или желаетъ ли Онъ, чтобы плоть продолжала существовать? Тогда подъ предлогомъ, что члены ея не будутъ полезны, ты не можешь требовать, чтобъ она не ожила; ибо вещь можетъ ожить и быть безъ пользы. Впрочемъ нельзя сказать, чтобъ она оставалась безъ употребленія, хотя бы и не существовала; если же существуетъ, то тѣмъ паче быть можетъ не безполезною. Что можетъ безполезно быть предъ Господомъ?

LXI. О человѣкъ! Для чего получилъ ты уста? Для того ли, чтобы только пить и ѣсть, или паче для того, чтобы говорить, отличаясь тѣмъ отъ животныхъ, и чтобы проповѣдывать Бога, возвышаясь къ небесамъ? *Адамъ* прежде, нежели вкусилъ отъ плода, былъ пророкъ и нарекъ имена животнымъ. Для того ли даны тебѣ зубы, чтобы только пожирать, или паче для того, чтобъ окружить уста твои нѣкотораго рода оградою, чтобъ удерживать языкъ въ равновѣсіи, и чрезъ то доставлять тебѣ удобство легче произносить слова? Посмотри и послушай человѣка, лишившагося зубовъ, и послѣ сего спрашивай, къ чему нужны зубы, и какую красу дѣлаютъ они устамъ. Низшіе каналы у мужа и жены разверзаются: для того ли, чтобъ удовлетворять только похоть, или паче для отдѣленія жидкостей? Жена сверхъ того имѣетъ органъ зачатія: для того ли, чтобы сѣмя тамъ скоплялось или для пріема массы крови, въ которой слабый полъ имѣетъ надобность? Надобно входить въ подобныя подробности, потому что противники наши, желая покрыть презрѣніемъ воскресеніе, вооружаются безстыдно всѣми способами на употребленіе нашихъ органовъ, забывая, что прежде нежели прекратится употребленіе ихъ, должны прекратиться и самыя потребности, такъ, чтобы не было ни жажды, ни алчбы, ни пищи, ни питія, ни порожденія, ни нуждъ, ни трудовъ. Безъ сомнѣнія когда смерть упразднится, тогда не понадобится пища для поддержанія жизни, и члены тѣла нашего не будутъ стенать подъ бремеемъ человѣчества.

Впрочемъ возможно и здѣсь на землѣ воздерживаться отъ пищи и отъ брака. *Моисей* и *Илія* постились сорокъ дней, и питались отъ одного Бога. Тогда уже освѣщалось Спасителево изреченіе: *не о хлѣ-*

бѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, но о всякомъ глаголѣ исходящемъ изоустъ Божіихъ (Мат. IV. 4). Вотъ нѣкоторыя черты будущей нашей силы. Мы и теперь, сколько можемъ, соблюдаемъ умѣренность и воздержаніе. Сколько скопцевъ добровольныхъ! Сколько дѣвъ уневѣстившихся Христу! Сколько мужей и женъ безплодныхъ ради святости! Если и въ настоящей жизни употребленіе членовъ нашихъ можетъ на время прекращаться, смотря по возможности и временному расположенію каждаго, безъ всякаго для человѣка поврежденія: то кольми паче, когда человѣкъ будетъ спасенъ, смотря по расположенію вѣчному, мы не станемъ желать такихъ вещей, отъ которыхъ и здѣсь отвыкли.

LXII. Но объявленіе Господне полагаетъ конецъ всему спору: (воскресшіе) *яко Ангели Божіи на небеси суть* (Тамъ же XXII. 30). Если это подобіе происходитъ отъ того, что они не женятся, потому что не умираютъ: то оно освобождаетъ ихъ и отъ всѣхъ другихъ тѣлесныхъ потребностей. Прежде Ангелы являлись на землѣ, какъ люди: они ѣли, пили, умывали ноги, пріемля наружно видъ человѣческій, но не теряя внутри собственнаго естества. Слѣдовательно если Ангелы, сдѣлавшись по внѣшности людьми, покорялись въ духовной своей сущности устройству плоти: то почему люди, сдѣлавшись Ангелами, не могутъ въ своей плотской сущности принять устройства духовъ? Нѣтъ сомнѣнія, что они не будутъ подвержены нуждамъ плоти подъ видомъ Ангеловъ, точно такъ же, какъ и Ангелы подъ видомъ людей не были подвержены духовному своему естеству. Нельзя также сказать, что они не пребудутъ во плоти, потому что не станутъ исправлять потребностей плоти; ибо и Ангелы не оставляли духовной своей сущности, хотя и

не соблюдали обычаевъ духа. Наконецъ Іисусъ Христосъ не сказалъ, что они будутъ ангелами, дабы не отвергнуть того, что они будутъ люди, и сохранить всѣхъ ихъ людьми. Приписать имъ подобіе не значитъ лишить ихъ сущности.

LXIII. И такъ, плоть воскреснетъ, не только вся плоть, но таже самая и во всей своей цѣлости. Въ какомъ бы мѣстѣ ни находилась, она пребудетъ, какъ залогъ, въ рукахъ Божіихъ, пребудетъ во Іисусѣ Христѣ, вѣрномъ ходатаѣ у Бога и человѣка, въ ходатаѣ, который возвратитъ Бога человѣку, человѣка Богу, духа плоти и плоть духу: Онъ соединилъ то и другое въ Своемъ лицѣ, даровавъ невѣсту жениху и жениха невѣстѣ. Если кто полагаетъ, что душа есть невѣста: то плоть послѣдуетъ за душею, хотя бы то было въ видѣ приданаго. Душа имѣетъ своихъ ближнихъ, свое убранство, свою прислугу: это плоть. Стало быть плоть будетъ сопровождать душу, какъ молочная ея сестра.

Истинно и неоспоримо, что плоть есть невѣста или лучше сказать супруга, сопряженная кровію со Іисусомъ Христомъ. Знай, что пріемлемое тобою за ее смерть есть только убѣжище ея. Душа не одна въ удаленіи: плоть также имѣетъ убѣжище свое въ глубинѣ водъ, въ огнѣ, въ птицахъ, въ хищныхъ звѣряхъ. По видимому она различается въ сихъ сущностяхъ; но дѣйствительно утекаетъ какъ бы въ какой сосудъ. Если сосуда сего не станетъ, или уйдетъ она изъ него, то послѣ разныхъ превратностей возвращается въ землю, первое свое основаніе, дабы, по изшествіи изъ нѣдръ ея, *Адамъ* представился Богу и готовъ былъ еще разъ выслушать слово Его: *се Адамъ яко единъ отъ Насъ*, просвѣтясь вполнѣ на счетъ зла, котораго избѣгъ, и на счетъ добра, кото-

рое пріобрѣлъ. О душа! Не завидуй плоти. Нѣтъ ближняго, котораго бы ты должна была болѣе любить послѣ Господа. Нѣтъ лучше сестры какъ та, которая оживетъ съ тобою въ Богѣ. Но что я говорю? Ты должна исходатайствовать ей благодать воскресенія, если она грѣшитъ; ибо грѣшитъ она чрезъ тебя. Но чему дивиться, что еретикъ ненавидитъ ту сущность, Создателя которой онъ отвергъ, которую обыкновенно отрицаетъ во Христѣ, искажая чрезъ свои кривые толки Слово Божіе, *иже плоть бысть*, и опираясь на апокрифическихъ таинствахъ, которыя суть чистыя святотатственныя басни.

Но всемогущій Богъ по благодати Своей обличилъ духъ невѣрія и обмана, возвѣстивши, что *подобаетъ и ересемъ быти, да искусніи явлени бываютъ* (1 Кор. XI. 19). Онъ оживотворилъ вѣру въ воскресеніе плоти, которую многіе пытались поколебать, и посредствомъ ясныхъ и точныхъ истолкованій разсѣялъ двусмысліе и безразсудство древнихъ сказаній. Какъ ереси не могли ничего предпринять, не ссылаясь на священное Писаніе: то не малымъ къ поддержанію ихъ пособіемъ послужилъ кажется имъ ветхій Завѣтъ, который однакожъ буквально испровергаетъ ихъ доводы. Пора была Духу Святому посѣять всюду чистыя отъ всякой злобы ересей сѣмена, которыя могли бы искоренить всякія плевелы, и тѣмъ самымъ разогнать тьму прошедшихъ временъ и мглу мнимыхъ притчей. Почерпай изъ сего источника, и ты не будешь жаждать никакого другаго ученія. Пожирающая тебя страсть къ спорамъ исчезнетъ. Пей спасительную воду воскресенія плоти, и она тебя освѣжитъ.

СТАТЬЯ ОСМНАДЦАТАЯ.

Противъ Іудеевъ (*).

I. Въ недавнемъ времени произошелъ споръ между однимъ Христіаниномъ и Іудейскимъ прозелитомъ. Споръ продолжался съ той и другой стороны до самаго вечера, но ничѣмъ опредѣлительнымъ не кончился. Притомъ же шумъ нѣкоторыхъ слушателей до того усилился, что истина покрылась какъ бы облакомъ. Я рѣшился войти съ большимъ тщаніемъ въ разборъ того, что не могло быть объяснено во время спора, и окончить особою статьею развитіе спорныхъ предметовъ. Пускай случай, подавшій поводъ къ защищенію во имя народовъ принадлежащей имъ божественной благодати, будетъ по крайней мѣрѣ имѣть ту выгоду, что вступится за законъ Божій человѣкъ, происшедшій отъ сихъ народовъ, не Іудей и не изъ племени Израиля по крови.

Для допущенія народовъ къ закону Божію, достаточно бы было уже того одного, чтобъ Израиль не имѣлъ права съ гордостію повторять, что народы не иное что, какъ капля воды въ мѣдномъ сосудѣ или какъ легкая солома, вѣтромъ уносимая. Къ счастію мы имѣемъ на сей счетъ отъ Самаго Бога неизмѣнное обѣщаніе и ручательство, какъ-то когда Онъ патріар-

(*) Писана въ 908. году по Р. Х.

ху *Аврааму* поклялся, что *благословятся о сѣмени его вси языцы земніи* (Быт. XXII. 18), а также и *Ревеккѣ*, что *два языка и двои людіе отъ утробы твоей изыдутъ* (Тамъ же XXV. 23), то есть, съ одной стороны Іудеи или Израиль, а съ другой прочіе народы или мы. Оба языка названы равно народами, дабы одинъ исключительно отъ другаго не присвоилъ себѣ преимущества благодати. Богъ предназначилъ, что два языка и двои людіе должны изыти изъ утробы одной жены, и Онъ не привязалъ благодати къ различію именъ, но къ порядку рожденія, такъ что *большій* (родившійся прежде) *поработаетъ меньшему*, другими словами, тому, кто родится послѣ. Въ семъ-то смыслѣ Богъ и сказалъ *Ревеккѣ: два языка во утробѣ твоей суть, и двои людіе отъ утробы твоея разлучатся; и людіе людей превзыдутъ, и большій поработаетъ меньшему.*

А какъ извѣстно, что народъ Іудейскій первый явился въ порядкѣ временъ, и сдѣлался старшимъ по благодати призванія своего къ закону; нашъ же народъ оказался самымъ младшимъ, судя потому, что получилъ познаніе о божественномъ милосердіи къ концу временъ: то, послѣдуя священному предсказанію, не должно сомнѣваться, чтобы первый народъ старше насъ, то есть, Іудейскій, не поработалъ младшему, и чтобы младшій, то есть, народъ Христіанскій, не восторжествовалъ надъ старшимъ. Справляясь съ свящ. Писаніемъ, я нахожу, что первый по времени изъ сихъ народовъ оставилъ Бога для служенія идоламъ, и сдѣлавшись предателемъ божества, преклонилъ колѣна предъ суетными призраками. Доказательствомъ сему служитъ то, что народъ возсталъ на *Аарона* и сказалъ ему: *сотвори намъ боги иже пойдутъ предъ нами* (Исход. XXXII. 1, 8). Какъ же скоро золото изъ усерязей женщинъ и изъ колецъ мужчинъ растопилось въ огнѣ,

и голова безумнаго животнаго была отлита: то Израиль, отвергши своего Бога, привѣтствовалъ идола сими словами: *сіи бози твои, Израилю, иже изведоша тя изъ земли Египетскія.* Тоже самое было, когда цари управляли народомъ. Мы видимъ, какъ Израильтяне при *Іеровоамѣ* обожали золотыхъ телицъ, почитали священныя рощи и покланялись Ваалу. Это доказываетъ, что, сходно съ Писаніемъ, они всегда были преступны въ идолопоклонствѣ. Напротивъ того нашъ народъ, то есть, вторый или младшій оставивъ идоловъ, которымъ прежде служилъ, обратился къ Тому самому Богу, котораго отвергъ Израиль, какъ-то мы объяснили. Чрезъ сіе младшій изъ двухъ народовъ восторжествовалъ надъ старшимъ, обрѣвши благостыню божественнаго покровительства, которой Израиль лишился.

II. Приступимъ къ дѣлу, и изложимъ въ ясныхъ и точныхъ выраженіяхъ главный предметъ нашего разсужденія. Дѣло въ томъ, почему надобно вѣрить, что Богъ, сотворившій всѣ существа, управляющій всѣмъ міромъ, создавшій человѣка собственными руками, поселившій на землѣ всѣ народы безъ разбора, даровалъ законъ Свой чрезъ *Моисея* не для одного только народа, но для всѣхъ вообще націй. Во первыхъ, если бы Онъ не издалъ его для всѣхъ: то не позволилъ бы принимать его пришлецамъ отъ разныхъ народовъ. Но благости и правосудію Создателя міра всегда приличествовало постановлять для всѣхъ націй одинакіе законы, которые предписывалъ Онъ исполнять въ назначенныя Имъ времена кому, какъ и когда благоугодно Ему было. Дѣйствительно, при началѣ міра Онъ далъ законъ *Адаму* и *Евѣ*, запретивъ имъ прикасаться къ плоду дерева посредѣ рая, и предувѣдомивъ ихъ, что они смертію умрутъ, когда нарушатъ

это повелѣніе. Законъ сей былъ бы достаточенъ, если бы они сохранили его. Въ немъ находимъ мы сокровенный корень всѣхъ предписаній закона, въ послѣдствіи изданнаго *Моисеемъ*, какъ то: *возлюбиши Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею душею твоею; — возлюбиши ближняго твоего, яко самъ себѣ; — не убей; — не прелюбодѣйствуй; — не укради; — не послушествуй на друга твоего свидѣтельства ложна; — не пожелай чужаго; — чти отца твоего и матерь твою.* Первоначальный законъ, данный *Адаму* и *Евѣ* въ раю, есть какъ бы источникъ всѣхъ Божіихъ постановленій. Словомъ сказать, если бы они любили Господа Бога своего, то не нарушили бы Его заповѣди. Если бы они истинно любили ближняго, то есть, какъ самихъ себя: то не повѣрили бы внушеніямъ змія, и не были бы противъ самихъ себя человѣкоубійцами, лишась безсмертія чрезъ нарушеніе заповѣди Божіей. Равнымъ образомъ они бы воздержались отъ кражи, если бы тайно не вкусили отъ плода и не скрылись отъ взоровъ Господнихъ. Они бы не подверглись гибели, постигшей діавола, если бы не положились на слово его, что будутъ подобны Богу? Чрезъ сіе не преогорчили бы они благости того Бога, который создалъ ихъ изъ персти земной, извлекши какъ бы изъ матерней утробы. Если бы они не пожелали чуждаго добра, то не прикоснулись бы къ запрещенному плоду. Такимъ образомъ въ семъ общемъ и первоначальномъ законѣ, который Богъ ограничилъ соблюденіемъ заповѣди о древесномъ плодѣ, мы усматриваемъ совокупно всѣ постановленія, долженствовавшія развиться послѣ въ свое время въ позднѣйшемъ законѣ.

Тому же законодателю, который постановилъ заповѣдь, предлежало и измѣнить ее, потому что Кто началъ наставлять праведниковъ, Тому предлежало и

изучить ихъ всему. Чему дивиться, что основатель закона добавляетъ и совершенствуетъ его? Прежде закона *Моисеева*, начертаннаго на каменныхъ доскахъ, существовалъ уже законъ не писанный, но понимаемый и соблюдаемый, отцами нашими, по внушенію естественныхъ познаній. Какимъ образомъ *Ной* могъ бы обрѣтенъ быть праведнымъ, если бы не сопутствовала ему правда естественнаго закона? Отъ чего *Авраамъ* сочтенъ подружіемъ Божіимъ, какъ не отъ того, что соблюдалъ правоту и правду того же естественнаго закона? Отъ чего *Мельхиседекъ* названъ *священникомъ Бога вышняго*, если прежде изданія Левитскаго законоположенія не существовали Левиты, приносившіе Богу жертвы? Законъ данъ былъ *Моисею* послѣ упомянутыхъ здѣсь Патріарховъ, спустя много времени, по изшествіи уже народа изъ Египта. Между тѣмъ прошло четыреста тридцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ *Аврааму* данъ былъ законъ. Изъ сего видимъ мы, что законъ воспріялъ начало свое не на горѣ Хоривѣ, не на Синаѣ и не въ пустынѣ, но восходя до самаго рая, примѣняемъ былъ сперва для Патріарховъ, а потомъ для Іудеевъ, сообразно съ обстоятельствами времени. Стало быть дѣло состоитъ не въ томъ, чтобы намъ останавливаться на законѣ *Моисеевомъ* и считать его главнымъ закономъ, но чтобы прилѣпляться къ послѣдовавшему за тѣмъ закону, который Богъ постановилъ для народовъ также къ опредѣленному времени, и объ успѣхахъ котораго Пророки заблаговременно возвѣстили. Слѣдовательно мы должны вѣрить, что чрезъ *Моисея* данъ законъ на извѣстное время, съ тѣмъ, чтобъ онъ былъ соблюдаемъ временно. Не должно лишать Бога могущества примѣнять законъ къ спасенію людей, смотря по надобностямъ времени.

Если кто думаетъ, что и теперь надлежитъ дер-

жаться субботы, какъ средства спасенія, и соблюдать обрѣзаніе въ осьмый день по причинѣ угрозы смерти за упущеніе, тому сказалъ бы я, не обинуясь: докажи мнѣ, что прежде праведники праздновали субботу и обрѣзывали плоть свою, и что чрезъ сіи обряды дѣлались угодниками Божіими. Если то правда, что обрѣзаніе очищаетъ человѣка: то почему Богъ сотворилъ *Адама* не-обрѣзаннымъ, и не поспѣшилъ обрѣзать его даже и послѣ его паденія, когда обрѣзаніе очищаетъ? Извѣстно, что помѣстивши его въ раю, хотя и не-обрѣзаннаго, Онъ предоставилъ ему управленіе раемъ. Тотъ же Самый Богъ, поселившій перваго человѣка въ раю, и не заповѣдавшій ему ни обрѣзанія ни празднованія субботы, похвалилъ сына его *Авеля*, который, будучи не обрѣзанъ и не соблюдая субботы, принесъ благопріятныя Ему жертвы: Онъ удостоилъ пріятія то, что *Авель* представилъ Ему въ простотѣ сердца, между тѣмъ какъ отвергъ жертву *Каина*, брата его, потому что онъ *право не раздѣлилъ*, то есть, не право поступилъ. *Ной* не былъ обрѣзанъ и не праздновалъ субботы; тѣмъ не менѣе Богъ избавилъ его отъ потопа. Онъ восхитилъ изъ сего міра праведнаго *Еноха*, который не зналъ ни обрѣзанія, ни субботы, и который доселѣ не вкусилъ смерти, дабы сей кандидатъ вѣчности служилъ намъ свидѣтельствомъ, что мы можемъ угождать Моисееву Богу и безъ тяготы Моисеева закона. *Мельхиседекъ*, священникъ Бога вышняго, былъ облеченъ священническимъ званіемъ безъ соблюденія обрѣзанія и субботы. *Лотъ*, племянникъ Авраамовъ, также доказываетъ намъ эту истину: онъ пощаженъ отъ Содомскаго пожара не за исполненіе закона, но за свою праведность.

III. Вы говорите, что *Авраамъ* былъ обрѣзанъ.— Такъ! Но онъ угодилъ Богу прежде, нежели обрѣзанъ

былъ: а субботы вовсе не праздновалъ. Онъ конечно принялъ обрѣзаніе, но обрѣзаніе, какъ знаменіе времени, а не какъ преимущество спасенія. Между тѣмъ Патріархи, современники его, не были обрѣзаны: доказательствомъ служитъ *Мельхиседекъ*, который, не смотря на то, что обрѣзанъ не былъ, изнесъ хлѣбъ и вино, и благословилъ *Авраама* обрѣзаннаго.

«Но сынъ Моисеевъ, возражаете вы, преданъ бы «былъ смерти, если бы его мать Сепфора острымъ «камнемъ не обрѣзала его. Выходитъ, что кто пре«небрегалъ обрѣзаніемъ, тотъ подвергался смерти.»— На это я отвѣтствую: если бы обрѣзаніе служило непремѣннымъ залогомъ спасенія, то Моисей не упустилъ бы обрѣзать сына своего въ осьмый день, и не дожидался бы, чтобы Сепфора обрѣзала его въ пути по повелѣнію уже Ангела. Впрочемъ вынужденное обрѣзаніе одного ребенка не могло обратиться въ законъ для цѣлаго народа, и Богъ, назначая его, какъ знаменіе, а не какъ спасеніе, справедливо повелѣлъ, чтобы сынъ Моисея, будущаго вождя народа его, получилъ знаменіе обрѣзанія, на тотъ конецъ, чтобы когда Богъ посредствомъ *Моисея* будетъ давать народу заповѣдь о обрѣзаніи, то народъ не смѣлъ бы презрѣть ее, видя, что сынъ вождя уже ее исполнилъ. Обрѣзаніе было какъ бы отличительное знаменіе, по которому можно бы было узнать Израиля въ послѣднее время, когда ему воспретится входъ во святый городъ по причинѣ его беззаконій, согласно съ предсказаніями Пророковъ, какъ-то: *земля ваша пуста, гради ваши огнемъ пожжени, страну вашу предъ вами чуждіи поядаютъ, и опустѣ низвращена отъ людей чуждихъ. Оставится дщерь Сіоня, яко куща въ винограде, и яко овощное хранилище въ вертограде, яко градъ воюемый.* Посему-то Пророкъ не преми-

нулъ предварительно сказать: *сыны родихъ и возвысихъ, тіи же отвергошася Мене.* Также въ другомъ мѣстѣ: *егда прострете руки [ваша] ко Мнѣ, отвращу очи Мои отъ васъ; и аще умножите моленіе, не услышу васъ; руки бо ваша исполнены крове.* Еще сказалъ онъ: *увы! языкъ грѣшный, людіе исполнени грѣховъ, сѣмя лукавое, сынове беззаконніи, остависте Господа, и разгнѣваете Святаго Израилева* (Исаі. I. 2, 4, 7, 8, 15).

И такъ провидѣнію Божію угодно было даровать Израилю обрѣзаніе какъ бы знаменіе, по которому могъ бы онъ быть узнанъ въ то время, когда ему воспретится входъ во Іерусалимъ, по причинѣ упомянутыхъ предъ симъ беззаконій его. Эти происшествія возвѣщены намъ для того, что должны были исполниться; исполненіе же ихъ мы видимъ теперь на самомъ дѣлѣ. Такимъ образомъ подобно какъ плотское обрѣзаніе временно дано было въ знаменіе мятежному народу, такъ обрѣзаніе сердца дано въ залогъ спасенія народу покорному, по словамъ *Іереміи* Пророка: *поновите себѣ поля, и не сѣйте на терніи. Обрѣжите жестокосердіе ваше.* Также и въ другомъ мѣстѣ: *се дніе грядутъ, глаголетъ Господь, и завѣщаю дому Израилеву и дому Іудину завѣтъ новъ, не по завѣту, его же завѣщахъ отцемъ ихъ, въ день, въ оньже емшу Ми за руку ихъ, извести я отъ земли Египетскія* (Іер. IV. 3, XXXI. 31).

Изъ сего усматриваемъ мы, что перво-данное обрѣзаніе долженствовало прекратиться, и уступить мѣсто новому закону, отличному отъ того закона, который данъ былъ отцамъ Іудеевъ. О семъ заблаговременно Пророкъ возвѣстилъ: *И будетъ въ послѣдняя дни явлена гора Господня, и домъ Божій на версѣ горъ, и возвысится превыше холмовъ; и пріидутъ къ ней вси языцы, и пойдутъ языцы мнози, и рекутъ: пріидите, и взыдемъ на гору*

Господню, и въ домъ Бога Іаковля (Ис. II. 2). Слышишь ли ты? Не въ домъ *Исава*, старшаго сына, но въ домъ *Іакова*, изшедшаго послѣ него, то есть, въ домъ нашего народа, котораго гору представляетъ намъ *Даніилъ*, созданною безъ рукъ человѣческихъ и наполняющею всю землю. Наконецъ *Исаія* слѣдующими словами даетъ намъ знать, что новый законъ изыдетъ изъ дома Бога Іаковля. *Отъ Сіона изыдетъ законъ и слово Господне изъ Іерусалима; и судити будетъ Господь посредѣ языкъ*, то есть, судить будетъ тѣхъ изъ насъ, которые произошли отъ народовъ; *и раскуютъ мечи своя на орала, и копія своя на серпы, и не возметъ языкъ на языкъ меча, и не навыкнутъ къ тому ратоватися* (Исаіи II. 3 и 4).

Можно ли тутъ разумѣть другой народъ, кромѣ насъ, соблюдающихъ сіи предписанія подъ руководствомъ новаго закона, и видѣвшихъ своими глазами паденіе стараго закона на самомъ дѣлѣ? Старый законъ поддерживался мечемъ, исторгалъ око за око, воздавалъ обиду за обиду. Новый законъ напротивъ того внушаетъ милосердіе, ревнителей войны дѣлаетъ блюстителями закона, вражду обращаетъ въ миролюбіе, предназначенное къ тому, чтобы воздѣлывать и удобрять землю. Что же изъ сего слѣдуетъ? Упомянувъ о пророчествахъ, что старый законъ и плотское обрѣзаніе прекратятся, мы выводимъ отсюда то заключеніе, что соблюденіе новаго закона и духовнаго обрѣзанія явлено намъ въ призваніи и покореніи миру. *Людіе*, сказано, *ихъ же не вѣдѣхъ, работаша Ми; въ слухъ уха послушаша Мя* (Псал. XVII. 45). Такъ возвѣстили Пророки. Какой же народъ, какъ не мы, не вѣдалъ Бога въ прошедшемъ времени? Кто послушалъ Его въ слухъ уха, какъ не мы, оставившіе идоловъ для поклоненія Ему? Израиль, котораго вѣдалъ

Богъ и прославилъ въ Египтѣ, который подъ десницею Его прешелъ чрезъ Чермное море, который питался манною въ пустынѣ, удостоился вкушать хлѣбъ небесный, въ теченіи сорока лѣтъ посилъ, такъ сказать, образъ вѣчности, Израиль, столь много Богомъ облагодѣтельствованный, забылъ Господа Бога своего и рѣшился *Аарону* сказать: *востани и сотвори намъ боги, иже пойдутъ предъ нами; Моисей бо сей человѣкъ, иже изведе насъ отъ земли Египетскія, не вѣмы что бысть ему* (Исх. XXXII. 1). Вотъ почему мы, не бывши прежде народомъ Божіимъ, нынѣ сдѣлались Его народомъ, пріявши новый законъ, о которомъ только теперь говорили, пріявши новое обрѣзаніе, которое было предсказано.

IV. Какъ нами доказано, что плотское обрѣзаніе и старый законъ въ свое время отмѣнены и прекратились: то остается доказать, что и соблюденіе субботы было учрежденіе только временное. Іудеи говорятъ намъ, что Богъ съ самаго начала *освятилъ седмый день, яко въ той почи отъ всѣхъ дѣлъ Своихъ.* Посему-то, присовокупляютъ они, *Моисей* и сказалъ народу: *помни день субботный, еже святити его; да не сотворши всякаго дѣла въ онь,* исключая того, что относится ко спасенію души. Изъ сего можно заключить, что мы должны праздновать субботу, воздерживаясь отъ всякой работы не только въ седмый день, но и во всякое время. Дѣло въ томъ, какой именно родъ субботы Богъ повелѣлъ намъ соблюдать. Свящ. Писаніе упоминаетъ и о вѣчной субботѣ и о временной субботѣ. Пророкъ *Исаія* говоритъ: *субботъ и праздниковъ вашихъ ненавидитъ душа Моя* (Исаіи I. 14). Въ другомъ мѣстѣ сказано: *субботы Моя оскверняху* (Іезек. XXIII. 38). Изъ сего видно, что временная суббота принадлежитъ человѣку, а суббота вѣчная вос-

ходить до Бога. О сей послѣдней субботѣ Самъ Господь устами *Исаіи* возвѣстилъ: *И будетъ мѣсяцъ отъ мѣсяца и суббота отъ субботы, пріидетъ всяка плоть поклонитися предо Мною во Іерусалимъ, рече Господь* (Ис. LXVI. 23). Это чудо совершилось во время пришествія Іисуса-Христа, когда всякая плоть, то есть, всякая нація, явилась, чтобы воздать въ Іерусалимѣ поклоненіе Богу Отцу чрезъ Іисуса-Христа, Сына Его, какъ-то предсказано было Пророкомъ: *се странніи пріидутъ къ тебѣ Мною.*

Такимъ образомъ прежде временной субботы возвѣщена и предписана была суббота вѣчная, подобно какъ прежде плотскаго обрѣзанія было предсказано обрѣзаніе духовное. Пусть кто либо, какъ уже предъ симъ упомянуто, покажетъ намъ, что или *Адамъ* соблюдалъ субботу, или *Авель*, принеся Богу святую жертву, угодилъ Ему благоговѣніемъ своимъ къ субботѣ, или *Енохъ*, чудесно восхищенный отъ земли на небо, праздновалъ субботу, или *Ной*, удостоившійся чести построить ковчегъ и спасти отъ потопа родъ человѣческій, освящалъ субботу, или *Авраамъ*, принося въ жертву Богу сына своего *Исаака*, хранилъ день субботній, или *Мельхиседекъ*, какъ священникъ держался закона о субботѣ.

Но, скажутъ Іудеи, надлежитъ соблюдать субботу съ тѣхъ поръ, какъ *Моисей* издалъ о ней постановленіе. — Стало быть явно, что постановленіе, долженствовавшее прекратиться, не было ни вѣчное, ни духовное, но только временное. Впрочемъ отправленіе сего празднества не заключается въ соблюденіи субботы, то есть, седьмаго дня. Доказательствомъ служитъ то, что *Іисусъ-Навинъ* при осадѣ Іерихона объявилъ народу, что Богъ повелѣлъ ему приказать священникамъ носить кивотъ завѣта вокругъ города семь

дней; къ чему присовокупилъ, что не пройдетъ седьмой день обхода, какъ стѣны городскія сами падутъ въ основаніи своемъ. Приказаніе его было исполнено. Подъ конецъ седьмаго дня стѣны пали, такъ какъ онъ предсказалъ. Чрезъ сіе ясно намъ доказано, что въ числѣ сихъ семи дней заключался и день субботній, въ какой бы день обходъ ни начался, надлежало тутъ быть и субботнему дню, и въ день сей не только священники занимались работою, но цѣлый городъ сдѣлался добычею Израиля, который перерѣзалъ въ немъ жителей. Что они (въ субботу) занимались работою, въ томъ нѣтъ сомнѣнія; ибо вступили въ ратоборство по повелѣнію Божію. Во времена Маккавеевъ Іудеи неоднократно сражались храбро въ день субботній, торжествовали надъ внѣшними непріятелями, и сими побѣдами, одержанными въ субботній день, приводили законъ отцевъ своихъ къ первоначальному его значенію. Я не думаю, чтобъ они отмѣняли тутъ иной законъ, какъ тотъ, которымъ повелѣно имъ было помнить день субботній: убѣдительное доказательство, что подобнаго рода постановленія имѣютъ силу только на извѣстное время и на случай предстоявшей въ томъ надобности, но что Богъ далъ имъ первоначально законъ сей не для того, чтобъ онъ исполнялся вѣчно.

V. Мы выводимъ изъ сего еще то доказательство, что обѣты милосердія и духовныя жертвоприношенія были предсказаны. Земныя жертвы старшаго сына, то есть, Израиля, съ самаго начала міра прообразуются посредствомъ жертвъ *Каина*, между тѣмъ какъ въ жертвахъ *Авеля*, младшаго сына, то есть, нашего народа, мы видимъ жертвы совсѣмъ другаго рода. Старшій (*Каинъ*) *принесе отъ плодовъ земли жертву Богу. И Авель, младшій, принесе и той*

отъ первородныхъ овецъ своихъ и отъ туковъ ихъ. И призрѣ Богъ на Авеля и на дары его. На Каина же и на жертвы его не внятъ. И опечалися Каинъ зѣло, и испаде лице его. И рече Господь Богъ Каину: вскую прискорбенъ былъ еси и вскую испаде лице твое? Еда, аще право принесъ еси, право же не раздѣлилъ еси? Не согрѣшилъ ли еси? Умолкни. Къ тебѣ обращеніе его (грѣха), *и ты тѣмъ обладаеши. И рече Каинъ ко Авелю брату своему: пойдемъ на поле. И бысть, внегда быти имъ на поли, воста Каинъ на Авеля брата своего, и уби его. И рече Господь Богъ ко Каину: гдѣ есть Авель братъ твой? И рече: не вѣмъ; еда стражъ брату моему есмь азъ? И рече Господь: что сотворилъ еси сіе? Гласъ крове брата твоего вопіетъ ко мнѣ отъ земли. И нынѣ проклятъ ты на земли, яже разверзе уста своя пріяти кровь брата твоего отъ руки твоея. Егда дѣлаеши землю, и не приложитъ силы своея дати тебѣ: стеня и трясыйся будеши на земли. И рече Каинъ ко Господу Богу: вящшая вина моя, еже оставитися ми. Аще изгониши мя днесь отъ лица земли, и отъ лица Твоего скрыюся, и буду стеня и трясыйся на земли, и будетъ, всякъ обрѣтаяй мя убіетъ мя* (Быт. IV. 4 — 14). — Изо всего сего замѣчаемъ мы, что два жертвоприношенія двухъ народовъ имѣли свое прообразованіе съ самаго начала.

Наконецъ когда *Моисей* въ книгѣ Левитъ предписывалъ священническія постановленія: то мы находимъ тамъ, что Израильскому народу повелѣно было приносить жертвы не въ иномъ какомъ мѣстѣ, какъ только въ землѣ обѣтованной, которую Господь Богъ долженъ былъ дать народу Израильскому и братьямъ его, съ тѣмъ, что когда Израиль будетъ туда введенъ, то приносилъ бы тамъ жертвы и всесожженія какъ за грѣхи, такъ и за души свои, но еще повто-

рю, не индѣ, какъ въ святой землѣ. Но за чѣмъ Духъ Святый потомъ объявляетъ устами Пророковъ, что жертвы нѣкогда приносимы будутъ по всему лицу земли и на всякомъ мѣстѣ, какъ-то *Малахія*, одинъ изъ двѣнадцати Ангеловъ-Пророковъ, предсказалъ: *жертвы не приму отъ рукъ вашихъ; зане отъ востокъ солнца и до западъ Имя Мое прославися во языцѣхъ, и на всякомъ мѣстѣ ѳиміамъ приносится Имени Моему и жертва чиста* (Мал. I. 11). Давидъ въ псалмахъ своихъ также возглашаетъ: *принесите Господеви отечествія языкъ*, (проповѣдь Апостоловъ дѣйствительно долженствовала пронестись по всей землѣ), *принесите Господеви славу и честь, принесите Господеви славу имени Его; возмите жертвы и входите во дворы Его.* Когда надобно умилостивить Бога жертвами духовными, а не земными, Пророкъ говоритъ намъ: *жертва Богу духъ сокрушенъ.* Также и въ другомъ мѣстѣ: *пожри Богови жертву хвалы, и воздаждь Вышнему молитвы твоя* (Псал. XCV. 7, L. 19, XLIX. 14). Тутъ рѣшительно возвѣщается, что благопріятна Богу духовная жертва хвалы, жертва Ему духъ сокрушенъ; возвѣщается съ одной стороны отверженіе плотскихъ жертвъ, о которыхъ *Исаія* отзывается такъ: *что Ми множество жертвъ вашихъ, глаголетъ Господь?* А съ другой обѣты духовныхъ и благоугодныхъ Богу жертвъ, какъ-то говоритъ тотъ же Пророкъ: *аще принесете Ми семідалъ всуе.* Онъ присовокупляетъ: *исполненъ есмь всесожженій овнихъ и тука агнцовъ, и крове юнцовъ и козловъ не хощу. Егда простреше руки (ваша) ко Мнѣ, отвращу очи Мои отъ васъ, и не услышу васъ. Кто изыска сія изъ рукъ вашихъ* (Исаія I. 11—15). —Напротивъ того послушайте, что Богъ говоритъ о духовныхъ жертвахъ: *на всякомъ мѣстѣ ѳиміамъ приносится имени Моему и жертва чиста* (Мал. I. 11).

VI. Теперь, когда мы убѣждены, что предсказаны были суббота временная и суббота вѣчная, обрѣзаніе плотское и обрѣзаніе духовное, законъ временный и законъ вѣчный, жертвы плотскія и жертвы духовныя: то изъ сего явствуетъ, что за тѣмъ временемъ, когда плотскія постановленія даны Іудейскому народу, послѣдовало время, когда древній законъ и древніе обряды должны были прекратиться, дабы дать мѣсто обѣтамъ новаго закона, увѣданію духовныхъ жертвъ и исполненію новаго завѣта, потому что мы, сидѣвшіе во тьмѣ и въ сѣни смертной, просвѣщены были свѣтомъ свыше. Слѣдовательно, какъ мы выше уже привели, что Пророки предсказали новый законъ, отличный отъ закона, даннаго праотцамъ, когда Господь извелъ ихъ изъ Египта: то намъ необходимо нужно предъявить и доказать съ одной стороны, что древній законъ прекратился, а съ другой, что нынѣ дѣйствуетъ обѣтованный новый законъ.

Прежде всего надобно изслѣдовать, должно ли еще ожидать пришествія новаго законодателя, наслѣдника новаго завѣта, первосвященника новыхъ жертвоприношеній, очистителя нашего обрѣзанія, блюстителя вѣчной субботы, ожидать съ тѣмъ, чтобы прекратить древній законъ, чтобы ввести новый завѣтъ, чтобы принесть новыя жертвы, чтобъ отмѣнить древніе обряды и древнее обрѣзаніе; ибо самъ Онъ возвѣстилъ, что учредитъ особую субботу и новое безконечное царство. Словомъ сказать, намъ предлежитъ разсмотрѣть, пришелъ ли уже или нѣтъ Творецъ новаго закона, блюститель духовной субботы, Первосвященникъ вѣчныхъ жертвоприношеній, безсмертный Владыка вѣчнаго царствія. Если Онъ не пришелъ, то надлежитъ Его ожидать, съ тѣмъ однакожъ, что при Его пришествіи постановленія древня-

го закона должны уступить мѣсто откровеніямъ закона новаго. Первое тутъ правило состоитъ въ томъ, что древній законъ и явленіе Пророковъ не могли бы прекратиться, если бы Тотъ, о пришествіи котораго этотъ законъ и эти Пророки возвѣщали, не снизшелъ уже на землю.

VII. И такъ предметъ нашего разсужденія заключается въ слѣдующемъ: Христосъ, о пришествіи котораго было возвѣщено, пришелъ ли уже на землю, или должны мы еще ожидать Его пришествія? Чтобы доказать это, намъ надобно изслѣдовать времена, указанныя Пророками для пришествія Іисуса Христа дабы узнавши, что Онъ явился именно въ тѣ времена, какія Пророками обозначены, были мы твердо убѣждены, что Онъ тотъ самый Христосъ, о которомъ ими было предсказано, и въ котораго народы должны вѣровать. Потомъ, когда мы удостовѣримся, что Онъ уже пришелъ: то намъ не останется инаго, какъ несомнѣнно вѣрить, что Онъ далъ новый законъ, и что новый завѣтъ исполнился для насъ въ Немъ и чрезъ Него. Намъ извѣстно, что и самые Іудеи не отрицаютъ того, что Іисусъ Христосъ долженъ къ намъ снизойти, и они всю свою надежду полагаютъ на Его пришествіе. Мы не имѣемъ надобности на сей счетъ много распространяться. О семъ свидѣтельствуютъ всѣ Пророки, и особливо *Исаія*, говоря: *Сице глаголетъ Господь Богъ помазанному Моему, его же удержахъ за десницу, повинути предъ нимъ языки, и крѣпость царей разрушу, отверзу предъ нимъ врата, и гради не затворятся* (Исаіи. XLV. 1). Мы видѣли, какъ это чудо совершилось. Кого инаго Богъ-Отецъ удержалъ за руку, какъ не Іисуса Христа, Сына Своего, котораго всѣ народы услышали, то есть, въ котораго всѣ они увѣровали? Псалмопѣвецъ описываетъ

Апостоловъ, обязанныхъ проповѣдать имя Его, сими словами: *во всю землю изыде вѣщаніе ихъ и въ концы вселенныя глаголы ихъ* (Псалт. XVIII. 5). Спрашивается: въ кого другаго увѣровали народы, какъ не въ Іисуса Христа, уже пришедшаго? Въ кого другаго могли увѣровать Пареяне, Меды, Сламиты, жители Месопотаміи, Арменіи, Фригіи, Каппадокіи, Понта, Азіи, Памфиліи, Египта, той части Ливіи, что близь Кирены, и сверхъ всего того многіе пришельцы изъ Рима? Въ кого увѣровали Іудеи, жившіе тогда въ Іерусалимѣ, и другіе народы изъ предѣловъ Гетуліи, Мавританіи, Испаніи, Галліи, обитатели Британіи, недоступные для Римлянъ, но покорившіеся Христу, Сарматы, Даки, Германы, Скиѳы, множество иныхъ неизвѣстныхъ намъ странъ и острововъ, которыхъ и исчислить нельзя?

Во всѣхъ мѣстахъ прославляется имя Іисуса Христа, который уже пришелъ и царствуетъ; прославляется Богъ, предъ которымъ градскія врата отверзты и грады не затворены, предъ которымъ желѣзные затворы сокрушаются и мѣдяныя двери падутъ. Хотя подобныя изреченія надобно разумѣть въ духовномъ смыслѣ, означающемъ то, что сердца наши, разнообразно отъ діавола обуреваемыя, отверзлись вѣрою во Іисуса Христа; но тѣмъ не менѣе справедливо, что они исполнились на самомъ дѣлѣ буквально, потому что народъ Христовъ распространился уже повсемѣстно. Да и кто могъ бы царствовать повсемѣстно, какъ не Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій, о которомъ возвѣщено намъ, что Онъ будетъ вѣчно царствовать надъ всѣми народами? *Соломонъ* царствовалъ, но только въ предѣлахъ Іудеи и земли своей, отъ Вирсавіи до Дана. *Дарій* царствовалъ, но только надъ Вавилонянами и Пареянами: онъ не завоевалъ всѣхъ народовъ.

Фараонъ и другіе государи сего же имени царствовали въ Египтѣ, но только въ Египтѣ. Навуходоносоръ, вспомоществуемый своими военачальниками, простеръ оружіе свое до Индіи и Еѳіопіи; но тутъ власть его пресѣклась. *Александръ Македонскій*, кратковременный властитель Азіи и побѣжденныхъ имъ странъ, не передалъ своимъ наслѣдникамъ владычества своего. Германы не позволили еще никому вторгнуться въ ихъ границы. Британія оберегается океаномъ, ее окружающимъ. Пылкость Мавровъ и свирѣпство Гетуловъ едва воздерживаются Римлянами. Что сказать и о самыхъ Римлянахъ? У нихъ недостаетъ Легіоновъ для охраненія собственныхъ границъ, и они далѣе сихъ народовъ никогда власти своей распространить не могли. Но не то происходитъ въ отношеніи къ Іисусу Христу. Имя и власть Его проникаютъ во всѣ концы вселенной. Повсюду вѣруютъ въ Него. Предъ Нимъ благоговѣютъ всѣ нами упомянутыя націи. Вездѣ Онъ царствуетъ, вездѣ воздается Ему поклоненіе, вездѣ Ему приносится одинакая дань. Нѣтъ варвара, который бы не былъ принятъ отъ Него съ радостію. Нѣтъ такого званія и состоянія, которое бы могло тутъ пользоваться особымъ преимуществомъ. Онъ ко всѣмъ одинаковъ, надъ всѣми равно властвуетъ. Онъ одинъ Царь, одинъ Судія, одинъ Господь и Богъ во вселенной. Не уже ли ты укоснишь повѣрить тому, что мы утверждаемъ, тогда какъ все это совершается предъ очами нашими?

VIII. Надобно изслѣдовать, какъ выше сказано, времена предсказанныя и предопредѣленныя для рожденія Іисуса Христа, для Его страданій и для запустѣнія, то есть, для разрушенія Іерусалима. *Даніилъ* говоритъ: *градъ и святое разсыплется со старѣйшиною грядущимъ, и во святилищи мерзость запустѣнія будетъ*

(Дан. IX, 26 и 27). Поищемъ, въ какое время долженъ былъ явиться Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Мы найдемъ это у того же *Даніила*. Исчисливъ указанныя имъ времена, мы докажемъ, что Іисусъ Христосъ не только пришелъ въ назначенное время, но пришествіе Его подтверждается знаменіями, Его сопровождавшими и чудесами, Имъ произведенными. Мы основываемъ доводы свои на происшествіяхъ, долженствовавшихъ сопутствовать Его пришествію, какъ-то Пророкъ объявляетъ, дабы мы могли вѣровать вмѣстѣ и самому предсказанію и исполненію предсказанія. Таково именно качество *Даніилова* пророчества объ Іисусѣ Христѣ. Онъ въ точности опредѣляетъ время, въ которое Христосъ избавитъ всѣ народы, присовокупляя притомъ, что послѣ страстей Господнихъ богоубійственный городъ будетъ разрушенъ. Послушаемъ, какъ онъ это описываетъ.

Въ первое лѣто Дарія, сына Ассурова, отъ племене Мидска, иже царствова въ царствѣ Халдейстѣмъ, въ лѣто первое царства его, азъ Даніилъ разумѣхъ въ книгахъ число лѣтъ.—И еще глаголющу ми въ молитвѣ, и се мужъ Гавріилъ, его же видѣхъ въ видѣніи моемъ въ началѣ, парящъ: и прикоснеся мнѣ, аки въ часъ жертвы вечернія, и вразуми мя, и глагола ко мнѣ, и рече: Даніиле, нынѣ изыдохъ устроити тебѣ разумъ. Въ началѣ молитвы твоея изыде слово, и азъ пріидохъ возвѣстити тебѣ, яко мужъ желаній еси ты, размысли о словеси, и разумѣй въ явленіи. Седмьдесятъ седмицъ сократишася о людехъ твоихъ и о градѣ твоемъ святѣмъ, яко да обветшаетъ согрѣшеніе, и скончается грѣхъ, и запечатаются грѣси, и загладятся неправды, и очистятся беззаконія, и приведется правда вѣчная, и запечатается видѣніе и Пророкъ, и помажется Святый святыхъ. И увѣси и уразумѣеши, отъ исхода

словесе, еже отвѣщати и еже соградити Іерусалимъ, даже до Христа старѣйшины седминъ седмь и седминъ шестдесять двѣ: и возвратится и соградится стогна и забрала, и истощатся лѣта; и по седминахъ шестидесяти двухъ потребится помазаніе (Мессія), и судъ не будетъ въ Немъ: градъ же и святое разсыплется со старѣйшиною грядущимъ, и потребятся аки въ потопѣ, и до конца рати сокращенныя чиноль (отъ) погибельми. И утвердитъ завѣтъ многымъ седмина едина: въ полъ же седмины отъимется жертва и возліяніе, и во святилищи мерзость запустѣнія будетъ, и даже до скончанія времене скончаніе дастся на опустѣніе (Дан. IX. 1, 2, 21—27).

Нельзя не замѣтить, съ какою точностію Пророкъ обозначаетъ тутъ время рожденія, страданія и смерти Іисуса Христа. Ангелъ ясно говоритъ, что *отъ исхода словесе до Христа* пройдетъ шестдесятъ двѣ седмины, *и святый святыхъ помажется;* потомъ *помазаніе потребится*; по истеченіи же семи седминъ въ одну седмину и въ полъ седмины *разсыплется градъ, отъимется жертва и скончаніе дастся въ опустѣніе.*

Но какимъ образомъ доказать, что Іисусъ-Христосъ придетъ по истеченіи шестидесяти двухъ седминъ съ половиною? Мы начнемъ исчисленіе наше съ перваго года царствованія *Дарія*, когда видѣніе происходило, и *Даніилу* было сказано: *размысли о словеси.* Послѣдующія за тѣмъ происшествія будутъ нашими путеводителями. Взглянемъ на пресмство Государей.

Дарій царствовалъ	19	лѣтъ.
Артаксерксъ	40	—
Охувъ, онъ же и Киръ	23	—
Аргусъ	1	—
Дарій 2 (Меласъ).	22	—
Александръ Македонскій	12	—

По переводѣ столицы въ Александрію:

Сотеръ царствовалъ	35	лѣтъ.
Птоломей - Филадельфъ	39	—
Эвергетъ.	25	—
Филопаторъ	17	—
Эпифанъ	24	—
Эвергетъ 2-й	29	—
Сотеръ 2-й	38	—
Птоломей	38	—
Клеопатра	20½	—
Августъ вмѣстѣ съ Клеопатрою . .	13	—
Августъ одинъ	43	—
Итого	438½	(*).

Такимъ образомъ исполнились шестдесятъ двѣ седмины съ половиною, равняющіяся 438½ годамъ до пришествія Іисуса Христа, когда правда вѣчная водворена, когда Святый Святыхъ, то есть, Христосъ, помазанъ, когда запечаталось видѣніе и Пророкъ, и когда загладились грѣхи, отпускаемые всѣмъ вѣрующимъ во имя Христово.

Но что значутъ слова: *запечатается видѣніе и Пророкъ?* Такъ какъ всѣ Пророки предсказывали, что Христосъ долженъ прійти и пострадать: то при исполненіи пророчества о Его пришествіи *Даніилъ* и сказалъ, что видѣніе и Пророкъ запечатаются, потому что Іисусъ Христосъ, исполняя все то, что о лицѣ Его древле Пророками предсказано было, есть какъ бы печать и совершеніе всѣхъ Пророковъ. Дѣйствительно, съ тѣхъ поръ, какъ Онъ пришелъ и пострадалъ, нѣтъ уже ни видѣнія, ни Пророка, которые бы возвѣщали, что Онъ придетъ. Если это неправда: то пусть Іудеи покажутъ

(*) Исчисленіе, *Тертулліаномъ* здѣсь приведенное, нѣсколько ошибочно; но существо дѣла истинно.

намъ хотя одно мѣсто въ своихъ писаніяхъ, гдѣ бы со времени пришествія Христова упомянуто было о какихъ либо на сей счетъ Пророкахъ или о видимыхъ ангельскихъ явленіяхъ и чудесахъ, которыхъ древніе Пророки были свидѣтелями.

Евангелистъ имѣлъ право сказать: *вси пророцы и законъ до Іоанна* (крестителя) *пророкоша* (Мат. XI. 13). Какъ скоро Христосъ крестился, то есть, какъ скоро освятилъ Онъ воды Своимъ крещеніемъ: то полнота духовной благодати древняго закона всецѣло сосредоточилась въ Іисусѣ Христѣ, и Онъ запечаталъ видѣніе и всѣ пророчества, исполнивши ихъ Своимъ пришествіемъ. Посему-то изреченіе *Даніила* весьма достовѣрно, что съ пришествіемъ Его *видѣніе и Пророкъ запечатаются.*

Показавъ, что Іисусъ Христосъ пришелъ въ міръ по истеченіи шестидесяти двухъ съ половиною седминъ, посмотримъ теперь, какимъ образомъ остальныя за тѣмъ семь съ половиною седминъ исполнились. *Августъ* жилъ еще пятнадцать лѣтъ послѣ рождества Христова. Ему наслѣдовалъ *Тиверій,* царствовавшій двадцать два года, семь мѣсяцевъ, двадцать дней. Въ пятнадцатое лѣто сего царствованія пострадалъ Іисусъ Христосъ, имѣя отъ роду около тридцати лѣтъ (*). Послѣ *Тиверія* были Императорами: *Каій Цесарь*, онъ же и *Калигула*, три года семь мѣсяцевъ тринадцать дней; *Неронъ* девять лѣтъ девять мѣсяцевъ тринадцать дней; *Галба* семь мѣсяцевъ шесть дней; *Отонъ* три мѣсяца пять дней; *Вителлій* восемь мѣсяцовъ десять дней; *Веспасіанъ* торжествуетъ надъ Іудеями въ первый годъ своего царствованія. Всего прошло пятдесятъ два года шесть мѣсяцевъ. Вотъ какъ исполнились для

(*) *Тертулліаново* исчисленіе и здѣсь не вѣрно.

Іудеевъ предсказанныя *Даніиломъ* семьдесятъ седминъ до конечной ихъ гибели. По истеченіи сихъ лѣтъ и по воспослѣдованіи ихъ гибели, пресѣклись въ странѣ ихъ жертвы и приношенія, которыя уже съ тѣхъ поръ никогда не могли быть тамъ отправляемы; ибо помазаніе сіе потребилось со времени страданія Іисуса-Христа. Предвозвѣщено было, что *помазаніе потребится*, равно какъ и въ 21 Псалмѣ сказано: *ископаша Ми руци и нози.* Это кровавое жертвоприношеніе совершилось въ концѣ семидесяти седминъ, въ царствованіе *Тиверія*, во время консульства *Рубеллія* и *Фуфія Геминіевъ*, въ мартѣ мѣсяцѣ, когда наступало празднество Пасхи, и когда повелѣно было *Моисеемъ* ѣсть агнца въ вечеру. Вся синагога сыновъ Израилевыхъ участвовала въ семъ жертвоприношеніи, вопія къ *Пилату*, хотѣвшему освободить Іисуса-Христа: *кровь Его на насъ и на чадѣхъ нашихъ*; а также: *аще сего пустиши, нѣси другъ Кесаревъ* (Мат. XXVII. 25. и Іоан. XIX. 12), дабы все то, что о Немъ было писано, непремѣнно исполнилось.

IX. Приступимъ же къ точному доказательству того, что рождество Іисуса-Христа было предвозвѣщено Пророками. *Исаія* говоритъ такъ: *слышите доме Давидовъ: еда мало вамъ есть трудъ даяти человѣкомъ? И како даете Господеви трудъ? Сего ради дастъ Господь Самъ вамъ знаменіе: се дѣва во чревѣ зачнетъ и родитъ Сына, и нарекутъ имя ему Еммануилъ* (съ нами Богъ); *масло и медъ снѣсть . . . Зане прежде неже разумѣти отрочати назвати отца или матерь, пріиметъ силу Дамаскову и корысти Самарійскія предъ царемъ Ассирійскимъ* (Ис. VII. 13—15. VIII. 4).

Іудеи тутъ говорятъ: «мы ссылаемся на это самое пророчество *Исайино*, и спрашиваемъ: даваемое Христу Пророкомъ имя и всѣ приписываемыя Ему качества

приличествуютъ ли подлинно Христу, уже пришедшему? *Исаія* объявляетъ, что Онъ наречется Еммануилъ, и что пріиметъ (сокрушитъ) силу Дамаскову и (восхититъ) корысти Самарійскія предъ царемъ Ассирійскимъ. Извѣстно же, прибавляютъ они, что пришедшій по вашему мнѣнію Христосъ никогда не назывался симъ именемъ и не производилъ войны.»

Мы попросимъ ихъ еще разъ прочесть внимательно этотъ текстъ въ полной его связи. Къ слову *Еммануилъ* прибавляется и значеніе его *съ нами Богъ*, дабы читатель занялся не столько его толкованіемъ, какъ смысломъ. *Еммануилъ* есть слово собственно или частно Еврейское; но значеніе его *съ нами Богъ* есть реченіе общепонятное. Спрашивается: наименованіе *съ нами Богъ*, объемлющее вполнѣ слово *Еммануилъ*, не оправдалось ли въ точности Іисусомъ-Христомъ, когда это солнце правды возсіяло въ мірѣ? Надѣюсь, что никто того отрицать не станетъ. Всѣ Іудеи, увѣровавшіе въ Него, иначе не называютъ *Еммануила*, какъ *съ нами Богъ*. Стало быть *Еммануилъ*, предсказанный Пророкомъ, уже пришелъ, потому что пришелъ Тотъ, Кого каждый именуетъ *съ нами Богъ*.

Іудеи заблуждаются также на счетъ изреченія Пророка, что Іисусъ-Христосъ пріиметъ силу Дамаскову и корысти Самарійскія предъ царемъ Ассирійскимъ. Они усиливаются видѣть тутъ предсказаніе о Христѣ завоевателѣ, не обращая вниманія на то, что предъ тѣмъ сказано, то есть, что Онъ приметъ эту силу и эти корысти *прежде неже разумѣти отрочати назвати отца или матерь*. Нельзя здѣсь не принять въ уваженіе возраста отрочати, котораго слабость не свойственна къ тому, чтобы дѣйствовать подобно взрослому человѣку, а тѣмъ паче военачальнику. Не дѣтскимъ ли лепетаніемъ новорожденный станетъ призы-

вать народы свои къ оружію? Не будетъ ли онъ употреблять трубу вмѣсто побрякушки для поданія знака къ сраженію? Къ чему послужатъ ему рѣчи ваши объ оружіи, о лошадяхъ или о ставкахъ для открытія непріятеля? Видно, лежа на груди носящей его рабыни, или находясь въ объятіяхъ кормилицы, овладѣваетъ онъ вмѣсто сосцевъ сей послѣдней Дамаскомъ и Самаріею. Видно новорожденные у васъ выходятъ на сраженіе, какъ скоро обсушатъ на солнцѣ члены свои, умащенные масломъ, или будучи повиты еще пеленками: они видно умѣютъ стрѣлять изъ лука прежде, нежели напитаются молокомъ отъ матернихъ грудей. — Но станемъ говорить не шутя. Если, судя по законамъ природы, преуспѣяніе въ жизни предшествуетъ преуспѣянію въ воинскомъ искусствѣ, если необходимо нужно знать имя отца и матери прежде, нежели укрощать гордость Дамаска: то неизбѣжно слѣдуетъ заключить, что выраженія эти фигуральныя или аллегорическія.

«Но рожденіе отъ Дѣвы, возражаютъ они, не «менѣе противорѣчитъ природѣ; а между тѣмъ Про«року вѣрить надобно.»

Точно такъ, и не безъ причины. Пророкъ готовитъ меня къ вѣрѣ въ невѣроятное дѣло, говоря, что оно будетъ мнѣ служить знаменіемъ. *Сего ради дастъ Господь Самъ вамъ знаменіе: се Дѣва во чревѣ зачнетъ и родитъ Сына.* Если бы это не было новое нѣкое чудо: то знаменіе несообразно бы было съ достоинствомъ Бога. Напрасно для испроверженія въ иныхъ вѣры и для привлеченія къ себѣ простыхъ и легковѣрныхъ душъ стараетесь вы убѣдить, будто бы св. Писаніе говоритъ здѣсь не о дѣвѣ, а просто о молодой дѣвушкѣ. Это не иное что, какъ нелѣпая ложь, которая сама себѣ противорѣчитъ. Столь обыкновен-

ное происшествіе, какъ зачатіе и роды молодой дѣвушки, могло ли служить знаменіемъ чуда? Но дѣва мать: вотъ знаменіе, которое стоитъ того, чтобъ ему повѣрить. Тоже самое можно разумѣть и о новорожденномъ завоевателѣ: тщетно сталъ бы я тутъ искать повода къ знаменію.

За симъ рожденіемъ, для котораго нужно было знаменіе, слѣдуютъ обстоятельства не столько важныя. *Масло и медъ снѣсть*. Тутъ нѣтъ знаменія, потому что пища приличествуетъ ребенку. Но пріятіе силы Дамасковой и корыстей Самарійскихъ предъ царемъ Ассирійскимъ, заключаетъ въ себѣ опять таинственное знаменіе. Не теряйте изъ вида возраста отрочати, поищите смысла пророчества, признайте за истину то, чему не хотите вѣрить. Тогда исчезнетъ какъ темнота пророчества, такъ и неувѣренность въ исполненіи его. Предоставьте восточнымъ магамъ власть поднести младенцу Богу свое золото и фиміамъ: въ такомъ случаѣ Христосъ, будучи еще въ колыбели, не имѣя оружія, безъ всякаго сраженія, пріиметъ корысти Самарійскія. Извѣстно, что золото и фиміамъ составляютъ главное богатство востока и часто всю силу иныхъ народовъ. Въ доказательство того Пророкъ *Захарія* говоритъ: *и Іуда ополчится во Іерусалимѣ, и соберетъ крѣпость всѣхъ людей окрестъ злато и сребро и ризы во множество* (Зах. XIV. 14). Также и *Давидъ*, предвидя честь, какая воздастся Богу его, сказалъ: *царіе Ѳарсійстіи и острови дары* (Ему) *принесутъ, царіе Аравійстіи и Сава дары приведутъ* (Пс. LXXI. 10). Востокъ всегда почти былъ управляемъ Магами: въ зависимости Сиріи состоялъ и Дамаскъ, пока по раздѣленіи Сиріи на двѣ части не поступилъ онъ подъ власть Сирофиникіи. Стало быть Христосъ, получивъ отъ него въ даръ

золото и фиміамъ, воспріялъ надъ нимъ власть духовно.

Что касается собственно до корыстей Самарійскихъ: то подъ сими словами надобно разумѣть самихъ Маговъ, которые познали Іисуса-Христа вѣрою въ явленіе звѣзды, служившей имъ и свидѣтельствомъ и путеводителемъ, и воздавши со смиреніемъ поклоненіе Ему, какъ Владыкѣ и Богу своему, прообразовали вѣрою своею во Христа корысти Самарійскія, то есть, побѣжденное идолопоклонство. Дѣйствительно Пророкъ вмѣсто идолопоклонства упомянулъ тутъ аллегорически о Самаріи, обезславившей себя суевѣріемъ и возмущеніемъ противъ Бога при царѣ *Іеровоамѣ*. Въ первый ли разъ св. Писаніе употребило тутъ измѣненіе въ словахъ для обозначенія подобныхъ преступленій? *Соломонъ* начальниковъ вашихъ именуетъ вождями Содомскими, называетъ народъ вашъ народомъ Гоморскимъ, хотя эти города давно уже были истреблены. Въ другомъ мѣстѣ Господь говоритъ Израилю чрезъ Пророка своего: *отецъ твой Аморреанинъ, и мати твоя Хеттеанныня* (Іезек. XVI. 3), не потому, чтобъ они происходили отъ крови сихъ народовъ, но что подражали ихъ злочестію. Къ кому же обращаетъ Онъ эти упреки? Къ тѣмъ самымъ чадамъ, о которыхъ сказано: *Сыны родихъ и возвысихъ* (Исаіи I. 2). Равнымъ образомъ на языкѣ Писанія Египетъ означаетъ часто порицаніе міра за идолопоклонство и изреченіе на него проклятія. А также по словамъ Евангелиста нашего, Вавилонъ знаменуетъ великій городъ Римъ, превозносящійся своею обширностію, народонаселеніемъ и славою, и упивающійся кровію мучениковъ. Таковъ смыслъ и имени Самаритянъ, даннаго Магамъ. Они *плѣнены и расхищены*, говоритъ Писаніе, потому что участвовали въ идолопоклонническихъ суевѣріяхъ Самаріи.

Послѣдующія за тѣмъ слова: *предъ царемъ Ассирійскимъ*, прообразуютъ не инаго кого какъ діавола, мечтающаго утвердить царство свое, когда онъ успѣетъ кого изъ Святыхъ отвратить отъ божественной Религіи.

Объясненіе это подтверждается многими другими священными текстами, гдѣ Іисусъ-Христосъ представляется въ видѣ завоевателя съ символическимъ оружіемъ и подъ фигуральными наименованіями. Для убѣжденія Іудеевъ разберемъ слѣдующій текстъ. *Препояши мечь Твой по бедрѣ Твоей, Сильне*, восклицаетъ *Давидъ* (Псал. XLIV. 4). Это такъ: но предъ тѣмъ читаемъ мы, что о Христѣ сказано также: *красенъ добротою паче сыновъ человѣческихъ, изліяся благодать во устнахъ Его*. Не смѣшно ли бы было слышать, что Пророкъ выхваляетъ красоту лица и прелесть устъ у завоевателя, которому вручаетъ мечь, чтобъ итти на сраженіе? *Наляцы, успѣвай и царствуй истины ради и кротости и правды*, продолжаетъ онъ. Спрашивается: это ли дѣйствія меча, или паче не производитъ ли мечь совсѣмъ противныхъ дѣйствій: коварства, жестокости, варварства, сихъ неизбѣжныхъ плодовъ всякаго сраженія?

Разсмотримъ, тотъ ли это мечь, котораго дѣйствія столь различны, то есть, не мечь ли это Слова Божія, мечь обоюдоострый, изощренный двумя завѣтами, завѣтомъ древняго и завѣтомъ новаго закона, изощренный правдою и мудростію Божіею, *имущій воздать каждому по дѣломъ его*. Стало быть Христосъ, помазанникъ Божій, котораго красу и благодать превознесъ Пророкъ, могъ и безъ участія въ браняхъ и сраженіяхъ вооружиться таинственно мечемъ Слова Божія. Вотъ тотъ мечь, которымъ *Давидъ* препоясалъ бедро Его, возвѣщая, что Онъ придетъ на землю для

исполненія повелѣній Отца Своего. *Наставитъ Тя дивно десница Твоя*, продолжаетъ онъ, то есть, наставитъ силою духовной благодати, откуда истекаетъ познаніе о Христѣ. *Стрѣлы Твоя изощрены* (пламенны): это намекъ на заповѣди, обтекающія весь міръ, на угрозы, казни и сокрушенія сердца, проникающія совѣсть каждаго. *Люди подъ Тобою падутъ* для поклоненія со смиреніемъ.—Таковы-то брани и сраженія Іисуса-Христа. Такимъ-то образомъ Онъ пріялъ и понесъ на плечахъ Своихъ корысти не только Самаріи, но и всѣхъ народовъ. Ясно, что тутъ аллегорическія корысти относятся къ рукамъ, носящимъ аллегорическое оружіе. Впрочемъ Христосъ, снисшедшій къ намъ, тѣмъ менѣе можетъ почесться воинственнымъ, что *Исаія* не возвѣщалъ о Немъ, какъ о земномъ завоевателѣ.

«Но если, говорятъ Іудеи, Христосъ, имѣющій прійти, не названъ Іисусомъ: то почему носитъ имя тто Христосъ, уже пришедшій?»

Я открою тебѣ сущность твоего заблужденія. Когда дѣло шло о выборѣ *сына Навина* наслѣдникомъ *Моисею*: то какое имя дано ему вмѣсто *Авсія*, первоначальнаго имени его? Не имя ли *Іисуса*?—Конечно такъ, отвѣчаешь ты.—Знай же, что подъ симъ символомъ скрывалось будущее. Такъ какъ Іисусъ-Христосъ долженъ былъ ввести въ обѣтованную землю, кипящую млекомъ и медомъ, или лучше сказать ввести въ коварство вѣчной жизни и неизреченнаго блаженства другой народъ, который составляемъ мы, блуждавшіе прежде въ пустыняхъ вѣка сего; такъ какъ не *Моисею* по древнему закону, но Іисусу-Христу по благодати новаго закона, предоставлено совершить эту счастливую перемѣну и обрѣзать насъ таинственнымъ краеугольнымъ камнемъ, то есть, запо-

вѣдями Іисуса-Христа, часто въ Писаніи знаменуемаго подъ симъ символомъ: то воначальнику Еврейскаго народа предназначено было прообразовать впередъ чудо сіе и освятить его именемъ *Іисуса*. Тотъ, кто бесѣдовалъ съ *Моисеемъ*, былъ Сынъ Божій, который всегда только и допускалъ Себя видѣть; ибо Бога-Отца *никто же видѣ и живъ бысть*. Стало быть, когда Сынъ Божій говорилъ съ *Моисеемъ*, то Онъ же сказалъ и народу: *И се Азъ послю Ангела Моего предъ лицемъ твоимъ, да сохранитъ тя на пути, яко да введетъ тя въ землю, юже уготовахъ тебѣ. Вонми себѣ, и послушай его, и не ослушайся его; не обидется бо тебе: имя бо Мое есть на немъ* (Исх. XXIII. 20). Дѣйствительно *Іисусъ*, а не *Моисей*, долженствовалъ ввести народъ въ обѣтованную землю. Но почему именуетъ Онъ его Своимъ Ангеломъ? По причинѣ чудесъ, которыя долженъ онъ былъ произвесть, и которыя можешь ты прочесть въ св. Писаніи, и по причинѣ пророческаго его посланничества, по силѣ котораго онъ повсюду разгласилъ волю Божію. Такимъ же образомъ и Святый Духъ, говоря отъ имени Бога-Отца устами Пророка, называетъ Ангеломъ небеснаго предтечу Іисуса-Христа: *се Азъ посылаю Ангела Моего, предъ лицемъ Твоимъ*, то есть, Христовымъ, *иже уготовитъ путь Твой предъ Тобою* (Мал. III. 1). Духъ Святый неоднократно давалъ имя Ангеловъ тѣмъ лицамъ, которыхъ Богъ избиралъ посланниками Своего могущества. *Іоаннъ* Креститель именуется не только Ангеломъ, но и свѣтильникомъ, сіяющимъ предъ Нимъ. *Уготовахъ свѣтильникъ помазанному* (Христу) *Моему*, говоритъ Псалмопѣвецъ (Пс. CXXXI. 17). Посему-то Христосъ, пришедшій исполнить пророчества, и сказалъ Іудеямъ: *онъ бѣ свѣтильникъ горя и свѣтя* (Іоан. V. 35), не только потому что *уготовалъ Ему путь*

въ пустынѣ, но и потому, что, *явивши Агнца Божія*, просвѣтилъ умъ человѣческій проповѣдію своею, дабы люди признали Агнца въ лицѣ Того, о страданіяхъ котораго предрекъ *Моисей*. Такимъ образомъ *сынъ Навинъ* названъ *Іисусомъ* по причинѣ будущаго таинства его имени. Христосъ Самъ подтвердилъ данное Ему имя, желая, чтобъ Онъ не назывался ни Ангеломъ, ни *Авсіемъ*, но *Іисусомъ*, именемъ, приличествующимъ Христу Божію.

Но какъ Дѣва, отъ которой Христу надлежало родиться, должна была произойти отъ потомства *Давидова:* то Пророкъ уже безъ фигуры выражается такъ: *и изыдетъ жезлъ изъ корене Іессеова, и цвѣтъ отъ корене его взыдетъ; и почіетъ на Немъ Духъ Божій, Духъ премудрости и разума, Духъ совѣта и крѣпости, Духъ вѣдѣнія и благочестія; исполнитъ Его Духъ страха Божія* (Ис. XI. 1—3).—Спрашивается: кому изъ людей наиболѣе приличествуетъ все обиліе духовныхъ даровъ, какъ не единому Іисусу-Христу, котораго Пророкъ сравниваетъ съ цвѣтомъ, по причинѣ Его красы и благодати, и привязываетъ къ корени *Іессееву* потому, что Онъ долженствовалъ произойти изъ него чрезъ Марію, мать свою? Іисусъ-Христосъ родился въ Виѳлеемѣ. Онъ принадлежалъ къ роду Давидову, равно какъ и *Марія*, которая родила Христа, и которая внесена была въ Римскую перепись. А какъ Пророки возвѣстили, что Онъ произойдетъ отъ корени *Іессеева*, и что подастъ міру примѣръ кротости, смиренія, терпѣнія и самоотверженія: то разсмотримъ, приходилъ ли кто другой на землю съ такимъ предназначеніемъ. Человѣкъ, въ которомъ найдемъ мы всѣ эти качества, есть олицетворенный Христосъ. Послушаемъ, что Пророкъ о Немъ говоритъ: *человѣкъ въ язвѣ сый и вѣдый терпѣти болѣзнь; яко*

овча на заколеніе ведеся, и яко агнецъ предъ стригущимъ его безгласенъ, тако не отверзаетъ устъ своихъ.— Не возопіетъ, ниже ослабитъ, ниже услышится внѣ гласъ его, трости сокрушены не сотретъ, то есть, не сотретъ колеблющейся вѣры Израиля, *и льна курящася не угаситъ*, то есть, не угаситъ мелькающихъ отблесковъ язычества, *но воистину возсіяетъ и не потухнетъ* (Исаіи LIII. 3. и 7; XLII. 2 и 3). Онъ не можетъ различествовать съ пророченнымъ Христомъ. Каждое изъ дѣяній пришедшаго Христа должно познаваемо быть не иначе, какъ по правиламъ, возвѣщеннымъ въ св. Писаніи.

Мы читаемъ, что Онъ отличается двумя качествами: пророчествомъ и чудесами. Пройдемъ каждое изъ сихъ качествъ. Мы покончимъ настоящій споръ, если покажемъ, что Христосъ возвѣщенъ намъ былъ, какъ проповѣдникъ. Доказательствомъ тому служатъ *Исаіины* слова: *возопіи крѣпостію, и не пощади, яко трубу возвыси гласъ Твой, и возвѣсти людемъ Моимъ грѣхи ихъ и дому Іаковлю беззаконія ихъ. Мене день отъ дне ищутъ, и разумѣти пути Моя желаютъ, яко людіе правду сотворивши* и пр. (Ис. LVIII. 1 и 2). А что Онъ долженъ былъ творить чудеса силою Отца Своего, то о семъ тотъ же *Исаія* объявляетъ такъ: *се Богъ нашъ судъ воздаетъ, и воздастъ, Той пріидетъ и спасетъ насъ. Тогда отверзутся очи слѣпыхъ, и уши глухихъ услышатъ; тогда скочитъ хромый яко елень, и ясенъ будетъ языкъ гугнивыхъ* (Ис. XXXV. 4—6). Христосъ сотворилъ множество и другихъ чудесъ, которыхъ сами вы не отвергаете, потому что говорили Ему: мы побиваемъ Тебя камнемъ не за дѣла Твои, но за то, что Ты творишь ихъ въ день субботній.

X. «Вы не хотите вѣрить страстямъ Его и смерти «за тѣмъ, что по мнѣнію вашему не было предсказа-

«но, что Христосъ умретъ на крестѣ. Какъ можно, «говорите вы, чтобы Богъ осудилъ Сына Своего на «столь поносную смерть, когда Самъ сказалъ, что «проклятъ всякъ висяй на древѣ.» — Чтобы тутъ судить о существѣ дѣла, надобно вникнуть въ смыслъ сего проклятія. Во второзаконіи сказано: *Аще будетъ на комъ грѣхъ, судъ смертный, и да умретъ, и повѣсите его на древѣ, да не пренощуетъ тѣло его на древѣ, но во гробѣ погребите его въ той же день, яко проклятъ есть отъ Бога всякъ висяй на древѣ, и да не осквернite земли, юже Господь Богъ твой даетъ тебѣ во жребій* (Второз. XXI. 22 и 23). Стало быть Богъ проклинаетъ не Іисуса-Христа за этотъ родъ смерти. Напротивъ того, Онъ сдѣлалъ здѣсь постановленіе, что кто обвиненъ будетъ въ смертномъ преступленіи и осудится на смерть, тотъ будетъ проклятъ отъ Бога, потому что повѣшенъ на древѣ въ наказаніе за свое преступленіе. Христосъ, устъ котораго ложь никогда не оскверняла, и который былъ совершеннымъ образцемъ правды и смиренія, преданъ былъ смерти сего рода не въ наказаніе за злодѣянія, какъ-то уже мною объяснено, но во исполненіе предсказаній Пророковъ, указавшихъ вамъ самыя орудія Его смерти. Такъ напримѣръ Духъ Христовъ внушилъ Псалмопѣвцу заблаговременно сказать о Немъ: *воздаша Ми злая за благая. — Яже не восхищахъ, тогда воздаяхъ. — Ископаша руцѣ Мои и нозѣ Мои. — И даша въ снѣдь Мою желчь, и въ жажду Мою напоиша Мя оцта. — О одежди Моей меташа жребій* (Псалт. XXI. LXVIII).— Предсказано множество и другихъ оскорбленій, вами Ему нанесенныхъ. Онъ претерпѣлъ всѣ эти поношенія не за какія либо личныя Свои дѣянія, но единственно во исполненіе событій, изреченныхъ устами Пророковъ. Необходимость требовала, чтобы предна-

чертано было таинство Его страстей предварительнымъ предсказаніемъ. Чѣмъ болѣе противорѣчило оно разуму человѣческому, тѣмъ паче должно было возбуждать соблазнъ, будучи возвѣщено явно безъ покрывала. Чѣмъ болѣе было оно величественно, тѣмъ паче нужно было его скрывать, дабы, затрудняясь проникнуть его, прибѣгали мы къ благодати Божіей.

Вотъ почему древле *Исаакъ*, ведомый отцемъ своимъ на жертву, и несшій дрова всесожженія, знаменовалъ смерть Іисуса-Христа, какъ жертву, оставленную Отцемъ Своимъ, и несшую на себѣ древо Своей страсти, древо крестное. *Іосифъ* представляетъ также символъ Іисуса-Христа. Въ Іосифѣ, гонимомъ братьями своими, и проданномъ ими въ Египетъ за усердіе къ Богу, мы не только видимъ образъ Спасителя, равномѣрно преданнаго измѣнически братьями своими въ лицѣ *Іуды*; но подобіе открывается даже и въ данномъ ему благословеніи: *первородный юнца доброта его, рози единорога рози его: ими языки избодетъ вкупѣ даже до края земли* (Второз. XXXIII. 17). Эта эмблема не означаетъ ли какого либо сильнаго животнаго или баснословнаго чудовища? Конечно нѣтъ. Юнча сей не иной кто, какъ Іисусъ-Христосъ, страшный Судія для однихъ и благодушный Искупитель для другихъ. Роги сіи суть оконечности креста; ибо и въ килѣ корабля, знаменующемъ часть священнаго древа, дается оконечностямъ его имя роговъ. Наконецъ подъ словомъ единорогъ разумѣется стволъ того дерева, на которомъ Онъ былъ распростертъ. Силою сихъ символическихъ роговъ Христосъ нашъ ежедневно уловляетъ народы вѣрою, перенося ихъ отъ земли на небо; въ послѣдній же день Онъ по суду Своему низвергнетъ многихъ съ неба на землю.

Этотъ самый юнца проявляется вновь въ св. Пи-

саніи, когда *Іаковъ*, изрекая благословеніе свое на *Симеона* и *Левію*, то есть, на книжниковъ и фарисеевъ, происходившихъ отъ ихъ племени, восклицаетъ въ пророчественномъ духѣ: *Симеонъ и Левій братія совершиста обиду отъ воли своея* (воздвигли гоненіе на Іисуса-Христа); *въ совѣтъ ихъ да не пріидетъ душа моя, и къ собранію ихъ да не прилѣпятся внутренняя моя, яко во гнѣвѣ своемъ избиста человѣки* (кого инаго, какъ не Пророковъ?), *и въ похоти своей прерѣзастá жилы юнца* (Быт. XLIX. 5 и 6), то есть, Христа, котораго они убили, подобно какъ Пророковъ, и надъ которымъ истощили всю свою ярость и ненависть, пригвоздивъ Его ко кресту. Впрочемъ упрекать ихъ въ томъ, что они по избіеніи Пророковъ умертвили какое либо животное, было бы и смѣшно и безумно, если бы тутъ дѣло шло объ обыкновенномъ юнцѣ или тельцѣ.

Что сказать о *Моисеѣ*, который молился сидя и простерши крестообразно руки во время битвы *Іисуса-Навина* съ Амаликомъ? Почему принялъ онъ это положеніе тогда, какъ при всеобщемъ смятеніи и для придачи молитвѣ своей большей силы, долженъ бы онъ былъ преклонить колѣна къ землѣ, поразить себя въ грудь и посыпать лице свое пепломъ? Не потому ли, что тамъ, гдѣ сражалось имя Іисуса, долженствовавшаго нѣкогда въ конецъ попрать діавола, надлежало водрузить знаменіе креста, которымъ *Іисусъ-Навинъ* могъ бы одержать побѣду? Какое также значеніе имѣло то обстоятельство, что *Моисей*, послѣ запрещенія объ изваяніи какого либо образа, вознесъ на древо мѣдяную змѣю, какъ спасительное зрѣлище Распятаго, когда Евреи уязвляемы были змѣями въ наказаніе за свое идолопоклонство? Значеніе было то, что и здѣсь представленъ былъ образъ чудеснаго мо-

гущества Креста, котораго сила торжествовала надъ древнимъ зміемъ: всякой человѣкъ, уязвленный змѣею, то есть, аггелами діавола, чтобы исцѣлиться отъ язвы грѣховъ своихъ, долженъ былъ только взглянуть съ вѣрою на сей таинственный символъ Іисуса-Христа, и онъ былъ имъ спасаемъ.

Станемъ продолжать. Если ты у Псалмопѣвца читалъ, что *Господь царствуетъ съ высоты древа* (*): то я буду ожидать отъ тебя истолкованія на этотъ текстъ. Ты вѣрно не скажешь, чтобы тутъ дѣло шло о какомъ либо Іудейскомъ царѣ, лишившемся жизни на висѣлицѣ, но согласишься, что это относится къ Іисусу Христу, побѣдившему смерть крестнымъ страданіемъ. Мы также у *Исаіи* читаемъ: *отроча родися намъ*. Не прямо ли о Сынѣ Божіемъ говоритъ онъ: *отроча родися намъ Сынъ и дадеся намъ, Его же начальство на рамѣ* (плечѣ) *Его* (Ис. IX. 6). Скажи: какой гдѣ Государь на плечахъ своихъ носилъ знаменіе начальства вмѣсто діадимы на головѣ или скипетра въ рукѣ или же какого отличительнаго одѣянія? Іисусъ-Христосъ одинъ носилъ на раменахъ Своихъ могущество новой славы и печать Своего величія, то есть, носилъ крестъ, дабы согласно съ предъидущимъ пророчествомъ *Господь царствовалъ съ высоты древа*.

На сіе же древо Богъ указуетъ устами *Іереміи* Пророка: *пріидите, и вложимъ древо въ хлѣбъ его, и истребимъ его отъ земли живущихъ, и имя его да не помянется къ тому* (Іер. XI. 19). Дѣйствительно древо было возложено на Него. Господь въ послѣдствіи Самъ объясняетъ это таинство, наименовавъ тѣло Свое тѣмъ брашномъ, которое Пророкъ назвалъ прежде

(*) Въ Славянской Псалтири подобнаго изреченія нѣтъ.

прообразовательно Его тѣломъ. Нужны ли тебѣ еще другія доказательства, что крестъ Господа нашего былъ предсказанъ? Прочти 21 псаломъ, гдѣ описаны страсти Христовы и впередъ воспѣвается слава Его. *Ископаша руцѣ Мои и нозѣ Мои.* Не крестная ли это казнь особаго рода? Тоже самое разумѣется, когда Онъ проситъ помощи у Отца Своего: *спаси Мя отъ устъ львовыхъ и отъ рогъ единорожъ смиреніе Мое,* какъ-то мы выше объяснили. *Давидъ* ли былъ пригвожденъ къ висѣлицѣ? У другаго ли какого Израильскаго Царя или Пророка руки и ноги были пронзены? Нѣтъ! Никто иной не былъ на крестѣ распятъ, кромѣ распятаго всѣмъ народомъ съ такою молвою.

Если и за симъ жестокосердіе твое отвергаетъ таковыя объясненія, и ты надъ ними издѣваешься: то для меня довольно того одного, что смерть Іисуса-Христа точно была предсказана, и я въ правѣ изъ сего заключить, что она совершена на крестѣ, хотя бы св. Писаніе и умолчало о родѣ смерти Его. Я не могъ бы приписать крестной смерти никому иному, кромѣ того лица, чья смерть предсказана была. Для меня достаточно одного слова *Исаіина*, чтобъ убѣдиться въ Его страстяхъ, смерти и погребеніи: *ради беззаконій людей Моихъ ведеся на смерть;—и дамъ лукавыя вмѣсто погребенія Его, и богатыя вмѣсто смерти Его, яко беззаконія не сотвори, ниже обрѣтеся лесть во устѣхъ Его, и Господь хощетъ очистити Его отъ язвы* (Ис. LIII. 8–10). Въ другомъ мѣстѣ говоритъ онъ: *погребеніе Его взяся отъ среды* (Ис. LVII. 2). Нѣтъ погребенія безъ смерти. Погребеніе не вземлется отъ среды (людей) безъ воскресенія. *Исаія* наконецъ присовокупляетъ: *сего ради Той наслѣдитъ многихъ, и крѣпкихъ раздѣлитъ корысти* (Ис. LIII. 12). О комъ говорится тутъ, какъ не о Томъ, кто, какъ выше до-

казано, родился для того, чтобы душа Его предана была смерти? Объявить, что благодать сія была вознагражденіемъ за причиненныя Ему оскорбленія и смерть, значитъ засвидѣтельствовать, что Онъ смертію Своею достигнетъ сей славы, то есть, достигнетъ ее по смерти Своимъ воскресеніемъ.

Тьма покрыла землю среди полудня въ день Его смерти. Пророкъ *Амосъ* не забылъ упомянуть о семъ обстоятельствѣ. Онъ говоритъ: *и будетъ въ той день, глаголетъ Господь Богъ, зайдетъ солнце въ полудне, и померкнетъ на земли въ день свѣтъ; и превращу праздники вашя въ жалость и вся пѣсни вашя въ плачь, и возложу на всякъ хребетъ вретище, и на всяку главу плѣшъ, и положу его яко жалость любимаго, и сущыя съ нимъ яко день болѣзни* (Ам. VIII. 9 и 10). Не то же ли это самое, что *Моисей* заповѣдалъ самъ творить въ первый мѣсяцъ года, когда всему Израильскому народу повелѣлъ закалать ягня въ вечеру, и предвозвѣстилъ, что вы будете въ горечи отправлять праздникъ этого дня, то есть, пасху опрѣсноковъ? Это *пасха Господня*, присовокупилъ онъ, другими словами сказать, это страсти Христовы. Предвозвѣщеніе исполнилось. Вы предали смерти Іисуса-Христа въ первый день опрѣсноковъ. А дабы пророчество сбылось: то день превратился въ ночь и тьма покрыла землю въ полдень; и такимъ образомъ Богъ превратилъ праздники ваши въ жалость и пѣсни ваши въ плачь. Что еще сказать? Плѣненіе и разсѣяніе, постигшія васъ по смерти Христовой, равномѣрно были Духомъ Святымъ предсказаны.

XI. *Іезекіиль* возвѣщаетъ о гибели вашей, какъ о должной казни за ваше Богоубійство, и возвѣщаетъ о ней не только въ теченіи настоящаго вѣка, но и въ тотъ великій день мщенія, который послѣ пріидетъ.

бѣдствіе всеобщее! Никто не избѣгнетъ его, если не запечатлѣнъ кровію того Самаго Іисуса Христа, котораго вы съ презрѣніемъ отвергаете. Выслушайте, что Пророкъ говоритъ.

И рече ко мнѣ (Господь): *видѣлъ ли еси, сыне человѣчь, яже старцы дому Израилева творятъ здѣ, кійждо ихъ на ложи тайнѣмъ своемъ, зане рѣша: не видитъ Господь, оставилъ Господь землю. И рече ко мнѣ: еще обратися и узриши беззаконія большая, яже сіи творятъ. И введе мя въ преддверіе вратъ дому Господня, зрящихъ на сѣверъ; и се тамо жены сѣдящыя плачущеся о Ѳаммузѣ. И рече ко мнѣ: сыне человѣчь видѣлъ еси, и еще узриши мерзости ихъ большыя сихъ. И введе мя во дворъ дому Господня внутренній и въ преддверіе храма Господня между Еламомъ и между жертвенникомъ, яко двадесять и пять мужей, задняя своя давшихъ ко храму Господню, и лица ихъ прямо къ востоку; и сіи покланяются на востокъ солнцу. И рече ко мнѣ: видѣлъ еси, сыне человѣчь, еда мало дому Іудину, еже творити беззаконія, яже сотвориша здѣ, понеже наполниша землю беззаконія, и обратишася разнѣвати Мя. И се сіи простираютъ лозу аки ругающеся Мнѣ. И Азъ сотворю имъ съ яростію: не пощадитъ око Мое и не помилую. И возовутъ во уши Моя гласомъ великимъ, и не услышу ихъ.—И возопи во уши Моя гласомъ великимъ, глаголя: приближися отмщеніе града, и кійждо имѣяше сосуды истребленія въ руцѣ своей. И се шесть мужей идоша отъ пути вратъ высокихъ, зрящихъ на сѣверъ, и коемуждо сѣкира (погубленія) въ руцѣ его. И мужъ единъ посредѣ ихъ облеченъ въ подиръ, и поясъ отъ сапфира о чреслѣхъ его, и внидоша, и сташа близъ жертвенника мѣдянаго. И слава Бога Израилева взыде отъ Херувимовъ сущая на нихъ въ непокровенное дому, и призва*

мужа оболчена въ подиръ, иже имѣяше на чреслѣхъ своихъ поясъ. И рече Господь къ нему: проиди средѣ града Іерусалима, и даждь знаменія на лица мужей стенящихъ и болѣзнующихъ о всѣхъ беззаконіихъ, бывающихъ средѣ ихъ. И симъ рече, слышащу мнѣ: идите въ градъ въ слѣдъ его, изсѣцыте, и не пощадите очима вашима, и не помилуйте. Старца и юношу и дѣву и младенцы и жены избійте въ потребленіе; а ко всѣмъ, на нихъ же есть знаменіе, не прикасайтеся. Отъ освященныхъ Моихъ начните (Іезек. VIII. 12–18. IX. 1–6).

Таинство сего сокровеннаго знаменія, которое заранѣе предъустроивало жизнь человѣческую, и въ которое Іудеи не долженствовали вѣрить, возвѣщено и предсказано было многими символами. *Моисей* еще во Второзаконіи упоминалъ о немъ, говоря: *и возметеся отъ земли, въ нюже вы входите тамо, наслѣдити ю. И разсѣетъ тя Господь Богъ твой во вся языки, отъ края земли даже до края ея. И во языцѣхъ оныхъ не упокоитъ тя, ниже будетъ стоянія стопѣ ноги твоея. И дастъ тебѣ Господь тамо сердце печальное и оскудѣвающая очеса и истаявающую душу. И будетъ животъ твой висящъ предъ очима твоима, и убоишися во дни и въ нощи, и не будеши вѣры яти животу твоему* (Второз. XXVIII. 63–66). Пророчество сіе исполнилось какъ пришествіемъ Христовымъ, то есть, рожденіемъ Его, о чемъ выше нами подробно изложено, такъ и Его страданіями, о чемъ равномѣрно представлены нами доказательства. Посему-то *Даніилъ* и сказалъ, что видѣніе и пророчество будутъ запечатаны; ибо Христосъ есть печать и совершеніе всѣхъ пророчествъ, исполнивъ въ точности все то, что въ нихъ было предсказано о лицѣ Его. Такимъ образомъ послѣ пришествія и страстей Его нѣтъ уже

ни видѣнія, ни пророчества. Стало быть Онъ имѣлъ право сказать, что присутствіе Его между нами послужило печатію видѣнія и пророчества.

Что касается до насъ: то мы, исчисливъ годы, и показавъ, что предположенныя семьдесятъ двѣ съ половиною седмины уже прошли, ясно тѣмъ доказали, что Іисусъ-Христосъ пришелъ, то есть, воплотился. Сверхъ того представить доводы, что Христосъ пострадалъ въ концѣ послѣднихъ семи съ половиною седминъ, значитъ положительно утвердить, что по прошествіи семидесяти двухъ съ половиною седминъ и по разрушеніи города, священнодѣйствіе и жертвоприношенія должны были также прекратиться.

На сей разъ довольно того, что мы быстро пробѣжали все, касающееся до Христа. Изъ сего явствуетъ, что Онъ явился такимъ, какимъ возвѣщенъ, основываясь на однихъ приведенныхъ нами текстахъ, и не говоря о множествѣ другихъ, которые можно представить противъ Іудеевъ. Дѣйствительно они не могутъ ни подвергнуть сомнѣнію ни оспорить того, что написано и что нами противъ нихъ приведено. Съ одной стороны, какъ опровергнуть то, что согласно съ св. Писаніемъ? Съ другой, возможно ли не признать истинными тѣхъ происшествій, которыя сходно съ пророчествомъ долженствовали воспослѣдовать послѣ страстей Іисуса-Христа? Да и въ самомъ дѣлѣ смыслъ пророчества не могъ бы исполниться, если бы Христосъ, послѣ Котораго все, что ни было предсказано, долженствовало совершиться, не пришелъ въ міръ для засвидѣтельствованія о томъ, что всѣ пророчества приведены въ исполненіе.

XII. Посмотри. Всѣ народы выходятъ изъ бездны человѣческихъ заблужденій и вступаютъ въ познаніе Господа, въ познаніе Бога Создателя и Бога Христа

Его. Посмѣешь ли ты сказать, что столь чудесное происшествіе не было предсказано? Я остановлю тебя тотчасъ словами, изреченными Отцемъ Сыну Своему у Псалмопѣвца: *Сынъ Мой еси Ты, Азъ днесь родихъ Тя. Проси отъ Мене, и дамъ Ти языки достояніе Твое, и одержаніе Твое концы земли* (Псал. II. 7 и 8). Ты не имѣешь повода называть Его сыномъ *Давидовымъ* вмѣсто Христа, а тѣмъ паче не можешь утверждать, чтобы власть надъ землею была обѣщана болѣе *Давиду*, царствовавшему надъ одною Іудеею, нежели Іисусу-Христу, царствующему надъ всѣмъ міромъ посредствомъ вѣры въ Его Евангеліе. Послушай также *Исаію* Пророка: *Азъ Господь призвахъ Тя въ правдѣ, отверзти очи слѣпыхъ*, то есть, погрязшихъ въ заблужденіяхъ, *извести отъ узъ связанныя*, то есть, исторгнуть ихъ изъ рабства грѣха, извести *изъ дому темницы*, то есть, изъ дому смерти, *и сѣдящыя во тьмѣ* невѣжества. Мы не можемъ не исповѣдовать Іисуса-Христа, когда всѣ эти чудеса чрезъ Него совершаются. Они предсказаны были для одного Іисуса-Христа, и въ Немъ исполняются, какъ-то мы на опытѣ видимъ.

XIII. Какъ чада Израилевы полагаютъ, что мы находимся въ заблужденіи, признавая Христа уже пришедшимъ къ намъ: то мы позаимствуемъ изъ св. Писанія такое происшествіе, которое ясно докажетъ имъ, что предсказанный Христосъ уже пришелъ. Мы имъ предъ симъ уже показали чрезъ свидѣтельство временъ и чрезъ *Даніиловы* исчисленія, что пришествіе Христово по пророчеству уже послѣдовало. Прежде всего надлежало Ему родиться въ Виѳлеемѣ, въ градѣ Іудиномъ. *И ты*, говоритъ Пророкъ, *Виѳлееме, доме Евфраѳовъ, егда малъ еси, еже быти въ тысящахъ Іудиныхъ; изъ тебе бо Мнѣ изыдетъ старѣйшина еже*

быти въ князя во Израили (Мих. V. 2). Если доселѣ предсказанный вождь изъ племени Іуды и въ Виѳлеемѣ не родился: то ему надобно непремѣнно когда нибудь произойти изъ племени Іуды и изъ Виѳлеема. Между тѣмъ мы видимъ, что въ городѣ Виѳлеемѣ не осталось теперь ни одной души Израильскаго племени. Всякому Іудею запрещено даже имѣть пребываніе въ сосѣдствѣ сей страны, такъ что угроза Пророка *Исаіи* сбывается буквально: *земля ваша пуста, гради ваши огнемъ пожжени* (сами вы были тому свидѣтелями во время войны вашей съ Римлянами), *страну вашу предъ вами чуждіи поядаютъ, и опустѣ низвращенна отъ людей чуждихъ.* Въ другомъ мѣстѣ говоритъ онъ: *Царя со славою узрите*, то есть, узрите Іисуса-Христа, творящаго чудеса во славу Бога Отца Своего, *и очи ваши узрятъ землю издалеча.* Въ удаленіи отъ земли своей, которому вы подверглись по заслугамъ, вамъ позволится смотрѣть на нее только издалека. *Душа ваша поучится страху* (Ис. I. 7. XXXIII. 17 и 18). Страхъ безъ сомнѣнія овладѣетъ вами во время вашего злополучія. — Я спрашиваю: какимъ образомъ родится вождь въ Іудеѣ, какимъ образомъ произойдетъ онъ изъ Виѳлеема, согласно съ предсказаніями Пророковъ, тогда какъ нынѣ нѣтъ въ Іудеѣ ни одного Израильтянина изъ того колѣна, изъ котораго могъ бы родиться Христосъ? Если Онъ еще не пришелъ, какъ-то утверждаютъ Іудеи: то отъ кого получитъ Онъ помазаніе, когда придетъ? Въ законѣ сказано, что во время невольничества не дозволяется производить помазанія, освящающаго царей. Если же не могутъ Іудеи производить помазанія, какъ-то *Даніилъ* рѣшительно предсказалъ, что *потребится помазаніе:* то стало быть помазанія у нихъ уже нѣтъ, потому что они не имѣютъ болѣе ни храма ни олта-

ря, гдѣ совершалось помазаніе, дававшее царское достоинство. И такъ если помазаніе уже не существуетъ: то кто преподастъ его вождю, имѣющему родиться въ Виѳлеемѣ? Или какимъ образомъ произойдетъ онъ изъ Виѳлеема, когда нѣтъ тамъ никого отъ крови Израилевой?

Покажемъ снова, ссылаясь на Пророковъ, что Христосъ уже пострадалъ и вознесся на небо, и что Онъ оттуда нѣкогда опять сидетъ, какъ возвѣстилъ Пророкъ.

Мы читаемъ у *Даніила*, что градъ долженъ разсыпаться послѣ перваго Его пришествія. Дѣло исполнилось въ нашихъ глазахъ. Дѣйствительно, какъ гласитъ Писаніе, *градъ и святое разсыплется со старѣйшиною грядущимъ;* старѣйшина же сей безъ сомнѣнія долженъ произойти изъ Виѳлеема и изъ колѣна Іуды. Изъ сего явствуетъ, что городъ долженъ былъ подвергнуться раззоренію послѣ того, какъ старѣйшина претерпитъ страсти: такъ свидѣтельствуютъ Пророки. *Простроxъ руцѣ Мои весь день къ людемъ не покаряющымся и противуглаголющымъ, иже не ходиша путемъ истиннымъ, но въ слѣдъ грѣховъ своихъ* (Исаіи. LXV. 2). Та же рѣчь и въ Псалмахъ: *ископаша руцѣ Мои и нозѣ Мои; исчетоша вся костѣ Моя; тіи же смотриша и презрѣша Мя.—И даша въ снѣдь Мою желчь, и въ жажду Мою напоиша Мя оцта* (Псал. XXI. 18, LXVIII 22). Не *Давидъ* претерпѣлъ всѣ эти жестокости, чтобъ имѣть право обратить ихъ себѣ въ заслугу, но Іисусъ-Христосъ распятый. Иному никому не пронзаютъ рукъ и ногъ, кромѣ тѣхъ, кто виситъ на древѣ. По сему поводу *Давидъ* и пророчествовалъ, что *Господь будетъ царствовать съ высоты древа*. Тотъ же Пророкъ въ другомъ мѣстѣ возвѣстилъ о чудесныхъ плодахъ сего древа, сказавши: *земля даде плодъ свой* (Пс. LXVI. 7),

то есть, та дѣвственная земля, которой дожди еще не орошали, которой воды еще не оплодотворяли, изъ которой человѣкъ первоначально былъ созданъ, отъ которой и Іисусъ-Христосъ рожденъ нынѣ Дѣвою по плоти.

И древо, сказано еще, *на поли дастъ плодъ свой* (Іезек. XXXIV. 27), не то древо, которое подвергло смерти прародителей нашихъ, но древо страсти Іисуса-Христа, на которомъ повѣшена была жизнь, въ которую вы не увѣровали. Это то таинственное древо, посредствомъ котораго *Моисей* древле усладилъ воды горькія, когда въ пустынѣ онѣ оживотворили народъ, умиравшій отъ жажды, подобно какъ мы, бывши невѣрными, и будучи исхищены изъ мрака вѣка сего, въ которомъ были погружены и томились смертельною жаждою, лишенные спасительнаго питія божественнаго Слова, мы испили воду крещенія, услажденную священнымъ древомъ страстей Господнихъ, и воспріяли жизнь тою вѣрою, которую Израиль отвергъ, по словамъ *Іереміи* Пророка: *послите въ Кидаръ, и разсмотрите прилѣжно, и видите, аще сотворена быша таковая. Аще премѣниша языцы боги своя, и тіи не суть бози; людіе же Мои премѣниша славу свою на то, отъ него же не упользуются. Ужасеся небо о семъ* (Іер. II. 10 и 11). Когда и какимъ образомъ могло небо ужаснуться? Безспорно въ то время, какъ Іисусъ-Христосъ страдалъ. *И будетъ въ той день*, говоритъ Амосъ, *возмятется земля, и зайдетъ солнце въ полудне* (Ам. VIII. 8 и 9).

Іеремія продолжаетъ: *и вострепета* (небо) *зѣло*. Когда оно вострепетало, какъ не во время страстей Іисуса-Христа, въ то время, какъ *земля потрясеся, завѣса церковная раздрася на двое и гробы отверзошася?* По какой причинѣ? По той, какъ говоритъ Господь,

что *два зла сотвориша людіе Мои: Мене оставиша источника воды живы, и ископаша себѣ кладенцы сокрушенія, иже не возмогутъ воды содержати.* Тутъ безъ сомнѣнія говорится о томъ, что Іудеи отвергнутъ Іисуса-Христа, который есть источникъ воды живыя. Они ископаютъ бездонные колодези, то есть, разсѣясь по разнымъ народамъ, учредятъ между ими синагоги, въ которыхъ не будетъ уже обитать Духъ Святый, как прежде въ храмѣ до пришествія Христа, который есть истинный храмъ Божій.

На эту-то жажду Духа Святаго *Исаія* намекаетъ сими словами: *се работающіи Ми ясти будутъ, вы же взалчете; се работающіи Ми пити будутъ, вы же возжаждете; се работающіи Ми возрадуются, вы же посрамитеся; се работающіи Ми возвеселятся въ веселіи сердца, вы же возопіете въ болѣзни сердца вашего, и отъ сокрушенія Духа восплачетеся; оставите бо имя ваше въ насыщеніе избраннымъ Моимъ, васъ же избіетъ Господь; работающимъ же Мнѣ наречется имя новое, еже благословится на земли* (Исаія LXV. 13—16).

Мы встрѣчаемъ еще въ Книгѣ Царствъ таинство сего символическаго древа. Когда сыны пророческіе рубили древа на берегахъ Іордана; то у одного изъ нихъ спало съ топорища желѣзо и погрузилось въ воду. Приходитъ Пророкъ *Елисей*. Они просятъ его извлечь изъ рѣки упавшее въ него желѣзо. Человѣкъ Божій *отсѣче древо и вверже е тамо, и всплыве железо, и рече: возьми себѣ; и простре руку свою, и взятъ е* (4 кн. Цар. VI. 6 и 7); а брошенное въ воду древо осталось въ ней. Изъ сего пророческіе сыны познали, что Духъ *Иліинъ* почилъ на *Елисеѣ*. Что можетъ яснѣе быть таинства сего древа? Оно означаетъ, что вѣкъ сей, погруженный въ бездну заблужденій, освобожденъ отъ ожесточенія своего при крещеніи дре-

вомъ страстей Іисуса-Христа, дабы то, что погибло прежде въ *Адамѣ* отъ древа, исправлено было отъ древа же во Іисусѣ-Христѣ; а мы, сдѣлавшись наслѣдниками Пророковъ, претерпѣвали бы нынѣ тѣ же самыя скорби, какимъ они подвергались за свою божественную Религію. Іудеи дѣйствительно нѣкоторыхъ изъ нихъ побили камнемъ, другихъ изгнали, иныхъ предали разнаго рода смерти. Они не могутъ того отрицать.

Вотъ и еще древо, которое *Исаакъ*, сынъ *Авраамовъ*, несъ на плечахъ своихъ для принесенія себя въ жертву, когда Богъ того потребовалъ. Какъ это былъ символъ, исполненіе котораго Христосъ предоставилъ Себѣ: то *Исаакъ* былъ пощаженъ, а вмѣсто его вознесенъ на жертвенникъ овенъ, держимый рогами въ кустарникѣ. Христосъ также несъ на плечахъ Своихъ древо креста и пригвоздилъ тѣло свое къ рогамъ или оконечностямъ его, увѣнчанный терніемъ. Надлежало быть ему принесеннымъ въ жертву за спасеніе всѣхъ народовъ: Онъ *яко овча на заколеніе ведеся, и яко агнецъ предъ стригущимъ его безгласенъ.* Сколько *Пилатъ* ни спрашивалъ Его, Онъ ему не отвѣчалъ ни слова. Онъ умеръ среди уничиженій по произнесеніи приговора. *Родъ же Его кто исповѣстъ?* Да и въ самомъ дѣлѣ никто не вѣдалъ таинства зачатія и рожденія Іисуса-Христа, когда дѣва *Марія* оказалась беременною Словомъ Божіимъ. *И взяся отъ земли живыхъ,* когда по воскресеніи изъ мертвыхъ возшелъ Онъ торжественно на небеса, согласно съ пророческимъ изреченіемъ *Осіи: утренневати будутъ ко Мнѣ, глаголюще: идемъ и обратимся ко Господу Богу нашему, яко Той исцѣлитъ и уврачуетъ ны: по двою дню, въ день третій воскреснемъ* (Осіи VI. 1), то есть, въ день преславнаго Его воскресенія, тотъ Духъ, котораго ни рожденія, ни

страданій Іудеи признать не хотѣли, преселенъ будетъ отъ земли на небеса, откуда Онъ и снизшелъ въ утробу Дѣвы.

И такъ если Іудеи думаютъ, что Христосъ ихъ, о пришествіи Котораго привели мы столько свидѣтельствъ, еще не пришелъ: то по крайней мѣрѣ да признаютъ дѣйствительность того несчастія, которое Пророчество возвѣстило имъ по пришествіи Его, въ возмездіе за ихъ презрѣніе, жестокость и богоубійство. Съ тѣхъ поръ, какъ по словамъ *Исаіи* Пророка *человѣкъ изринетъ мерзости своя златыя и сребряныя, яже сотвориша, да покланяются суетнымъ и нетопыремъ*, то есть, съ тѣхъ поръ, какъ народы, то есть, мы, изучась истины свѣтомъ Христовымъ, сокрушили своихъ идоловъ, Іудеи собственными глазами видѣть могутъ, что слѣдующее за симъ изреченіе въ точности исполнилось: *се Владыка Господь Саваоѳъ отъиметъ отъ Іерусалима и отъ Іудеи премудраго Архитектона*, который создалъ церковь, храмъ Божій, святый градъ и домъ Господень. Съ сего времени дѣйствительно благодать Божія перестала на нихъ изливаться. *И облакомъ заповѣстъ, еже не одождити на виноградъ Мой дождя*, то есть, повелитъ благамъ небеснымъ не обогащать впредь дома Израилева. Почему такъ? *Зане взыде на немъ, якоже на лядинѣ, терніе*, дабы увѣнчать имъ Господа, и вмѣсто правды произнесть вопль проклятія, съ которымъ пригвожденъ Онъ ко кресту. Когда такимъ образомъ Іудеи лишились дождя предшествовавшей благодати: то вмѣстѣ съ тѣмъ законъ и пророки перестали существовать до *Іоанна*. Купель Силоамская, исцѣлявшая Израилевы немощи до пришествія Христова, потеряла съ того времени силу свою, потому что слѣпое упорство сего народа причиною тому, что *ихъ ради*

присно имя Божіе хулится во языцѣхъ. Да и подлинно ихъ ради произошло это поруганіе въ промежуткѣ времени отъ *Тиверія* до *Веспасіана.* Тогда, въ наказаніе за ихъ преступленія, за непризнаніе Христа въ то время, какъ Онъ ихъ посѣтилъ, *земля ихъ бяше пуста, гради ихъ огнемъ пожжени, страну ихъ предъ нами чуждіи поядаютъ, и опустѣ низвращенна отъ людей чуждихъ. Оставится дщерь Сіоня, яко куща въ виноградѣ, и яко овощное хранилище въ вертоградѣ.* Съ котораго времени? Съ тѣхъ поръ, какъ *Израиль не позна Господа, и людіе Его не разумѣша; оставиша Господа и разгнѣваша Святаго Израилева* (II. 20; III. 1, 3; V. 6; LII. 5; I. 3, 4, 7 и 8).

Что значитъ также и эта угроза: *наказанія не пріясте, мечь пояде васъ* (Іер. II. 30), какъ не то, что, когда пришелъ Христосъ, то Іудеи погибли за то, что не послушали Его? Не Онъ ли у Псалмопѣвца молитъ Отца Своего о разсѣяніи сего народа? *Расточи я силою Твоею и низведи я* (Псал. LVIII. 12). Не Онъ ли равномѣрно, устами *Исаіи*, призываетъ гибель на главу ихъ: *Мене ради быша сія вамъ, въ печали успнете* (Исаіи L. 11).

Какъ предсказано было съ одной стороны, что Іудеи разсѣяны и потреблены будутъ ради Іисуса-Христа, а съ другой извѣстно, что ихъ разсѣяніе и гибель совершились въ нашихъ глазахъ: то изъ сего явствуетъ, что Іудеи подверглись злополучію сему дѣйствительно ради Іисуса-Христа. Здѣсь все одно съ другимъ согласуется: смыслъ св. Писанія, произшествіе и порядокъ времени. Если же справедливо, что эти несчастія предсказаны были по причинѣ Іисуса-Христа: то не должны ли они ихъ претерпѣть по пришествіи Его? Но гдѣ взять дщерь Сіонію, которая долженствовала быть оставлена, когда теперь дщерь

Сіоня уже не существуетъ? Гдѣ города, которые должны подвергнуться сожженію, когда они лежатъ уже во прахѣ? Гдѣ народъ, который долженъ разсѣяться, когда онъ блуждаетъ нынѣ по всей землѣ? Возвратите Іудеѣ Государство, которое могъ бы обрѣсти Іисусъ-Христосъ, прежде, нежели станете утверждать, что придетъ другой Христосъ.

XIV. Познайте же, какъ бы въ дополненіе, на чемъ основано заблужденіе ваше. Пророки подъ двумя образами описали двойственное пришествіе Іисуса-Христа.

Первый образъ долженъ былъ состоять въ уничиженіяхъ всякаго рода. *Яко овча на заколеніе ведеся, и яко агнецъ предъ стригущимъ его безгласенъ. Видъ Его безчестенъ. Бысть предъ Господомъ, яко корень въ земли жаждущей. Нѣсть вида Ему, ниже славы, и видѣхомъ Его, и не имяше вида, ни доброты, умаленъ паче всѣвъ сыновъ человѣческихъ, человѣкъ въ язвѣ сый, и вѣдый терпѣти болѣзнь, яко отвратися лице Его безчестно бысть и не вмѣнися* (Исаіи LIII), то есть, Отецъ *поставилъ Его какъ бы въ камень претыканія, и умалилъ Его* на время *малымъ чимъ отъ Ангелъ.* Онъ самъ о Себѣ говоритъ: *Азъ есмь червь, а не человѣкъ, поношеніе человѣковъ и уничиженіе людей* (Псал. VIII. и XXI).

Эти знаки уничиженія принадлежатъ къ первому Его пришествію; второе же пришествіе Его ознаменуется величіемъ и славою. Тогда не будетъ уже Онъ камнемъ претыканія и соблазна, но *камнемъ, его же небрегоша зиждущіи, и иже бысть во главу угла* (Пс. CXVII. 22) во храмѣ, или тѣмъ *Даніиловымъ* камнемъ, *иже отторжеся отъ горы, и удари и истлѣ до конца* мечтательное величіе царствъ міра сего. Послушаемъ, что далѣе тотъ же Пророкъ *Даніилъ* говоритъ о вто-

ромъ пришествіи Христовомъ. *И се на облацѣхъ небесныхъ яко Сынъ человѣчь идый бяше, и даже до Ветхаго денми дойде, и предъ Него приведеся: И Тому дадеся власть и честь и царство, и вси людіе, племена и языцы Тому поработаютъ: власть Его власть вѣчная, яже не прейдетъ, и царство Его не разсыплется* (Дан. II. и VII). Тогда то лице Его возсіяетъ, краса Его превзойдетъ красу всѣхъ сыновъ человѣческихъ. О Немъ то сказано: *красенъ добротою паче сыновъ человѣческихъ: изліяся благодать во устнахъ Твоихъ; сего ради благослови Тя Богъ во вѣкъ. Препояши мечь Твой по бедрѣ Твоей, Силне. Красотою Твоею и добротою Твоею, наляцы и успѣвай и царствуй истины ради и кротости и правды.*—Се Отецъ Твой, *умаливъ Тебе малымъ чимъ отъ Ангелъ* на нѣкоторое время, *вѣнчалъ славою и честію, и поставилъ надъ дѣлы руку Своею* (Пс. XLIV. и VIII). *Воззрятъ нань егоже прободоша, и восплачутся о Немъ плаканіемъ* (Зах. XII. 10). За чѣмъ это плаканіе? За тѣмъ, что они (Іудеи) не умѣли и не хотѣли познать Его въ состояніи человѣческаго Его уничиженія. *Человѣкъ есть*, восклицаетъ *Іеремія* и *кто познаетъ Его*? (Іер. XVII. 9). Онъ Богъ, отвѣтствуетъ *Исаія*, *родъ же Его кто исповѣстъ?* Пророкъ *Захарія* также говоря: *и показа ми Господь Іисуса Іерея великаго* (Захар. III), представляетъ намъ въ лицѣ *Іисуса* открывая таинство священнаго Его имени, двойственное пришествіе Іисуса-Христа, какъ истиннаго и великаго Іерея Отца Своего. Во первыхъ, Онъ облеченъ во вретище, то есть, въ страстную и смертную плоть, когда борется съ діаволомъ, который Его искушаетъ послѣ Его крещенія, и влагаетъ въ сердцѣ *Іуды* предательскія мысли. Во вторыхъ, Онъ совлекаетъ съ Себя прежнее уничиженіе, какъ нечистую одежду, *облекается въ* свѣтлую *ризу и возлагаетъ на*

главу Свою кидаръ чистъ, то есть, воспріемлетъ славу и величіе втораго Своего пришествія.

Чтобы тутъ дѣло шло объ *Іисусѣ*, сынѣ *Іодаевѣ*, ты не можешь того утверждать; ибо онъ никогда не носилъ нечистой одежды, но всегда употреблялъ ризы приличныя или первосвященническія, и достоинства своего никогда не лишался. Нѣтъ! Это именно былъ верховный Іерей Бога-Отца Іисусъ-Христосъ, который принеся Себя въ жертву за насъ сквозь всѣ уничиженія, и облекшись въ свѣтлую ризу по воскресеніи Своемъ, наименованъ великимъ Іереемъ Божіимъ.

Говорить ли мнѣ о двухъ козлахъ, которые по закону *Моисееву* представляемы были для общаго очищенія народа (Кн. Лев. XVI)? Не изображаютъ ли они двойственнаго вида Христова? Подъ символомъ сихъ двухъ животныхъ, другъ другу во всемъ подобныхъ, я вижу Самаго Господа, долженствующаго въ томъ видѣ, въ какомъ Онъ здѣсь находился, быть узнаннымъ отъ Своихъ оскорбителей. Одинъ изъ двухъ козловъ, проклятый, *изгнанный въ пустыню и взявшій на себя беззаконія ихъ въ землю непроходиму*, носитъ на себѣ явные знаки страстей Іисуса-Христа, который былъ поруганъ, осыпанъ проклятіями и распятъ внѣ города какъ бы въ пустынѣ. Другой, принесенный отъ Архіерея въ очистительную жертву всесожженія за грѣхи, напоминаетъ мнѣ тотъ торжественный день, когда Іереи духовнаго храма, то есть, Церкви, будучи очищены отъ всякія скверны, будутъ наслаждаться превосходнѣйшими дарами благодати, между тѣмъ какъ другіе взалчутъ спасенія и будутъ отъ него далеки. — Сомнѣнія болѣе нѣтъ. Первое пришествіе Христово должно было исполниться среди уничиженій и оскорбленій: фигуры, обозначающія его, для многихъ покрыты тьмою. Второе, напротивъ того,

озарено свѣтомъ и сообразно съ достоинствомъ Божіимъ. Посему-то Іудеямъ стоило только поднять глаза, чтобъ удостовѣриться въ семъ второмъ явленіи по блеску и сіянію его, между тѣмъ какъ завѣсы и немощи, не свойственныя Богу, при первомъ явленіи, могли помрачить ихъ взоры, и они даже и теперь утверждаютъ, что Христосъ ихъ еще не пришелъ, потому что не видѣли Его во всей славѣ; а того не хотятъ знать, что прежде долженъ Онъ явиться въ униженіи и посрамленіи.

Остановимся. Довольно мы привели текстовъ относительно Іисуса-Христа во свидѣтельство того, что Онъ пришелъ въ такомъ видѣ, какъ было возвѣщено, дабы мы уразумѣли изъ сличенія столь чудеснаго согласія разныхъ мѣстъ св. Писанія, что произшествія, предсказанныя Пророками, и долженствовавшія совершиться послѣ Іисуса-Христа, исполнились сообразно божественному откровенію. Дѣйствительно, если бы не пришелъ Тотъ, послѣ кого эти произшествія должны были случиться: то и тѣ произшествія, которыя возвѣщены были о пришествіи Его, не могли бы прійти въ исполненіе. Видя, что народы исходятъ изъ бездны человѣческихъ заблужденій, и обращаются къ Богу Создателю и Христу Его, вы не смѣете отрицать, чтобы чудо это не было предсказано. Если же вы на то покуситесь, то я противопоставлю вамъ только изреченное Богомъ-Отцемъ Сыну Своему обѣщаніе: *Сынъ Мой еси ты; Азъ днесь родихъ Тя; проси отъ Мене и дамъ Ти языки достояніе Твое, и одержаніе Твое концы земли.* Вы не можете утверждать, чтобы пророчество это относилось болѣе къ *Соломону*, сыну *Давидову*, нежели къ Іисусу-Христу. Власть надъ всею землею не была обѣщана сыну *Давидову*. *Соломонъ* царствовалъ только надъ одною Іудеею. Но съ Сыномъ Божіимъ было не такъ:

Онъ просвѣтитъ всю вселенную лучами Своего Евангелія. *Престолъ Его вѣченъ*, говорятъ Пророки. Кому же приличествуетъ вѣчность: Сыну ли Божію или *Соломону*, однодневному, такъ сказать, Царю, царствовавшему надъ однимъ Израилемъ? Народы, не вѣдавшіе Іисуса-Христа, нынѣ призываютъ Его. Люди обращаются ко Христу, о которомъ прежде и не слыхали. Ты не можешь ссылаться тутъ на будущность, когда дѣло происходитъ въ твоихъ глазахъ. Отрицай, чтобъ эти произшествія не были предсказаны, когда они явно исполняются передъ всѣми; или будто они исполняются не смотря на то, что ничего о нихъ не сказано въ Писаніи. Если же ты не въ состояніи отвергнуть того и другаго: то надобно, чтобы все это совершилось въ лицѣ Того, кого Пророки предвозвѣстили.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.